

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139
e-ISSN 1816-8590

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2018. № 6(114)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.
Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации статей по экономическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@sziu.ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2018
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Репин Д. А. — доктор социологических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, врио директора Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кукина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Омск);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

- Chief Editor: Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council
- Deputy Chief Editor: Repin D. A.** — Doctor of Science (Sociology), Deputy Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg)

EDITORIAL COUNCIL

- Bakhtizin A. R.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Acting Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);
- Mezhevich N. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Wolman H.** — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);
- Carmen Perez Gonzalez** — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);
- Felix Vacas Fernandez** — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

- Akopov S. V.** — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);
- Balashov A. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Bodrunov S. D.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Volkov V. A.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Vulfovich R. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Zaporozhan A. Ya.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kazantsev A. A.** — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);
- Karanatova L. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kolesnikov V. N.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Kuklina E. A.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Polyakova T. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Terebnev L. V.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Halin V. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Tsygalov Yu. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Shumilov M. M.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 8 КЛЮЕВ А. В., ЛЯШКО С. В.**
Профилактическая деятельность по обеспечению правопорядка и законности в Санкт-Петербурге (по материалам социологического исследования)
- 20 ИШТВАН ТОЖА, ЯНОШ САЛАЙ**
Геостратегия у юго-восточных ворот ЕС
- 33 БАЛАШОВ А. И., ЗАХАРЕНКО Г. А.**
Зачем открывать закрытое здравоохранение?
- 41 БАРАНЕЦ С. Н.**
Методологические основания и проблемы исследования политического потенциала местной власти в России: предпосылки и обстоятельства для формулирования базисной теоретической модели (часть первая)
- 53 КОВАЛЕВ А. А.**
Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 63 ШАМАХОВ В. А., КОРЯГИН П. А., КУНТИШЕВ Р. А.**
Технология блокчейн как фактор глобальной модернизации международных процессов таможенного регулирования. Внедрение цифровой системы распределенных реестров в Таможенном союзе стран ЕАЭС

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 68 БОЙКО И. В.**
Пространственная и технологическая диверсификация российской экономики
- 77 ЩИТИНСКИЙ В. А., МИНИНА М. В.**
Проблемы управления социально-экономическим развитием Арктической зоны Российской Федерации
- 88 ДУШКО ДИМИТРИЕВИЧ**
Перспективы и проблемы привлечения китайских инвестиций в экономику Сербии
- 102 КАРАНАТОВА Л. Г., ЕВСЮКОВ А. В.**
Отображение политики протекционизма в современной туристской отрасли

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 111 КИМ М. Н., ПАК Е. М., ЕВДОКИМОВА Н. Я.**
«10 вопросов 100 знаменитым людям России» как формат студенческого телевидения
- 120 СОСНИЛО А. И., СНЕТКОВА Д. А.**
Роль современной корпоративной культуры в развитии компаний

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 130 ГРИДНЕВ В. П.**
Мемуары как источник изучения битвы за Ленинград

- 137 ХРАПКОВ Г. Н.**
Императорская Российская академия в конце XVIII — первой половине XIX веков (к 235-летию учреждения Российской академии)

A LINEA

- 144 КОРЧЕМНЫЙ М. К.**
Экономические кризисы и их влияние на структуру экономики
- 149 РУКАВИШНИКОВ Д. С.**
Перспективы российского рынка слияний и поглощений в условиях экономической неопределенности
- 155 ТЕДЕЕВА А. В.**
Выявление глобальных стратегических трендов, определяющих развитие прямых иностранных инвестиций

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 168 КАШИНА М. А.**
Рецензия на учебное пособие «Основы государственной культурной политики Российской Федерации»

POLICY AND LAWFUL STATE

- 8 KLYUEV A. V., LYASHKO S. V.**
Preventive Activity for Providing Public Order and Legality in St. Petersburg
(on materials of a sociological research)
- 20 ISTVÁN TÓZSA, JÁNOS SALLAI**
Geostrategy at the EU's South-Eastern Gate
- 33 BALASHOV A. I., ZAKHARENKO G. A.**
Why to open the closed health care?
- 41 BARANETS S. N.**
Methodological Foundations and Problems of the Study of Political Capacity
of Local Government in Russia: Preconditions and Circumstances
for the Formulation of Basic Theoretical Models
- 53 KOVALEV A. A.**
Influence of Geopolitical Factors on Military Security of the Russian Federation

EURASIAN STUDIES

- 63 SHAMAKHOV V. A., KORYAGIN P. A., KUNTISHEV R. A.**
Blockchain Technology as a Factor of Global Modernization of International
Processes of Customs Regulation. Application of the Digital System
of Distributed Registers in the Customs Union of the Eurasian Economic
Union Countries

POWER AND ECONOMY

- 68 BOIKO I. V.**
Spatial and Technological Diversification of the Russian Economy
- 77 SHCHITINSKY V. A., MININA M. V.**
Problems of Management of Social and Economic Development of the Arctic
Zone of the Russian Federation
- 88 DUŠKO DIMITRIJEVIĆ**
Achievements and Challenges for China Investments in Serbia
- 102 KARANATOVA L. G., EVSYUKOV A. V.**
Display of Protectionism in Modern Tourist Branch

SOCIETY AND REFORMS

- 111 KIM M. N., PAK E. M., EVDOKIMOVA N. YA.**
«Ten Questions a Hundred Famous Russian People» as Format Student
Television Broadcasting
- 120 SOSNILO A. I., SNETKOVA D. A.**
Role of Modern Corporate Culture in Companies Development

HISTORY AND CULTURE

- 130 GRIDNEV V. P.**
Memoirs as a Source of Studying the Battle of Leningrad
- 137 KHRAPKOV G. N.**
Imperial Russian Academy at the End of XVIII — the First Half of the 19th
Centuries (to the 235 Anniversary of Establishment of the Russian Academy)

A LINEA

- 144 KORCHEMNY M. K.**
Economic Crises and Their Influence on Economy Structure
- 149 RUKAVISHNIKOV D. S.**
Prospects of the Russian Market of Mergers and Acquisitions in Conditions of Economic Uncertainty
- 155 TEDEEVA A. V.**
Identification of the Global Strategic Trends Defining of Foreign Direct Investments Development

SCIENTIFIC LIFE

- 168 KASHINA M. A.**
Review of the Textbook Fundamentals of the State Cultural Policy of the Russian Federation

Профилактическая деятельность по обеспечению правопорядка и законности в Санкт-Петербурге (по материалам социологического исследования)

Клюев А. В.^{1*}, Ляшко С. В.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kluev-av@sziiu.ranepa.ru

²СПб ГУП «Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр», Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Целью статьи является оценка криминогенной ситуации и анализ деятельности правоохранительных органов по обеспечению безопасности жителей Санкт-Петербурга. Используются количественные и качественные **методы** социологического исследования, а также методы корреляционно-регрессивного анализа и экспертных оценок.

Результатом является исследование состояния преступности и выявление мнения жителей Санкт-Петербурга по отношению к различным формам ее проявления, оценка деятельности правоохранительных органов. Проведенное исследование позволяет сделать ряд **выводов**: разные виды правонарушений имеют как общие социально-экономические детерминанты, так и более конкретные, специфические, которые получили свою интерпретацию на основе полученных эмпирических данных; резюмируется, что достижение определенной стабильности системы общественной безопасности не гарантирует данного тренда в дальнейшем, поскольку появляются новые социальные вызовы. Например, на криминализацию сегодня оказывает влияние экстремистский фактор, вербовочная работа со стороны экстремистских организаций и т.д. Как свидетельствуют результаты исследования, количество зарегистрированных преступлений в Санкт-Петербурге террористической направленности не столь велико, но оно носит резонансный характер и рассчитано на страх, социальную дестабилизацию. Жители города и эксперты единодушны при определении видов преступности, оказывающих наибольшее влияние на криминогенную ситуацию в Санкт-Петербурге — это преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, имущественными преступлениями и преступлениями против личности. В большинстве случаев респонденты связывают свои представления о состоянии преступности в Санкт-Петербурге в ближайшие годы с изменением социально-экономической и политической обстановки и полагают, что криминогенная ситуация в городе будет иметь тенденцию к улучшению, хотя данная тенденция не имеет убедительной аргументации. Можно сделать вывод, что целенаправленная работа по повышению безопасности граждан в Санкт-Петербурге имеет свои позитивные результаты и требует своего дальнейшего совершенствования. Одним из ключевых направлений борьбы с преступлениями выступает профилактическая работа по ее предупреждению.

Наиболее важными с точки зрения горожан являются: профилактическая деятельность полиции, направленная на усиление патрулирования улиц города, дворовых территорий, постоянные рейды по криминогенным местам; улучшение работы участковых уполномоченных полиции; быстрое реагирование на обращения граждан; повсеместная установка камер видеонаблюдения и повышение раскрываемости преступлений.

Ключевые слова: преступность, криминогенная ситуация, профилактика, безопасность

Preventive Activity for Providing Public Order and Legality in St. Petersburg (on materials of a sociological research)

Klyuev A. V.^{a*}, Lyashko S. V.^b

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; klyuev-av@szu.ranepa.ru

^bSPb SUE St. Petersburg Information and Analytical Center, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The purpose of the article is assessment of a criminogenic situation and the analysis of activities of law enforcement agencies for safety of residents of St. Petersburg. Quantitative and qualitative methods of a sociological research and also methods of the correlation and regressive analysis and expert estimates are used. The research of a condition of crime and detection of opinion of residents of St. Petersburg in relation to various forms of her manifestation, assessment of activity of law enforcement agencies is result. The conducted research allows to draw a number of conclusions: different types of offenses have both the general social and economic determinants, and more concrete, specific which have received the interpretation on the basis of the obtained empirical data; it is summarized that achievement of a certain stability of system of public safety doesn't guarantee this trend further as new social calls appear. For example, the extremist factor, recruiting work exerts impact on criminalization from the extremist organizations, etc. today. As results of a research, the number of the registered crimes in St. Petersburg of terrorist orientation testify it isn't so big, but it has resonant character and is calculated on fear, social destabilization. Residents and experts are unanimous when determining the types of crime exerting the greatest impact on a criminogenic situation in St. Petersburg are the crimes connected with drug trafficking, property crimes and crimes against the personality. In the majority a case respondents connect the ideas of a condition of crime in St. Petersburg in the next years with change of a social and economic and political situation and believe that the criminogenic situation in the city will tend to improvement though this tendency has no convincing argument. It is possible to draw a conclusion that purposeful work on increase in safety of citizens in St. Petersburg has the positive results and demands the further improvement. Scheduled maintenance on her prevention acts as one of the key directions of fight against crimes.

From the point of view of citizens, are the most important: he preventive activity of police directed to strengthening of patrol of city streets, domestic territories, continuous raids in criminogenic places; improvement of work of district police officers; quick response to addresses of citizens; universal installation of surveillance cameras and increase in solvability of crimes.

Keywords: crime, crime situation, prevention, security

Обеспечение безопасности и снижение уровня преступности является одним из важнейших условий социально-экономического развития общества и стабильной жизнедеятельности населения. Правонарушение — явление социальное, его социальный характер обусловлен массовостью нарушений требований норм права в обществе, что наносит значительный моральный и материальный вред. В социальном смысле главное — то, что оно противоречит существующим общественным отношениям, причиняет или способно причинить вред правам и интересам граждан, коллективов и общества в целом, препятствует поступательному развитию общества.

Естественно, что основным субъектом обеспечения безопасности граждан и профилактики правонарушений является государство, осуществляющее свои функции в данной сфере посредством правоохранительных органов и органов государственной власти. Государственная политика по обеспечению безопасности и профилактики включает скоординированные действия политических, организационных, правовых, социально-экономических, информационных и других мер. Однако проблема повышения эффективности борьбы с преступными проявлениями остается достаточно актуальной. Существенным шагом на этом пути ее решения стало принятие в 2016 г. Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Рос-

сийской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ. Закон наделил глав регионов и органов местного самоуправления полномочиями в данной сфере, что способствовало более скоординированной деятельности всех заинтересованных субъектов профилактики преступлений.

Помимо совершенствования деятельности государственных и правоохранительных органов существенным потенциалом и резервом является готовность граждан содействовать правоохранительным органам в укреплении безопасности.

Участие общественности в данной деятельности может быть многообразным с использованием прежних, как апробированных форм обеспечения общественного порядка, так и инновационных. Перспективным представляется, как отмечает известный специалист в области криминологии Я. Гилинский, формирование партнерских отношений между полицией и общиной, организацией соседского контроля.

С целью изучения взглядов жителей Санкт-Петербурга на криминогенную обстановку в городе и деятельность правоохранительных органов и органов исполнительной власти по укреплению правопорядка и общественной безопасности в мае-июне 2017 г. по заказу Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности Санкт-Петербурга Северо-Западным институтом управления было проведено социологическое исследование.

Феномен общественного мнения нельзя рассматривать вне контекста реально сложившейся ситуации в стране, в городе. Под общественным мнением понимается специфическая субъективная форма отражения объективной реальности, предметом которого являются те стороны общественной жизни, которые затрагивают интересы социальных общностей. Общественное мнение есть мера доверия со стороны населения органам внутренних дел и органам власти и управления.

Трансформации, происходящие в российском обществе, существенным образом повлияли на условия обеспечения правопорядка и законности, выдвинули немало новых достаточно сложных проблем. В этих условиях общественное мнение приобретает все более важное значение и служит средством получения дополнительной информации для принятия управленческих решений.

В ходе исследования было опрошено 1100 жителей Санкт-Петербурга по репрезентативной выборке и 20 экспертов.

Оценка жителями Санкт-Петербурга криминогенной обстановки в городе за последние три года

Понятие криминогенной ситуации в самом общем виде может быть сведено к состоянию преступности, общественного порядка, наличию сил и средств, которыми располагают правоохранительные органы, органы исполнительной власти, а также условий, в которых решаются конкретные задачи по укреплению законности и правопорядка. Именно в этой интерпретации понятие «криминогенная обстановка» применено в проведенном исследовании. То есть, исследовалось состояние преступности в определенный период времени на основе актуальных данных правоохранительных органов за 2013–2016 гг. на территории Санкт-Петербурга.

Оценка криминогенной ситуации в Санкт-Петербурге измеряется по многим параметрам, но если говорить по количеству преступлений, то всего преступлений было совершено в 2015 г. — 56 480 ед., в 2016 г. — 52 351 ед., т.е. в 2016 г. на 7,3% меньше. Среди них преступления экономической направленности в 2015 г. составили — 2 747 ед., в 2016 г. — 2 671 ед. (Состояние преступности в Санкт-Петербурге в 2016 г. Аналитический вестник ИАЦ, выпуск № 4 (179) 30 января 2017 г.).

Исследование показало, что петербуржцы оценивают проблему борьбы с преступностью и укрепления правопорядка как актуальную для Санкт-Петербурга. Так считают почти **90%** опрошенных.

Вместе с тем 41,2% респондентов полагают, что вероятность стать жертвой преступления в Санкт-Петербурге за последние три года не изменилась, а еще почти треть респондентов утверждают, что такая вероятность снизилась. Однако 15,3% петербуржцев испытывают напряжение по поводу криминогенной обстановки и указывают на повышение вероятности стать жертвой преступления.

Мнения экспертов о криминогенной ситуации в основном совпадали и в обобщенном виде были представлены в таких суждениях:

- «криминогенная ситуация в Санкт-Петербурге не ухудшалась за последние три года»;
- «уровень безопасности в городе достаточно стабилен»;
- «криминогенная ситуация в целом стабильна и держится на прежнем уровне»;
- «никаких принципиальных изменений не произошло» и т. д.

Однако конкретизация ответов экспертов на дополнительные вопросы позволяет сделать вывод о том, что происходит некоторое сокращение отдельных видов преступлений, но наблюдается увеличение, хотя и незначительное, количества других видов правонарушений. Так, количество разбойных нападений, убийств и других видов тяжких преступлений сократилось, но сохраняются традиционные уличные преступления (кражи, различные мошеннические действия, связанные с нападением на личность, причинением вреда здоровью, экономические преступления, угоны автомобилей и т. д.).

В последнее время преступления, касающиеся непосредственно угрозы жизни и здоровью — это в основном преступления на бытовой почве.

Эксперты прогнозируют, что криминогенная ситуация принципиально не изменится, допуская какое-то небольшое снижение преступности в пределах до пяти процентов, но возможно и некоторое увеличение экстремистских или террористических преступлений. Это может быть связано с активной позицией России в Сирии.

Причины криминогенной ситуации в Санкт-Петербурге

К наиболее общим и значительным факторам криминогенной ситуации эксперты относили уровень социально-экономического развития и благосостояния населения, снижение которого приводит к росту числа различного рода правонарушений.

Общим фоновым фактором криминогенной ситуации в современных условиях является, по мнению большинства экспертов, коммерциализация социальной среды, приводящая к ограничению доступа значительной части населения, особенно молодежи, к занятию спортом, посещению театров, кинотеатров, получению бесплатного образования и т. д.

Конкретными причинами, обуславливающими криминогенную ситуацию в таком крупном городе, как Санкт-Петербург, являются:

- повышенная плотность населения, приводящая к частичному ухудшению условий жизни (с ней связан дефицит средств жизнеобеспечения, транспортная, жилищная и другие проблемы);
- маятниковая миграция (с ней связана так называемая транспортная усталость, влекущая повышенные психологические нагрузки);
- возрастание нервных нагрузок на человека, приводящих к увеличению стрессовых, конфликтных ситуаций, что иногда заканчивается угрозами, демонстрацией различного вида предметов, которые могут использоваться в качестве оружия, а в ряде случаев применяются;
- промышленный и транспортный травматизм;
- ослабление родственных и соседских связей (так называемая анонимность образа жизни);

- значительное количество социальных групп риска, склонных к девиантному поведению (мигранты, определенные группы молодежи, лица, вышедшие на свободу из мест заключения, бомжи, безработные и т. д.).

В качестве основной характеристики криминогенной ситуации эксперты назвали правовые нарушения со стороны мигрантов и слабый контроль за ними со стороны правоохранительных органов.

С данной позицией не все эксперты согласны. В частности, отмечается, что есть небольшое улучшение в ситуации с мигрантами в 2016–2017 гг., которая характеризуется процессом их адаптации и снижением количества мигрантов, что способствовало снижению социальной напряженности.

Но тем не менее наличие значительного числа нелегальных мигрантов в Санкт-Петербурге, по мнению экспертов, создает определенную социальную опасность.

Однако отсутствует объективная статистика относительно количества преступлений, совершаемых иностранными гражданами. Данный показатель дается только по раскрытым преступлениям, когда уже установлено, что данное преступление совершено мигрантом, т. е. оно зафиксировано.

В основном статистика отражает показатели по тяжким преступлениям (изнасилование, грабеж, разбой). Преступления средней и небольшой тяжести фиксируются реже. Так, в 2016 г. каждое третье изнасилование и каждое восьмое убийство в Санкт-Петербурге совершили мигранты. В общей статистике 5,9% преступлений в 2016 г. были совершены приезжими.

Анализ и оценка наркоситуации в Санкт-Петербурге свидетельствуют о том, что положение остается сложным, при наличии некоторых, безусловно, положительных изменений. Несмотря на устойчивую, стабильную социально-экономическую ситуацию в городе, Санкт-Петербург продолжает оставаться в центре наркотической экспансии. Город с его крупными промышленными предприятиями и образовательными учреждениями, местами массового досуга молодежи, а также достигнутым высоким уровнем жизни населения рассматривается преступными сообществами как один из наиболее экономически выгодных регионов для незаконного оборота наркотиков.

Следует констатировать, что наркомания в Санкт-Петербурге, как и в европейских странах, носит эпидемический характер. Первоначально распространяясь в группах риска, наркомания постепенно охватывает и другие социальные группы. При сохранении выявленных отрицательных тенденций число наркопотребителей может оказаться достаточно большим, оказывая социальное давление, прежде всего, на молодежь. Любопытство, желание попробовать, быть как все, могут спровоцировать увеличение числа наркопотребителей.

Распространение и потребление наркотических средств объясняется экспертами, с одной стороны, получением огромных доходов наркотической мафией, а с другой стороны, снижением социально-нравственных ценностей среди молодежи, также манипулятивным влиянием средств массовой информации, нередко пропагандирующих установки, противоречащие подлинным социальным ценностям.

Следующей причиной, на которую указывают эксперты, является разобщенность системы безопасности городских служб. С их точки зрения, каждая служба, будь то МЧС, ГИБДД, полиция, социальная служба и т. д. пытается избежать ответственности или переложить ее на других. В результате нарушается межведомственное взаимодействие и координация по противодействию преступности.

Значительное место в структуре правонарушений занимают экономические преступления, которые в условиях рыночных отношений существенно меняются. Эксперты отмечают, что современной экономической преступности присущи, как прежние преступления, так и специфические особенности и виды. К ним относятся: мошенничество, должностные хищения, взяточничество, вымогательство, кражи личной собственности, коррупция и т. д.

Преступники быстро приспосабливаются к новым видам, формам и методам предпринимательской деятельности. Они активно используют в преступных целях складывающуюся рыночную конъюнктуру, информационные технологии. Возрастает количество преступлений, совершаемых в сфере высоких технологий (компьютерная преступность, сетевая преступность, преступность в сфере персональной беспроводной связи) с использованием специальных познаний в области финансовой и экономической деятельности. В качестве примера приводятся широкомасштабные хищения денежных средств с использованием поддельных банковских документов, фальсификация ценных бумаг, криминальное использование электронных средств доступа к банковскому счету.

К тому же сегодня особая ситуация с рисками по ценным бумагам компаний (акциями, облигациями, векселями) с кредитами (льготными условиями предоставления, альтернативными предложениями кредитора по их погашению и т. д.). Эти направления преступной деятельности достаточно новы и, как показывает практика Санкт-Петербурга, службы безопасности еще не всегда готовы к их пресечению. Здесь важен комплексный подход с участием общественности.

Таким образом, криминогенная ситуация, отражая общие характерные для нее признаки, в значительной степени обусловлена реальной жизнедеятельностью социальных общностей крупного города, его социально-экономическим состоянием, демографическими особенностями, динамикой миграционных процессов, структурой занятости, социально-психологической атмосферой, состоянием правоохранительной системы и т. д.

Позиция жителей города относительно наиболее значимых видов преступлений

Анализ ответов респондентов на вопрос о наиболее значимых видах преступлений показывает, что наибольшую обеспокоенность жители города высказывают в отношении следующих видов преступности:

- против собственного имущества — кража, в том числе автомобилей, мошенничество, разбой, вымогательство, грабеж — 42,1% респондентов;
- против жизни человека и представляющие угрозу его здоровью — убийство, умышленное причинение вреда другому человеку — 35,3% респондентов;
- против нравственности и здоровья населения — все, что каким-либо образом касается наркотических средств (продажа, употребление, приобретение), содержание притонов — 28,4%;
- против безопасности общества — терроризм, бандитизм, массовые беспорядки, хулиганство, вандализм, хищение — 27,5%;
- против государственной власти и службы — злоупотребление полномочиями, присвоение полномочий, взяточничество — 20,6%.

Следует признать, что объективные статистические данные не в полной мере фиксируют перечисленные виды преступности в качестве определяющих криминогенную обстановку в Санкт-Петербурге в 2016 году.

В системе преступности мошенничество было и продолжает оставаться общепризнанно опасным деянием, поскольку не только является одним из способов извлечения нетрудовых доходов, но и причиняет имущественный ущерб гражданам, оно разрушает нравственные устои общества, подрывает доверие человека к человеку.

Мошенничество наиболее распространено в отношении возрастной группы пожилых людей (60 лет и старше). Так, 55,6% из них, кто подвергался преступным посягательствам, сталкивались именно с мошенничеством. Это значительно выше, чем в целом по группе респондентов. Еще 22,2% пожилых людей стали жертвами хулиганов.

По-прежнему значительное место среди преступлений занимают кражи. Наименее защищенными от краж личного имущества являются дачи горожан — это отмечают 43,8% опрошенных.

Неизменным, как уже отмечалось, остается большое количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Сохранение и даже рост данной тенденции отмечают почти все эксперты.

Эксперты отмечают, что Санкт-Петербург — крупный мегаполис, включающий транзитные потоки, перевалочные базы, порты, способствующие созданию каналов трафика наркотических средств, это и обуславливает сложившуюся ситуацию.

Фиксируется незаконный оборот оружия, который, однако, имеет тенденцию к снижению. Вместе с тем есть небольшой рост количества убийств за последнее время, но это не отражает общей тенденции к уменьшению их количества в Санкт-Петербурге. Более того, по сравнению с предыдущими годами, их количество значительно сократилось. К тому же глава ГУ МВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области С.П. Умнов заявил, что по итогам 6 месяцев 2016 г. раскрыто 93% тяжких и особо тяжких преступлений.

Вообще, не всегда корректно однозначно фиксировать тренды, связанные и повышением или снижением уровней различных видов преступлений, поскольку в реальной жизни наблюдаются как их спады, так и подъемы в зависимости от различных причин. Например, в Санкт-Петербург попадают преступные элементы из других регионов и стран. В связи с этим преступность иногда возрастает, что не отражает общей тенденции ее роста. Так, фиксируется показатель снижения по сравнению с предшествующим годом тяжких и особо тяжких преступлений в общественных местах.

Вместе с тем эксперты указывают не только на количественные показатели правонарушений, но и их качественные изменения. Например, они отмечают, что хулиганских проявлений стало меньше, но количество краж смартфонов, мобильных телефонов, других средств сотовой связи увеличилось.

Таким образом, число традиционных преступлений уменьшилось, хотя полностью избавиться от них не представляется возможным, их количество будет колебаться в зависимости от разнообразных причин.

Оценка петербуржцами личной и общественной безопасности и деятельности правоохранительных органов по ее укреплению

Общественная безопасность является одним из важнейших показателей состояния социального благополучия, спокойствия, безопасных условий жизни и т. д.

С точки зрения законодательного подхода, общественная безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Одной из социально значимых форм является личная безопасность, отражающая защищенность основополагающих интересов личности, благодаря которой обеспечивается развитие государства. Это своевременное выявление, предупреждение и нейтрализация реальных и потенциальных угроз интересам и потребностям личности и общества. Личная безопасность является основой национальной и общественной безопасности.

Анализ ответов на вопросы «Как вы оцениваете в настоящее время вероятность совершения противоправных действий в отношении вас лично, членов вашей семьи или вашего имущества?», а также вопроса о безопасности пребывания в общественных и иных местах позволяет оценить личную безопасность петербуржцев.

Так, почти 30% петербуржцев считают, что вероятность совершения преступлений в отношении их лично, их семьи или имущества чрезвычайно низка. 57% ут-

верждают, что это возможно, а еще 9% респондентов говорят о том, что такая вероятность чрезвычайно высока.

Безопасность в общественных местах горожанами оценивается весьма по-разному. Наиболее безопасно, по мнению граждан, в местах досуга и отдыха. Так считают 57,3% респондентов.

Таким образом, уровень личной безопасности большинство жителей Санкт-Петербурга оценивают как средний (66,9% респондентов), высоким его считают 21,3% респондентов, низким всего 7,6% респондентов.

На вероятность осуществления в Санкт-Петербурге террористического акта указали суммарно 69% опрошенных горожан. Иными словами, в настоящее время в обществе существует доминирующая установка на то, что террористическая угроза может заявить о себе в любой момент. Это, несмотря на то, что Санкт-Петербург находится в уникальной ситуации, поскольку случаев терроризма в последние года за исключением террористического акта 3 апреля 2017 г. в метро, не было зарегистрировано. Опасаются стать сегодня жертвами теракта (непосредственно сами или близкие люди) до 67,8% опрошенных петербуржцев. Из них 18,2% испытывают по этому поводу весьма сильное беспокойство. Хотя в обществе имеет место массовой страх перед угрозой совершения террористического акта (не исключается сильное влияние СМИ, как мировых, так и российских), горожан в целом устраивает существующий в Санкт-Петербурге уровень защиты от данной угрозы. Об этом заявили в совокупности 59,2% респондентов.

Показательными являются ответы респондентов на вопрос о предпринимаемых мерах в случае опасности для жизни, здоровья и собственности респондентов. Более половины горожан готовы обратиться за помощью в правоохранительные органы. Таких респондентов 68,5%. Интересен тот факт, что 17,1% респондентов намерены сами обеспечивать свою безопасность, не обращаясь за помощью. Интерпретировать полученные данные можно двояко. С одной стороны, следует говорить о сформированном чувстве ответственности за свою жизнь и здоровье, с другой — эта же информация свидетельствует об отсутствии доверия к официальным структурам в решении проблем безопасности и правопорядка.

Удовлетворенность населения деятельностью органов исполнительной власти по укреплению правопорядка и общественной безопасности несколько выше, чем правоохранительных органов. Так, 43,7% респондентов утверждают, что скорее удовлетворены такой деятельностью и еще 10,4% полностью удовлетворены работой органов власти. Вместе с тем 40,2% респондентов оценили работу органов власти как неудовлетворительную и скорее неудовлетворительную.

Таким образом, оценка деятельности правоохранительных органов Санкт-Петербурга по укреплению правопорядка и общественной безопасности определяется жителями города как посредственная, несмотря на все усилия, предпринимаемые представителями правопорядка. Такой результат может быть объяснен, отчасти, последствиями террористического акта, произошедшего в Санкт-Петербургском метро весной 2017 г. (респонденты назвали именно метро одним из самых небезопасных мест в городе), а также несформированностью положительного имиджа представителей правоохранительных органов в общественном сознании, отсутствием тесного взаимодействия населения и правоохранителей (около 1/3 респондентов не намерены обращаться в правоохранительные органы в случае опасности их жизни, здоровью или собственности).

Деятельность органов власти Санкт-Петербурга по укреплению правопорядка и общественной безопасности оценивается значительно выше. Это свидетельствует о более широком поле взаимодействия населения с органами власти, их достаточной открытости к диалогу с населением, успехах в организационно-управленческой деятельности.

Между тем кардинальная борьба с терроризмом только силами органов государственной власти и органов правопорядка недостаточна. Это задача всего общества и государства. Для ее решения необходимо вовлечение всех государственных институтов, общественных объединений, партий, религиозных организаций, средств массовой информации, законопослушных граждан. Наконец, успех в противодействии терроризму может быть достигнут при наличии всесторонне развитого гражданского общества и адекватной реакции населения на его проявления.

Прогноз развития криминогенной обстановки на ближайшие три года в представлениях жителей Санкт-Петербурга

Петербуржцы в своем прогнозе относительно перспектив развития криминогенной обстановки умеренно оптимистичны. Большинство респондентов склонны полагать, что криминогенная ситуация в ближайшие три года не изменится. Так думают 42,6% респондентов. Вместе с тем 24,4% респондентов выражают оптимизм и полагают, что вероятность стать жертвой преступления снизится. В то же время 18,0% высказываются в пользу того, что вероятность стать жертвой преступления повысится. Среди женщин меньшее количество пессимистов. Только 14,9% респондентов склонны считать, что вероятность стать жертвой преступления повысится. В то же время эту же точку зрения высказывают 21,5% мужчин.

Итак, подводя итоги, следует подчеркнуть, что:

- жители Санкт-Петербурга продолжают считать в перспективе проблему борьбы с преступностью и укрепления правопорядка актуальной проблемой для города. Так полагает абсолютное большинство респондентов (88%);
- по поводу состояния и динамики развития криминогенной обстановки петербуржцы умеренно оптимистичны. При этом 41,2% жителей не видят изменений в криминогенной обстановке, 28,2% полагают, что вероятность стать жертвой преступления снизилась, а 15,3% говорят о повышении вероятности стать жертвой преступления, еще 15,4% затрудняются ответить на этот вопрос;
- наиболее значимыми видами преступлений петербуржцы считают преступления против собственного имущества (42,1%); преступления против жизни человека и представляющие угрозу его здоровью — убийство, умышленное причинение вреда другому человеку (35,3%); преступления против нравственности и здоровья населения — продажа, употребление, приобретение наркотических средств, содержание притонов (28,4%); преступления против безопасности общества — терроризм, бандитизм, массовые беспорядки, хулиганство, вандализм (27,5%); а также преступления против государственной власти и службы — злоупотребление полномочиями, присвоение полномочий, взяточничество (20,6%);
- в целом уровень личной безопасности большинство жителей Санкт-Петербурга оценивают как средний (66,9% респондентов), высоким его считают 21,3% респондентов, низким всего 7,6% респондентов. 57% петербуржцев полагают, что в их отношении могут быть совершены противоправные действия. 9% респондентов говорят о том, что такая вероятность чрезвычайно высока, и только каждый третий полагает, что вероятность совершения преступлений в отношении их лично, их семьи или имущества чрезвычайно низка;
- женщины чувствуют себя менее защищенными, чем мужчины. Так, 27,0% мужчин оценивают свой уровень безопасности как высокий, однако также оценивают свою защищенность только 16,3% женщин. Наименее защищенными считают себя пожилые люди. Среди них каждый десятый считает свой уровень безопасности низким;
- оценка жителями Санкт-Петербурга деятельности правоохранительных органов и органов государственной власти по укреплению правопорядка и общественной

безопасности неоднозначна. Несмотря на то что абсолютное большинство горожан готовы обратиться за помощью в правоохранительные органы, их деятельность оценивается весьма невысоко (в среднем 3,2 балла по пятибалльной шкале), причем оценка не зависит ни от пола, ни от возраста, ни от уровня образования респондентов. Деятельность органов власти оценивается респондентами несколько выше. 54,1% респондентов утверждают, что в целом удовлетворены такой деятельностью, вместе с тем, 40,2% респондентов оценили работу органов власти как неудовлетворяющую или скорее неудовлетворяющую их потребностям, 5,7% затруднились дать оценку;

- в своем прогнозе относительно перспектив развития криминогенной обстановки петербуржцы склонны полагать, что ситуация в ближайшие три года не изменится. Так думают 42,6% респондентов. Вместе с тем 24,4% респондентов выражают оптимизм и полагают, что вероятность стать жертвой преступления снизится. В то же время 18,0% высказываются в пользу того, что вероятность стать жертвой преступления повысится.

Согласно результатам прогнозирования правоохранительных органов в 2018–2019 гг. ожидается снижение количества зарегистрированных в Санкт-Петербурге краж транспортных средств, которое обусловлено реализацией проекта «Безопасный город», направленного на обеспечение охраны общественного порядка и общественной безопасности, повышение эффективности действий оперативных служб, пресечение антисоциального поведения, и т. д.

Профилактическая деятельность, направленная на снижение уровня преступности

Одним из направлений снижения уровня преступности является ее профилактика. Но в настоящее время профилактические меры, по мнению ряда экспертов, недостаточно эффективны, как по содержанию, так и по формам ее осуществления. Эксперты рекомендуют использовать традиционные, апробированные формы профилактической деятельности. В частности, подчеркивается, что необходимо использовать весь арсенал правоохранительного блока, включая участковых, следственные органы Следственного комитета РФ по Санкт-Петербургу, представителей органов государственной власти и администраций на муниципальном уровне.

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» устанавливает правовые и организационные основы системы профилактики правонарушений, общие правила ее функционирования, основные принципы, направления, виды профилактики правонарушений и формы профилактического воздействия, полномочия, права и обязанности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений.

Актуальными направлениями общей профилактической деятельности для Санкт-Петербурга, считают эксперты, является инженерная и общественно-социальная профилактика.

Инженерное обеспечение безопасности и жизнедеятельности включает видеонаблюдение, позволяющее распознавать и предупреждать агрессивное противоправное поведение граждан.

Общественно-социальная профилактика — это повышение правовой культуры людей, работа с населением со стороны участковых, МЧС, патрульно-постовой службы и т. д.

Одним из важных объектов профилактической работы являются школьники, студенты и особенно несовершеннолетние. Отмечается, что подростки привлекаются

к ответственности за появления в нетрезвом виде, прогулки в ночное время после «комендантского» часа, распитие алкоголя в общественных местах. В поле зрения правоохранителей в 2016 г. чаще попадали несовершеннолетние. «Традиционно 60–70% нарушителей — учащиеся образовательных учреждений».

Последние пять лет в Санкт-Петербурге отмечается изменение тенденции социального состава подростков-нарушителей. Если раньше отмечалось, что на путь преступлений вставали дети из неблагополучных семей, то сейчас картина меняется. Все чаще закон нарушают подростки из внешне благополучных и даже состоятельных семей. «Мы получили родителей, которые внутренне не умеют воспитывать детей. Это внутренняя черствость, разобщенность семьи».

Если раньше подростковый алкоголизм, наркомания были более выраженными, то сегодня определенная профилактическая деятельность привела к определенным позитивным результатам — отмечается сокращение числа преступлений среди несовершеннолетних. Реализация государственной политики профилактики девиантного поведения несовершеннолетних осуществляется в соответствии с программными документами и на федеральном, и на региональном уровне. Так, 29 ноября 2014 г. № 2403-р было утверждено распоряжение Правительства РФ «Об основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Особую роль в профилактике девиаций в молодежной среде играют социальные службы.

Социальная работа с несовершеннолетними с девиантным поведением на местном уровне осуществляется как государственными, так и негосударственными учреждениями.

Анализ проведенных исследований показывает, что необходимо срочное создание мер социальной профилактики суицидального поведения подростков, основой которого станет социальная диагностика в школах, комплексная работа специалистов, а также направленность не только на подростка, но и на учителей и семью.

Целесообразнее предупреждать совершение преступлений, чем исправлять их последствия, задействуя большие ресурсы. В этом отношении отдельным направлением является виктимологическая профилактика, направленная на отработку навыков распознавания и предотвращения, а также преодоления виктимоопасной ситуации, и разъяснение механизмов правовой защиты в случае причинения вреда преступлением.

Если правовой, уголовно-правовой и уголовно-исполнительной профилактике мошенничества уделяется достаточное внимание, то целенаправленная виктимологическая профилактика преступлений практически отсутствует.

Под виктимологической профилактикой в криминологии понимается деятельность социальных институтов, направленная на выявление, устранение и нейтрализацию факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и обуславливающих совершение преступлений, выявление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности и воздействие на них в целях восстановления или активизации их защитных свойств, а также разработка либо совершенствование уже имеющихся специальных средств защиты граждан от преступлений и последующей виктимизации.

Профилактику правонарушений необходимо рассматривать не как обособленную деятельность, но в контексте социальной практики организации государственной и общественной жизнедеятельности, а также в конкретных проявлениях преступлений и других видов правовых нарушений.

В обобщенном виде можно сформулировать меры по предупреждению преступлений и повышению эффективности профилактики правонарушений в Санкт-Петербурге.

1. Осуществлять укомплектование штатов участковых инспекторов полиции с целью более эффективной работы с населением, проживающим на территории микрорайона.
2. Расширять и совершенствовать подготовку среднего звена системы правоохранительных органов с учетом новых задач и требований по организации создания условий безопасности и защиты населения.
3. Усилить патрулирование экипажами полиции в жилых кварталах и особенно в новостройках.
4. Систематически проводить мероприятия по укреплению доверия населения к правоохранительным органам на примере позитивных результатов действия полиции.
5. Муниципальным органам власти совместно с правоохранительными органами поддерживать и привлекать инициативных граждан к охране общественного порядка в своем квартале. Наиболее действенными формами подобного участия могут быть народные дружины, действующие на основе Федерального закона РФ от 26.03.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».
6. Организовать совместно с муниципальными органами власти единую систему видеонаблюдения и единую дежурно-диспетчерскую службу по обеспечению комплексной безопасности на уровне района.
7. Осуществлять координацию между правоохранительными органами и органами государственной власти, которые не подконтрольны друг другу и действуют параллельно. Хотя работают комиссии с приглашением представителей МВД, прокуратуры, Следственного комитета, Необходимо обновление законодательной базы с учетом новых криминальных вызовов и проявлением новых видов преступлений. Правоприменительная практика должна меняться и иметь упреждающий характер.
8. Проводить оценку гражданами степени эффективности деятельности правоохранительных органов по состоянию безопасности в жилых кварталах.
9. Профилактическая работа должна проходить параллельно с повышением уровня жизни населения (улучшением социально-экономической ситуации, снижением уровня безработицы).

Таким образом разные направления профилактической деятельности, создавая синергетический эффект, направлены на стабилизацию криминогенной обстановки в Санкт-Петербурге. Необходимо иметь в виду, что модели региональной программы профилактики преступности носят системный характер и базируются на социально-экономических, культурных, политических и демографических особенностях региона.

Об авторах:

Клюев Анатолий Владимирович, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; kluev-av@sziu.ranepa.ru

Ляшко Светлана Всеволодовна, ведущий специалист-аналитик Санкт-Петербургского информационно-аналитического центра (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук, доцент

About the authors:

Anatoly V. Klyuev, Professor of the Chair of Social Technologies of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; Honored worker of Higher school of the Russian Federation; kluev-av@sziu.ranepa.ru

Svetlana V. Lyashko, Leading specialist-analyst of the SPb SUE St. Petersburg Information and Analytical Center (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Sociology, Associate Professor

Geostrategy at the EU's South-Eastern Gate

István Tózsza, János Sallai*

National University of Public Service, Budapest, Hungary; *Tozsza.Istvan@uni-nke.hu

ABSTRACT

The study presents the geostrategic causes of Asian and African migration to Europe since 2015. Illustrated with maps and technical border protection data, it presents the Hungarian government's response measures and its effects, with particular regard to the Southeastern border region of the European Union and the Schengen border region. The study highlights the geostrategic significance of the global process affecting Europe.

Keywords: border area, migration processes, Schengen agreement, counteraction of illegal migration, south-eastern part of the European Union, geostrategy

Геостратегия у юго-восточных ворот ЕС

Иштван Тожа, Янош Салай*

Национальный университет государственной службы, Будапешт, Венгрия; *Tozsza.Istvan@uni-nke.hu

РЕФЕРАТ

Статья посвящена исследованию геостратегических причин азиатской и африканской миграции в Европу, начиная с 2015 года. Представленные в исследовании картами и технические данные о мерах по защите государственных границ, иллюстрируют ответные меры венгерского правительства и их результаты, применительно к Юго-восточной границе Европейского союза и приграничному району Шенгенского соглашения. Исследование подчеркивает геостратегическое значение глобальных процессов, происходящих в Европе.

Ключевые слова: приграничный район, миграционные процессы, Шенгенское соглашение, противодействие незаконной миграции, юго-восточная часть Европейского союза, геостратегия

In 2014, the European Union's economic engine was undoubtedly Germany, which occupied a leading position in Europe in terms of its economic strength (Fig. 1).

2014 was the first year when the EU-28 GDP (\$ 18,437 billion) exceeded that of the so far unrivalled global superpower, the US (USD 17,528 billion). See Fig. 2.

It is a strange coincidence that the Libyan and Syrian dictatorial systems collapsed by the "Arab Spring" brought to life by American "democracy exports" have been replaced by civil war and weak state powers, and the suddenly intensified migration from Pakistan, Iraq and Afghanistan in 2015. As a result of the civil wars and the global warming, the economic and social turmoil of the regions of Asia and Africa has led to masses heading towards the prosperous Europe, especially Germany (and through Germany to Scandinavia), in the hope of a better existence.

The number of people living below the poverty line in Africa and Asia is towering above the societies of a higher standard of living but less population of the European Union countries (see Fig. 10).

Thus, according to the authors of this study, the modern migration of the population threatens all Europe, especially the European Union. The young age and gender of migrants (men in the hope of later family reunification) and their traditional large-scale

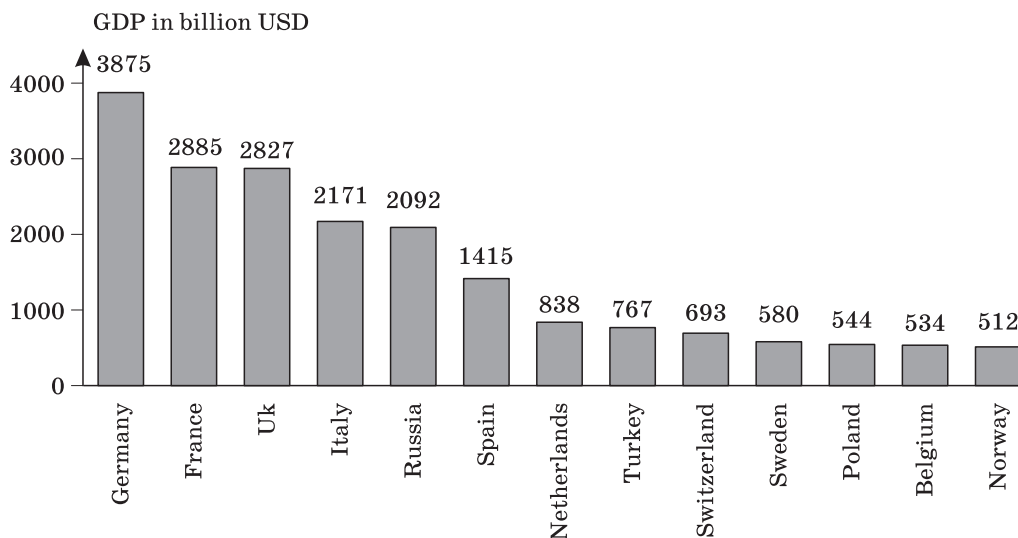

Fig. 1. The first 13 strongest economies in Europe (GDP Billion USD) in 2014

Source: www.knomea.com (IMF, WB, CIA), 2014.

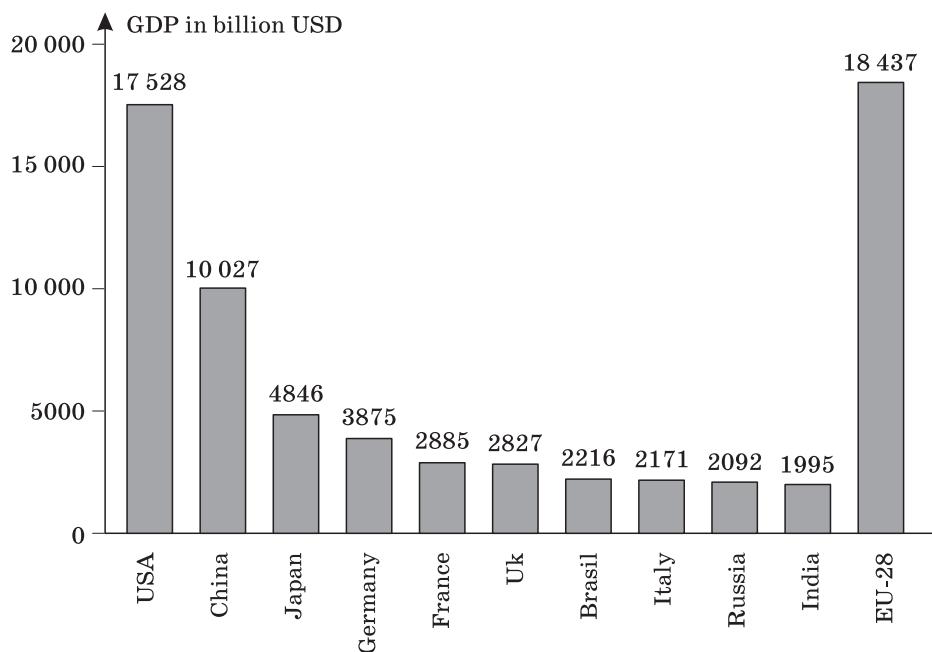

Fig. 2. The world's top ten economic powers (GDP Billion USD) in 2014. It was the first year, when the combined GDP of the EU 28 member states exceeded that of the US's.

Source: www.knomea.com (IMF, WB, CIA), 2014.

family model are, on the one hand, a danger to demographic rearrangements for aging European societies. Securing their social care also poses a double threat. On the one

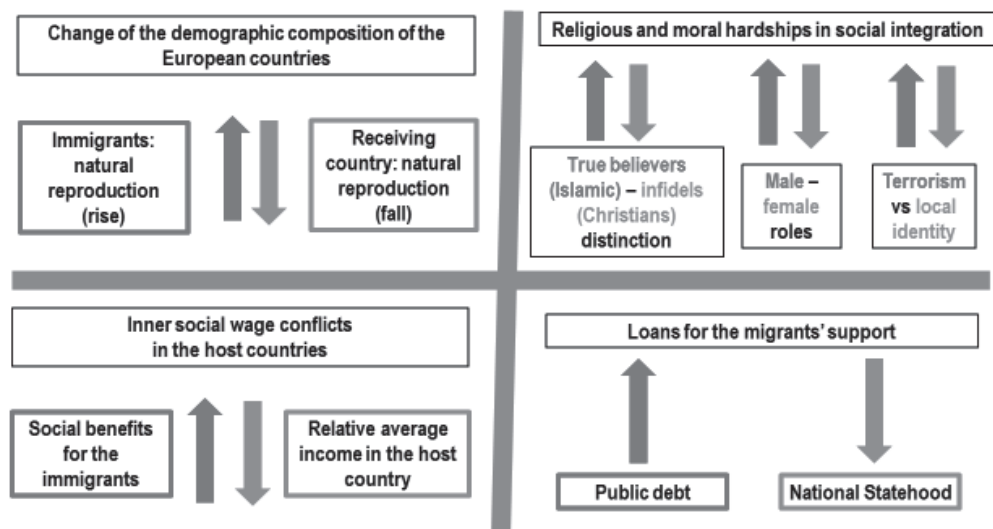

Fig. 3. A complex social impact mechanism for Asia — Africa migration to Europe in host countries.

Source: own editing.

hand, it raises internal social tension, especially in the case of the EU member states of Central Europe, where the amount of aid from migrants (per month per thousand Euros) far exceeds the average income (for example, a monthly average net income of a university professor in Hungary equals the net benefit of a migrant given by the German state). On the other hand, the extra burden on immigrants would increase the borrowing and the debt of the member states. All this is in the interest of the international money supply provider of state loans. The nation-state aspirations of international debt countries are necessarily weakened (Fig. 3).

In a cultural sense, the mass influx of migrants makes work and social integration difficult due to different religious and moral values. Think of the subordinate role of women in immigrants, of different Islamic economic ethics, of different working patterns, of the lack of language skills and of the sacred war against the Christian “unbelievers” or “infidels” who may even have younger generations of immigrants in the host country without locally-linked identity terrorism (Fig. 3).

In whose interest? Cui prodest?

The European Union’s leadership and the UN support migration despite its expected effects (Fig. 3). The geostrategic question arises as to whose favour is it? Obviously, the socio-economic burden on EU Member States in the supply of immigrants in Germany, with the slowdown of the German economy, is a fundamental interest of the US foreign policy. Thus, in particular, with the exit from the United Kingdom (Brexit), the Union is no longer a direct economic challenge to the US global super economy. The other Member States, and especially the post-socialist, economically weaker Central Europeans, would be forced to borrow again to fulfil their obligation to provide immigrants. This is also in the interest of the US-based international money market and at the same time generates a cyclical conjuncture effect on the global economic crisis. But what makes German political leaders to support migration?

The European Union's German economic hegemony can gain ground — after the Second World War this time peacefully — if the EU Member States would give up their independent foreign affairs for the strongest EU economy and move strongly towards the European federation. The idea of a European, Christian nation-state with a very strong culture seems to block this way. The nation-state can be weakened by international borrowing, by changing its internal demographic and religious composition, so that the immigrant, virulent culture is preferably homogeneous (Islamic) in all EU countries. According to German political leadership, the reception and maintenance of a few million immigrants in Germany — and the imposition of some additional million migrants on the Member States — is the price for Germany to be the sole and governing force of the European Union not only in economic, but also in social terms. The German European Union — especially if the French are leaving for the purpose of establishing a French Mediterranean and North African Union — can be a worthy economic partner and challenger of the United States if it becomes a politically unified federation with neoliberal “nation-states” that are satisfied with their cultural autonomy. Therefore, the illegal migration towards the European Union is going to be accelerated by American financial interest which does not wish to compete with a too strong EU, especially if Germany tries to cooperate with Russia and China. China has initiated the New Silk Road global project. It is a real danger for the US super power of the world if German expertise, Russian resources and Chinese expansion meet in any economic formation!

Geostrategic position of Hungary

At present (2018), six of the 28 countries in the European Union (UK, Ireland and Cyprus, and Romania, Bulgaria and Croatia, which have joined the Union lately) are not members of the Schengen border zone. Of the non-EU Member States, however, Switzerland, Norway and Iceland are members of Schengen. Among the countries covered by the Schengen Convention, the free movement of labour and capital is realized without border controls between countries.

If we look at Fig. 4, we see in geostrategic terms that the most vulnerable point in the Union is the Greek archipelago, which is not inland to any Schengen country, and the islands are practically cannot be protected from a border control viewpoint. In 2015, mass migration to Germany from Turkey started. Since Greece has not tried to comply with the irreconcilable Dublin Convention on the Treatment, Registration and Allocation of Immigrants, migrants were freely moving towards Macedonia, via Serbia and Hungary, Austria and to Germany. At the same time, a mass migration started through Libya that sank into an administrative chaos, from African regions stricken by drought, global warming and civil wars, like the Sub-Saharan Sahel region via a sea route, with entry into Italy. Italy is trying to handle immigration, but it cannot stop it and it is becoming ever more burdensome.

As long as the EU does not force its Member States to receive refugees with mandatory and top-limits reception, the primary destination for migrants is the “Milk with Milk Honey”, Germany, Scandinavia and the United Kingdom. This is a north-west route from Greece and a northward route from Italy.

For this reason, Romania and Bulgaria, and Slovakia, the Czech Republic, Poland, Lithuania, Latvia and Estonia are not yet migrants' destinations. Illegal inland migration affects the Schengen zone only in Hungary — as a gateway, or a transit country to Austria and Germany. On the map, it can be seen that a corridor is “offered” to Hungary by the two EU but non-Schengen members, Romania and Croatia, where migrants to Germany can enter the Union in the hope of further free and uncontrolled movement. When Hungary implemented its border protection system (the “Fence”) in detail in the following chapter, to meet its EU and Schengen commitments, it forced the migrants

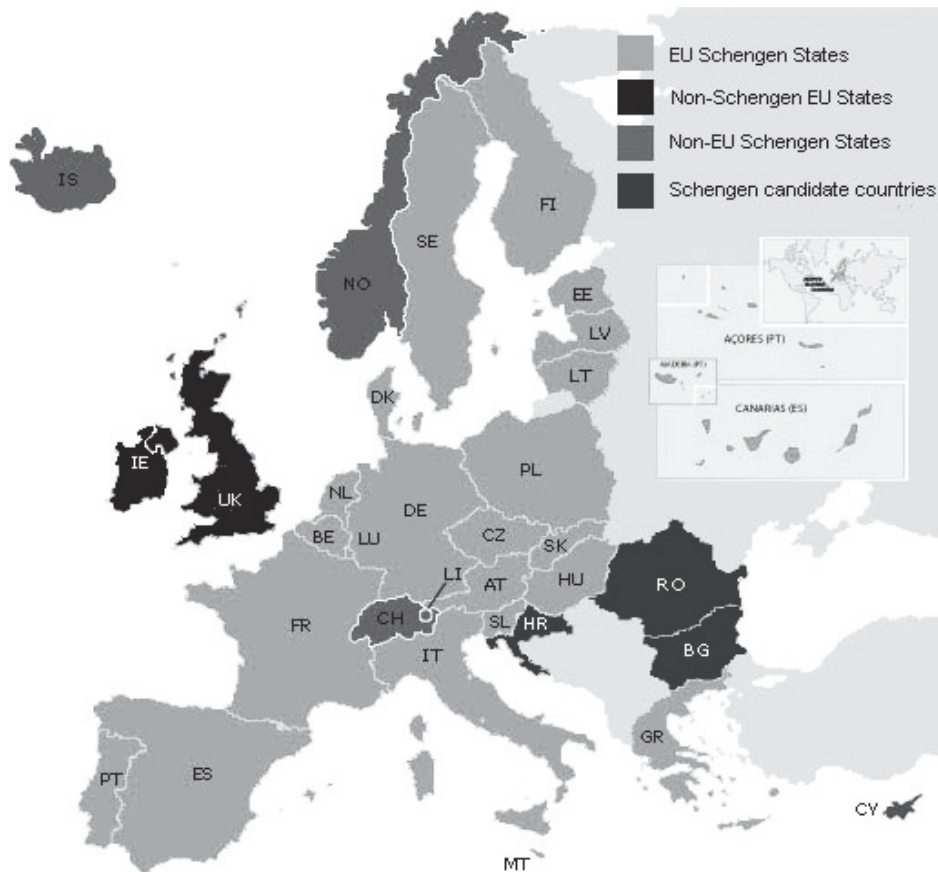

Fig. 4. The member states of the border control system (the Schengen zone) of the European Union. The inadequacy of the south-eastern part of the EU is appreciable; the Greek Schengen membership and the horseshoe shape of the EU border with Romania, Bulgaria, and Croatia. The fragmented geographic features of the area (the Greek islands of the Aegean Sea and the Croatian Adriatic islands, the long-running valleys, the mountain chains like the Dinarian Mts, Rodepe Mts, the Balkans and the Carpathians) favour illegal infiltration rather than border protection

Source: <http://www.norwegianamerican.com>

tune from the Turkish-Greek route to the west to try via Croatia through Slovenia and thus to get into the Schengen area.

It should be noted, however, that if the leaders of the European Union are obliged to include migrants in their respective countries, Romania, Bulgaria and Croatia will be exposed in the same way as internal social tensions with respect to inclusion. The purchasing power of the one thousand Euros per month for migrants granted in Germany is higher in these Central European countries than in Western Europe. The argument that immigrants — as a labour force in Europe — are not justified by the surveys so far, because only a small part of migrants came to work in one year¹.

¹ Cynthia Kroet: Most immigrants in Germany fail to get jobs. Die Zeit. 18/12/2016. More than 400,000 asylum seekers were registered with employment agencies, but only 34,000 got work.

Tuned to Schengen

After transforming the regime, Hungary turned to the Euro-Atlantic direction and prepared for NATO and EU Schengen accession¹. In the meantime, several migratory waves reached Hungary's borders, so in 1989 the Romanian and GDR invasions, and then in the 1990s the Yugoslavian civil war and the Bosnian events, escaped from the southern borders, which came from the then political leadership, the law enforcement forces, especially the Border Guard. Later, due to the Afghan events², many refugees, migrants, came to the eastern border. Meanwhile, during the Schengen³ preparation⁴ period, the Border Guard has modernized the available resources and EU subsidies, and their staffs were prepared mainly based on German experience and contacts. As part of this process, Hungary became a full member of the Schengen Member State in 2004 and later on 21 December 2007. Consequently, border controls were abolished at internal borders and reinforced the protection and surveillance of external borders. Since 2008, new and emerging security challenges have been challenging the guardians of the Hungarian (EU-Schengen) external borders. These were the effects of the 2008 global crisis. The impact of crisis crash points, see Iraq, Pakistan, Afghanistan. The double negative impact of the "Arab spring" in 2011: on the one hand, the elimination of the protective umbrella from Africa plus the role of catalysts from migration-emitting countries, the impact of Soviet civil war, and the effect of global warming. The smuggling of people was a "good business".

As has already been said, in particular, the crisis in migration occurred in 2015 when the number of illegal, prohibited border crossings in the outbound borders increased to several hundred thousand. The activity of smugglers has also increased in parallel. The migration wave lasted until the Government of Hungary had closed its borders. The last moment of the closing of the Hungarian-Serbian border with the fence was to suspend the possibility of crossing of the people who were illegally entering the border crossing point at Röszke (between Serbia and Hungary). The main stages of this process are the following:

In Fig. 5, the thick arrow symbolizes migrants' mass and path. It is evident that they left the country in the northwest Austrian border area from the southern Hungarian Serbian border, via Budapest, towards Germany. Meanwhile, the thinner red arrows indicate the migration direction of the south-eastern, eastern lower intensity. With this big migration pressure, the Hungarian government responded to the "Temporary Security Boundary" (IBH) on the Serbian border⁵ with a "fence or iron curtain" to which the migration pressure was moving westward and seeking a new escape route. In the southern border section of Hungary, a temporary safety barrier was built in two steps, nearly 300 km long, with the first line of fencing built as follows:

¹ Sallai, J.: A Schengeni Egyezmény és a magyar határőrizet. EURÓPAI TÜKÖR. (2001) 5. 65–100 pp. (Schengen Treaty and Hungarian border control in: European Mirror).

² Kobolka, I. — Ritecz, Gy.; Ritecz Gy. — Sallai J.: A MK államhatárának ezredfordulós kriminál-földrajza. Szakmai Szemle: A Katonai Nemzetbiztonsági Szolgálat tudományos –szakmai folyóirata (ISSN: 1785-1181) 1: 33–41. pp.(Criminal Geography of the Hungarian State border in Journal of the Military National Security Service).

³ Sallai, J.: A schengeni egyezmény felépítése, tartalma és végrehajtásának tapasztalatai. Budapest: Rendőrtiszt Főiskola, 1999. (Rendvédelmi füzetek; 1999/5.) 24. p (Construction, Content and Execution of the Schengen Treaty in: Law Enforcement Studies).

⁴ Egységes belbiztonsági és jogi térség Európában: bel- és igazságügyi együttműködés az Európai Unióban. Budapest: Miniszterelnöki Hivatal Integrációs Stratégiai Munkacsoport, 1999. 345 p (A Single Homeland Security and Legal Area in Europe: Justice and Home Affairs in the European Union in: Report for the Prime Minister's Office).

⁵ Serbian border section (163.3 km long interdependent technical limit): — In South Hungary a 163.3 km long vertical steel column safety lock has been established. Natural obstacle (e. g. river): 11.7 km.

Fig. 5. Migrating routes in Hungary: 01. 01. 2015. — 15. 10. 2015.

Source: own editing.

General technical characteristics of vertical steel column stop:

- Vertically positioned columns of 2.5 to 3 meters (in the case of the retrofitted sections at 5 meters);
- Horizontal stiffeners generally positioned every 10, inclined stiffeners positioned every 10 and 11, in two directions; — fence on the side of the Hungarian side, 3 threads on 4 mm tension wire;
- At the top of the columns, there are 1 male threaded sleeves with one 3.1 mm wedge wire;
- A rope of NATO ropes on the tension wire and the swaddling lanes;
- Fixings are fixed by an attachment plate, with an on-the-spot shot-through solution;
- Motor vehicle gates per 10 km, passenger gates per 2 km;
- As a supplementary protection on the Serb side of the vertical steel barrier, a fast-track barrier was built.

Quickly Installed Limiter:

- 2.5 mm diameter, 3 m long steep concrete bars per 5 meters;
- 3 rows of 3.1 mm tension wires;
- 3–4 rows of NATO rollers placed over each other;
- For reinforcing steel rods, Y for the 4th rope wire;
- Passenger gates per 2 km.

The structure of the fence is given by steel poles (C140 profile — 4.5 m). The columns are cut at a depth of 1.5 meters with special pile milling machines, such that the height of the fence column is 3.0 meters. At the top of the remaining 3 meter section, goats and barbed wire were placed on each column. The wire mesh is made of 3 meters high and 15 meters long. The wire mesh material is made of galvanized steel wire of 2.5 mm diameter. The transverse reinforcement is made of C140 profiles, fastened at both ends with knot plates and fired nail technology, installed at every 10 columns or breakpoints.

The fence was built according to the police needs, with pedestrian gates and gates for driving the car. On the Serbian side of the fence, concrete poles were tilted 5 meters apart, using a guide wire to secure the 3–4 rows of barbed wire over each other. Structural materials are made of galvanized zinc coating according to MSZ EN 10025 standard S235JR according to MSZ EN ISO 1461: 2000 for corrosion.

Tensioning the guide wire is done with GRIPPLE tensioning eyes. The wire rope and the guide wire were fastened with galvanized steel tabs with firing nail technology to the structural elements; as well as wire rope with RAPID galvanized clips for the guide wire, every 30 centimetres. The wire rope and wire guide have a zinc thickness of 60–80gr / m² and a tensile strength of 450–550N / mm². NATO wire is made with pressed steel blades according to BTO-22 standard¹.

Figure 6 shows that the migration route from the Serbian-Hungarian border was diverted by the 17th of September, 2015 after the fence was built on the Croatian-Hungarian border. But it also indicates that though in less number, but they still tried illegally to cross the Serbian-Hungarian border. Under pressure, the government built the “fence” on the Croatian border², which pushed the masses of migrants (who wanted to reach Germany and Western Europe) to the west.

Figure 8 shows the post-fenced position on the Croatian border, showing the migrants to Slovenia, towards Austria. Later, following the tightening of border control and the fight against migration (the introduction of an 8 km zone and the enhancement of depth control), the following situation has emerged and is characterized by our present day (Fig. 9):

Nowadays, the Romanian relationship has strengthened; From Serbia the migrants illegally go to Romania and since there is no fence, they try to get to Hungary. To this end, there is a very small arrow from Croatia, directly along the Danube, as some migrations from Serbia have started in this direction; namely to Croatia and from there in the floodplain area to Hungary.

In sum, it can be stated that the instrument for combating migration is based on three major pillars:

Pillar 1 is the construction of a technical limit stop in Serbian and Croatian (155 + 140 km) relation. To this end, a 2–2 transit zone was established for the purpose of deciding on the external border, who is really a refugee, and who is not, to be kept away from the EU (SCH) area.

Border surveillance observers and rainbows have been set up to improve the efficiency of border surveillance and measures to increase the comfort of the border guard. On the entire Hungarian-Serbian border section, we set up about 158 monitors and 127 rainbows. In the case of tall observers installed at the end of the summer, they have also been redesigned. During the vaulting process, a windproof insulating layer was provided on the side of the high-heel side, providing a skid-proof shutter for the ladder and a high-security wind and precipitation protection, but a visibility plexiglass.

The delivery of electricity to the border section allowed several new developments. On the one hand, in the spring of 2016, a technical and electronic protection system has been set up at the existing temporary security borderline, which includes an intel-

¹ Vájlók, L: A határbiztonsági rendszer hatékonyságát növelő infrastrukturális, műszaki és technikai fejlesztések 2016. évben. In: Évkönyv Budapest ORFK 2016. 1–4. pp. (Infrastructural, technical and technical improvements to the efficiency of the border security system in 2016. In: Police Yearbook Budapest).

² Croatian border section (133 km long continuous land border technical lock): In the area of SW Hungary, Counties a total limit of 53 km has been established. — 36 km long fast-track wire rod (GYODA) and vertical steel column stop; — Only 17 km stretch of GYODA was built. In Baranya County a total limit of 80.44 km was established: — 76.1 km long vertical steel bar safety stop; — Only 4.34 km long section was built GYODA.

Fig. 6. Migrants' routes in Hungary: 17.09.2015 — 17.10.2015.

Source: own editing.

Fig. 7. Migrants' routes in Hungary: 18.10.2015 — April 2016.

Source: own editing.

Fig. 8. Migrants' routes in Hungary: from 2017

Source: own editing.

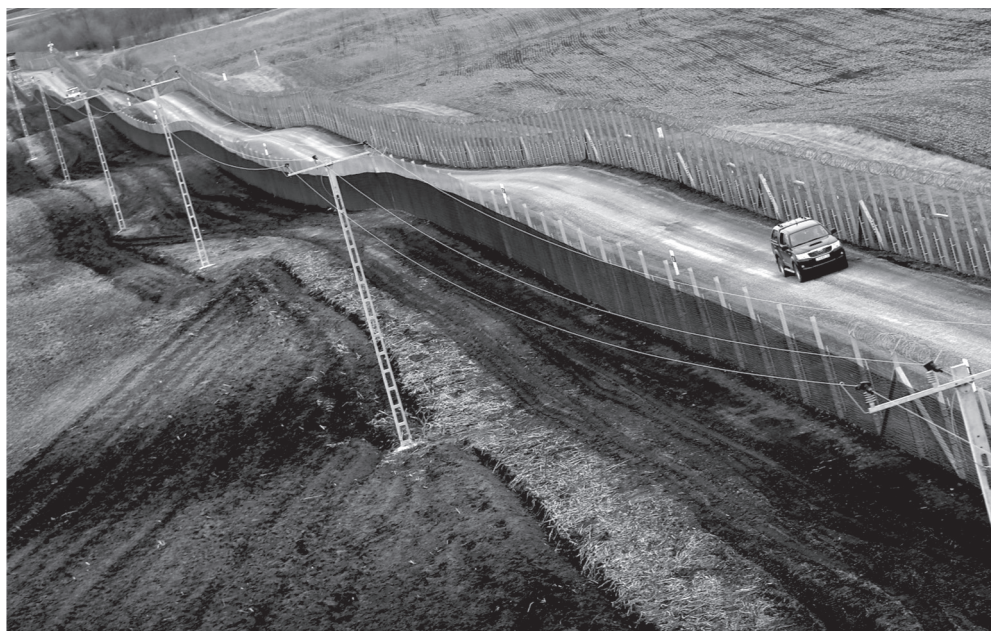

Fig. 9. The Hungarian border protecting fence.

Source: Hungary builds new high-tech border fence — Reuters. March 2. 2017. <http://uk.businessinsider.com>

ligent camera system, lighting, voice warning and passive optical vibration sensing (motion sensor sensor) with continuous surveillance. As a result, 297 laser cameras and 89 thermal imaging cameras were installed at 193 installation sites, and their deployment in 2017 will continue.

Pillar 2 provides the right legal bases, such as the management and proclamation of the crisis caused by mass immigration, the possibility of using the armed forces in custody of the Schengen borders, the establishment and application of the transit zone, and the tightening of the Criminal Code.

Pillar 3 was the reinforcement of human resources, including the establishment of the Border Police Directorate, the strengthening of forces (own, national or foreign, for example, V4 /Visegrad 4/ countries: Poland, Czech Republic, Slovakia and Hungary) in border guarding.

This was the introduction of the triple unit (technical, legal and human) together.

As far as the geographic approach is concerned, we are talking about three zones as well in the new border control system.

The first zone, the border guarding area zone focuses directly on the border area in a band of 8 km from the border with regular patrolling and technical devices.

The second zone, the border area zone is the 8 to 20 km band where controlling, inspecting the passersby, and checking the vehicles may take place.

The third zone is the depth control area zone stand for the total area in the depths of the country where upon suspicion control is possible.

The above actions and developments are a significant step forward in the implementation of effective border surveillance. Efficiency, on the one hand, enables new and improved technologies to provide a faster and more flexible response and, secondly, to ensure that even the most costly living is noticeably reduced on the border.

The biggest problem for Hungarian law enforcement agencies was the lack of readmission agreements, and it remains unclear why illegal migrants cannot be sent back to Greece where they first entered the EU. The Dublin conventions do not work. Moreover, Serbia does not reaccept any migrant, so the Hungarians cannot afford to send back anyone. In such circumstances, no one will be received back from Austria until it has been proved that the foreign person first entered into the European Union in Hungary.

Does Hungary protect Europe?

The emergence of international finance and multinational economic interests does not care about the consequences of global migration processes, as neither the spread of cancer cells is blocked by the fact that they die by the destruction of the attacked organism.

The majority of population below the poverty threshold (less than USD 1.90 a day) lives in South Asia and Africa, while very few of them can be found in North America and Europe. The volume of masses under the poverty line just in Africa and Asia (650 million people) exceeds by far the number of people living in welfare societies, (500 million people in the European Union and 240 in East Europe including Russia. This Asian and African crowd has nothing to lose, but their lives. From the media, they see the comfort and wasting of welfare Western societies; they rightfully ask for these parts as well. If they cannot afford to live in their homeland, they will be on the road and will not be stopped by either the Turkish army or the Hungarian fence.

Comfort, security, high social care network, relatively very high unemployment benefit attract the African, Asian population living in extreme poverty towards the US and the European Union. Products, crops, and services consumed can be converted to the so-called ecological footprint, thus making welfare societies and poorer countries comparable. The ecological footprint of Canada, the USA, and the EU is extremely large,

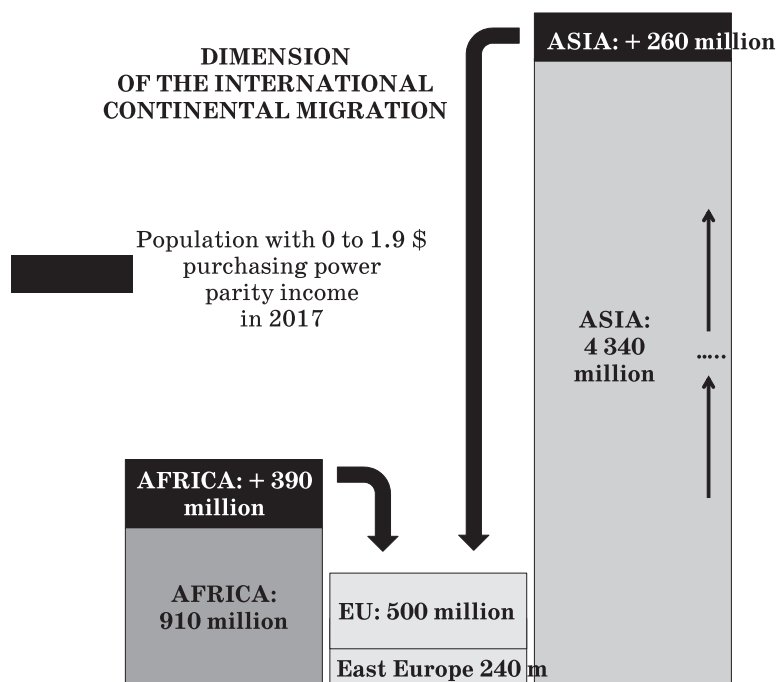

Fig. 10. Migrants along the Hungarian border protecting fence on 15th September 2015

Source: own editing from WB, CIA, IMF data.

while that of the African and South Asian and South American countries are little, especially if compared to their large population.

There are also great regional differences in the world if the distribution of GDP per country is taken. The European peoples are of little significance to Hungary's size and economic dimension, and are not suitable for preventing a modern-day migration of people. Yet it is the only way in which European culture is sustainable. This situation already has a responsibility for Russia, which is an ancient European country with European culture, and has huge resources and energy reserves in North Asia (Siberia). As a European and global great power, Russia is also responsible for keeping Europe European — if Europe's strongest economic power, Germany and the Union and its economic policy leaders give up the protection of European positions. Unlike North America (Canada and the USA), Japan, and Australia surrounded by oceans and seas it is very difficult, if not impossible to protect Europe, or else it will be a sacrifice for global equalization processes regarding richness and poverty, overpopulation, global warming, demand for water etc. It is the Russian Federation alone that can protect the rest of European cultures in North, West and South Europe, with the possible cooperation of Central European countries like the association of the V4 (Hungary, Poland, Czech and Slovakia) that seem to decide to preserve the old values of patriotism and their nation-state status.

Summary

Figure 4 also shows a geostrategic situation that clearly shows that Greek Schengen membership was a hasty measure, as Greece, as demonstrated in the past several

years, with its islands, close to the coastlands of Asia Minor, is defenceless in the case of illegal migration. Even the Italian peninsula can be more protected, given that only hundreds of miles of sea-going illegal immigrants can come. The protection of the south-eastern part of the European Union is clear from the geostrategic point of view: Slovenia, Hungary. In this regard, Romania and Bulgaria may only be a buffer zone. Even if Croatia and even Montenegro and Albania entering the Union in the distant future would be members of the Schengen border zone, the coastline of the Adriatic Sea islands would be as difficult to control as that of Greece. Hungarian fencing and successful border protection were not built for the past, not even for the present, but for the future.

About the author:

István Tózsá, Professor, Head of Institute (National University of Public Service, Institute of Public Management and Administration)

János Sallai, Professor, Head of Department (National University of Public Service, Department of Law Enforcement Theory and Law Enforcement History)

Об авторах:

Иштван Тожа, профессор, директор института (Национальный университет государственной службы, институт общественного управления и администрирования); Tozsá.Istvan@uni-nke.hu

Янош Салай, профессор, заведующий кафедрой (Национальный университет государственной службы, кафедра теории и истории правоприменительной деятельности); Sallai.Janos@uni-nke.hu

Зачем открывать закрытое здравоохранение?

Балашов А. И.^{1*}, Захаренко Г. А.^{1, 2}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *aleksey.i.balashov@gmail.com

²Министерство здравоохранения Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены современные аспекты коммуникационной политики в сфере здравоохранения. Описана классическая патерналистская и новая рыночная (партнерская) модель взаимодействия в системе «врач — пациент». Выдвинута гипотеза о том, что кризис взаимоотношений между врачебным и пациентским сообществом является результатом смены парадигмы поведения, вызванной экономическими преобразованиями в государстве. Для укрепления режима доверия граждан к национальной системе здравоохранения обоснована необходимость активизации коммуникационных кампаний Минздрава России в ответ на недобросовестное одностороннее информационное освещение СМИ ситуации в российской медицине.

Ключевые слова: государственная политика в сфере здравоохранения, открытость, коммуникации в сфере здравоохранения, средства массовой информации, коммуникационная безопасность

Why to open the closed health care?

Balashov A. I.^{a*}, Zakharenko G. A.^{a, b}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *aleksey.i.balashov@gmail.com

^bMinistry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article deals with modern aspects of the communication policy in the field of public health. A classic paternalistic and new market (partner) model of interaction in the «doctor-patient» system is described. A hypothesis has been put forward that the crisis of the relationship between the medical and patient communities is the result of a change in the paradigm of behavior caused by economic transformations in the state. To strengthen the regime of citizens' trust in the national health care system, the necessity of intensifying the communication campaigns of the Ministry of Health of Russia in response to the unfair unilateral information coverage of the media situation in Russian medicine is justified.

Keywords: public policy in the field of health care, openness, communication in the healthcare sector, the media, communication security

Медицина — это эмпирическое врачевание, подвергшееся теоретическому преобразованию. В ходе своего исторического развития она заняла особое и обособленное положение в структуре науки. Гносеологический феномен медицины связан с уникальностью изучаемого ею объекта (организма человека), высокой вариативностью типов взаимодействия исследователя и исследуемого объекта, а также широким набором индивидуальных особенностей самого исследователя (ученого и/или практикующего специалиста).

Пациент, а именно он является целью приложения физических и интеллектуальных сил основной группы специальностей врачей, наделен разумом (за исключением людей, страдающих тяжелыми психическими заболеваниями и признанных в уста-

новленном законом порядке судом недееспособными), интеллектом (за исключением детей раннего возраста, лиц пожилого и старческого возраста, пораженных группой специфических неврологических и/или сосудистых заболеваний, и других категорий граждан с объективно установленным сниженным коэффициентом интеллекта), а также сознанием (за исключением лиц, находящихся в патологической или медикаментозной коме, состоянии наркотического или иного токсического опьянения, других причин). Высокий уровень развития когнитивных функций, обуславливающий эволюционное превосходство человека над другими биологическими видами, затрудняет его самопостижение, а также всеобъемлющее постижение его другими людьми.

Идеи обособления высших нервных процессов человека от других физиологических, с целью более объективного медицинского познания, уже предпринимались учеными [6]. Более того, именно эти идеи легли в основу классической европейской лечебной парадигмы «врач — механик», которая сегодня может быть использована современным здравоохранением лишь для ограниченного круга медицинских специальностей¹.

В классических моделях взаимодействия одушевленных предметов, систем «врач — пациент», именно пациент чаще всего становится заказчиком, получателем и контролером качества оказываемой медицинской услуги [5]. Однако даже в таком, кажущемся простым, взаимодействии мы можем столкнуться с целым рядом морально-правовых проблем. Например: каким образом юридическими нормами можно закрепить волеизъявление пациента, находящегося в коме? При оказании медицинской помощи такому человеку врачи следуют своду негласных профессионально-этических правил. Каким нормам следуют при этом родственники пациента, опекуны которых наступают естественным образом, а их волеизъявление может отличаться от желаний самого пациента, остается только предполагать.

Оценка механизма взаимодействия в системе «врач — пациент» является сложным гносеологическим процессом. Ответ на вопрос «Что такое медицина — наука, искусство или ремесло?» остается семантической дилеммой и в XXI в. Широкое использование в процессе диагностики и лечения передовых технических средств, а также глубокое погружение в доказательную медицину сложного математического аппарата все больше приближает медицину к классическим наукам. Однако несовершенство эмпирического метода лечения, наличие референсных значений лабораторных и инструментальных методов исследования, невозможность гарантированного получения нужного результата при равенстве исходных данных не позволяет ей окончательно получить этот статус [2].

Искусство медицины заключено в индивидуальности восприятия врачом множества критериев и параметров хода лечения, субъективности его оценки диагностических и лечебных результатов, выраженной значимости интуиции и профессионального опыта, финансовой заинтересованности.

Медицина, как ремесло, обусловлена рутинностью проведения ряда сложных, в том числе высокотехнологичных манипуляций, при их ежедневном повторении. Быстрым формированием привычки, обусловленным четкой регламентацией этапов проведения операций, отклонение от которых жестко пресекается не только профессиональным сообществом, но и контрольно-надзорными и правоохранительными органами.

И наконец, третий элемент системы — сам субъект, оказывающий медицинскую помощь. Врач — это в первую очередь человек, со всеми его достоинствами и не-

¹ Речь идет в первую очередь о врачах-патологоанатомах и врачах-судмедэкспертах. Однако специалистам этих областей медицины также необходимо помнить о правилах этики и деонтологии при работе с исследуемыми биологическими объектами.

достатками. Он не лишен эмоций, чувств, ощущений. Как и всем людям, ему свойственна психологическая индивидуальность, которая может помочь или, наоборот, помешать в работе.

Представленный анализ трехкомпонентной системы (пациент — процесс лечения — врач), на наш взгляд, демонстрирует наличие у медицины большого количества особенностей, не свойственных другим видам человеческой деятельности. Отметим, что эти «истины» были известны еще задолго до появления необходимости их пристального и детального изучения. Врачевание в древних культурах (вавилонской, египетской, иудейской, персидской, индийской, греческой) являлось делом жрецов, магов, брахманов и прорицателей. Знание его основ тщательно скрывалось и передавалось от поколения к поколению.

Медицина Древней Руси также носила закрытый, храмовый характер. Создание Аптекарского приказа Иваном IV Грозным и приглашения иностранных леццов в корне не изменили сложившуюся ситуацию. Для ограничения свободного доступа к медицинским знаниям, подчеркивая их элитарность, многие фундаментальные и прикладные дисциплины долгое время преподавались исключительно на латинском языке, а позже латинском и немецком языках. Только человек мужского пола, обладающий выраженными гуманитарными способностями, высоким уровнем образования и финансово независимый мог позволить себе стать лекарем. Женщины получили возможность учиться в медицине лишь во второй половине XIX в. [9].

Большая часть представленных ограничений актуальна и в современной России. Латинский язык продолжает оставаться непонятной для граждан лингвистической основой профессиональной терминологии, аномально высокий уровень баллов ЕГЭ в медицинские вузы — залогом успешного поступления, но отнюдь не успешного образования, а недоступность для большинства населения платной формы обучения — дополнительным барьером для абитуриента. Таким образом, снобизм и закрытость медицины остаются атавизмами современной науки, не характерными для других интеллектуальных сфер жизни общества.

Искусственная элитарность медицинского знания, помноженная на консерватизм методологии преподавания, позволила профессиональному сообществу выстроить и логически обосновать классическую, патерналистскую модель взаимодействия «врач — пациент». Для данной модели характерна следующая особенность: человек, обратившийся за медицинской помощью, автоматически попадает в категорию зависимого, подавляемого субъекта. Врач — напротив, занимает доминирующую, главенствующую роль в процессе лечения. Патерналистская модель была характерна для российской системы здравоохранения на протяжении многих столетий [8; 11].

Ее характерные особенности по-прежнему актуальны, так как врач действительно гораздо лучше знает процессы, протекающие в здоровом или больном организме. Годы, потраченные на получение среднего и/или высшего медицинского образования, возможность предвидения результата лечения, а также ответственность за принимаемые решения логически обосновывают и даже дают право специалисту-медику на общение в повелительном тоне («сядьте», «встаньте», «дышите», «не дышите», «послушайте», «запишите» и т. д.). Более того, обладание узкоспециализированным знанием, обеспечивающим доступ к самому главному — человеческому телу, а также возможность осознанно вмешиваться в естественные процессы, протекающие внутри организма, с получением реально ощутимых изменений его состояния, формируют у многих, еще не до конца сформировавшихся специалистов, вчерашних выпускников, комплекс «бога», позволяющий субъективно оправдать любую форму высокомерия, а то и откровенного хамства.

Финансовая достаточность системы здравоохранения, характерная для эпохи социализма и определяемая прямыми субвенциями из союзного бюджета, прочно укрепила патерналистскую модель. Отсутствие конкуренции со стороны коммерческой и народной медицины, лишение пациентов возможности принимать участие в оценке качества лечения — все это позволило абсолютизировать роль врача в процессе принятия клинического решения, минимизируя при этом его ответственность [4].

Резкий переход государства к совершенно иной экономической модели, бурная и нерегулируемая капиталистическая экспансия вывели здравоохранение на иной, рыночный уровень. Появление четвертого элемента системы — страхового фонда, основной целью которого является реализация и закрепление рыночных механизмов в медицине, кардинально изменило социальные роли.

Принятие в 2011 г. Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, закрепляющего понятие медицинской услуги, уязвило самолюбие медиков и напротив — создало у пациентов и их родственников иллюзию возможности принятия ими реальных клинических решений. Теперь «открытость» становится главным принципом взаимоотношений врача и пациента. Ряд статей данного Федерального закона (стт. 20, 22, 64 и др.) позволяют пациенту и/или его законному представителю беспрепятственно получать информацию о состоянии здоровья, оценивать результаты оказываемого лечения, в том числе с помощью привлечения сторонних специалистов, а также экспертов страховых компаний. Пациент получил право отказаться от лечения (за исключением редких случаев, возникающих в психиатрической практике и системе пенитенциарной медицины). Родители перестают прививать детей, манипулируя нормами права и не имея представления о текущих и потенциальных рисках принятого решения [1].

Растущая зависимость от финансирования страховых компаний, а также необходимость оказывать «медицинские услуги» привела к фундаментальной переоценке ценностей у специалистов отрасли. Крах патерналистской модели и ее подмена западными типами: «совещательным», «информационным», «техническим», «контрактным» — вынудил многих специалистов уйти из профессии из-за невозможности адаптации к новым рыночным условиям. Другая часть должна была пересмотреть свои профессионально-этические принципы, включив процесс оказания медицинской помощи в стоимостную модель функционирования современных учреждений здравоохранения [12]. Оставшиеся были вынуждены найти компромисс между желанием заработать и желанием помочь.

Беспрепятственный доступ населения к медицинской информации, а также ее профанация популяризаторами и откровенными шарлатанами создала в обществе иллюзию реального, активного участия в процессе лечения. Желание пациента навязать врачу партнерские отношения, построенные не на доверии и уважении, а на псевдомедицинской интеллектуальности, дало обратный эффект. Причиной противоречий стало естественное стремление врача компенсировать 6–8 лет, потраченных на учебу, и обесцененных уравниванием его профессиональных компетенций с домыслами и догадками пациента, а также желанием пациента апеллировать к своим гражданским правам. В результате эскалация конфликта вышла за пределы норм морали и права.

Количество нападений на врачей, особенно первичного звена, настолько велико, что для защиты их жизней Министерство здравоохранения РФ выступило с законодательной инициативой об ужесточении ответственности за нападение на медицин-

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. 07.03.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // «Российская газета», № 263, 23.11.2011.

ских работников¹. Убийства врачей пациентами и убийства врачами пациентов на своих рабочих местах приобрело системный характер². Отмечен неуклонный рост количества судебных исков к врачам и медицинским организациям. Правоохранительные органы, рассматривающие ятрогенные преступления³, все чаще инкриминируют медицинским работникам составы ст. 109 ч. 2 «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», ст. 118 ч. 2 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», ст. 124 ч. 2 «Неоказание помощи больному, если оно повлекло по неосторожности смерть больного либо причинение тяжкого вреда его здоровью», ст. 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», ст. 239 «Халатность» Уголовного кодекса Российской Федерации.

В оптимизации уголовного преследования в отношении спецсубъектов — работников медицинских организаций Следственный комитет Российской Федерации предложил дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации отдельным составом, предусматривающим уголовную ответственность за врачебные ошибки⁴.

Все эти события не могли и не остались незамеченными СМИ. Год от года увеличивается объем эмоционально окрашенной негативной информации, посвященной системе здравоохранения России. В погоне за рейтингами, не понимая или не желая понимать всю ответственность за совершаемые информационные кампании, федеральные и региональные электронные массмедиа подменяют нейтральную трансляцию событий ее субъективной оценкой или, что еще хуже, навязыванием этой оценки гражданам [7; 10].

Десятилетиями отечественное здравоохранение во главе с профильным министерством отвечало на агрессивные коммуникационные выпады нейтральными комментариями или не отвечало вовсе [3]. Однако непрекращающийся негативный поток новостей вынудил ведомство перейти к тщательной работе со СМИ. Важным этапом данного взаимодействия стало формирование в структуре Минздрава РФ отдельного профильного департамента — Департамента общественного здоровья и коммуникаций, одной из задач которого стало обеспечение взаимодействия Министерства со средствами массовой информации в целях информирования населения по вопросам здравоохранения, включая информирование о деятельности Минздрава РФ⁵.

¹ Минздравом России размещено для общественного обсуждения уведомление о разработке проекта федерального закона об ужесточении ответственности за нападения на медицинских работников // Официальный интернет-сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2016/09/08/3144-minzdravom-rossii-razmescheno-dlya-obschestvennogo-obsuzhdeniya-uvedomlenie-o-razrabotke-proekta-federalnogo-zakona-ob-uzhestochenii-otvetstvennosti-za-napadeniya-na-meditsinskih-rabotnikov> (дата обращения: 23.05.2018).

² Врач, пострадавший в результате стрельбы в больнице Петербурга, скончался // Официальный интернет-сайт ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/proisshestiya/2243661> (дата обращения: 23.05.2018); За смерть избитого пациента хирург получил 9 лет и 2 месяца строгого режима // Российская газета. 2016. № 6931.

³ Ятрогенные преступления — преступления против жизни и здоровья, совершаемые медицинскими работниками при оказании медицинской помощи.

⁴ СК предложил ввести в УК статью, предусматривающую ответственность за врачебные ошибки // Официальный интернет-сайт ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/proisshestiya/4616631> (дата обращения: 23.05.2018).

⁵ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 1 июля 2015 г. № 401 «Об утверждении Положения о Департаменте общественного здоровья и коммуникаций Министерства здравоохранения Российской Федерации» [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «ГАРАНТ». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71025468>. (дата обращения: 23.05.2018).

В структуру Департамента вошло четыре отдела: отдел пресс-службы и информации, отдел общественного здоровья, отдел коммуникационных проектов и отдел по связям с институтами гражданского общества. Формирование у населения позитивного отношения к национальной системе здравоохранения является весьма непростой задачей. Департамент выполняет двойной объем работы, не только объективно освещая успехи отечественных специалистов, но и отражая натиск некомпетентных, а подчас и ангажированных СМИ. Информации, полученной впервые, люди доверяют больше, таким образом, развенчивание «черного пиара», усердно формируемого вокруг медицинского сообщества, стало еще одной задачей Департамента.

Например, оказанная пассажиру на борту самолета министром здравоохранения РФ В.И. Скворцовой медицинская помощь, была с подачи СМИ расценена, как личный PR¹. Мало кому известно, что высокопоставленные лица просили не освещать это событие в массмедиа. Негативную окраску получил также инцидент, произошедший 19 октября 2017 г. на борту самолета Москва—Иркутск, когда, напротив, по объективным причинам не была оказана помощь пассажиру оказавшимся на борту министром здравоохранения Иркутской области². Два взаимоисключающих события получили абсолютно одинаковую, эмоционально окрашенную, негативную оценку у журналистов и, как следствие, у населения.

Ключевым событием, всколыхнувшим все медицинское сообщество, стало решение суда по уголовному делу врача-онколога Е. Н. Мисюриной³. Беспрецедентная по своим масштабам информационная кампания, а также натиск со стороны правоохранительных органов настолько возмутили и консолидировали профессиональное медицинское сообщество, что врачам, выступившим единым фронтом, удалось добиться пересмотра дела. Можно предположить, что это лишь «первая ласточка» фортификации медиков. Чувствуя свою незащищенность перед страховыми компаниями, администрацией лечебно-профилактических учреждений, силовых структур, а в последнее время и пациентских сообществ, медики пришли к выводу о необходимости самозащиты, а также страхования своей профессиональной деятельности и развития профильной адвокатуры.

В попытках проникнуть во все медицинские структуры и абсолютизировать открытость здравоохранения, граждане снимают «завесы тайн» с тех областей, которые веками были для них недоступны. Одной из последних общественных инициатив стало желание населения беспрепятственно посещать реанимационные отделения стационаров⁴. Без детальной проработки и обсуждения с медицинским сообществом, без консультаций и запуска «пилотных проектов», найдя широкую поддержку в уже упомянутых СМИ, родственники пациентов в очередной раз настаивают на выполнении их просьб, ответственность за выполнение которых ляжет

¹ Мнимая защита министра Скворцовой / Медицинское информационное агентство MedRussia // [Электронный ресурс]. URL: <https://medrussia.org/1984-zashhita-ministra-skvorcovojj> (дата обращения: 23.05.2018).

² Министр проспал ЧП в самолете / Газета.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/10/19/10950308.shtml> (дата обращения: 23.05.2018).

³ В Москве врач-гематолог признан виновным в оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекших смерть пациента // Официальный интернет-сайт Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве [Электронный ресурс]. URL: <http://moscow.sledcom.ru/news/item/1197867/> (дата обращения: 23.05.2018).

⁴ Законопроект № 359335-7 «О внесении изменения в часть 1 статьи 79 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в части посещения пациентов в отделении медицинской организации, оказывающем реанимационные мероприятия)» // Официальный интернет-сайт Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/359335-7> (дата обращения: 23.05.2018).

на врачей. Чем обернется поток людей, желающих посмотреть на последние минуты уходящей жизни близких, а также незнакомых людей, лежащих на соседних кроватях, есть ли в этом польза или какой-либо смысл — еще один возникший и не до конца проработанный вопрос.

В заключение приведем еще один пример, актуальный для растущей «информационной открытости». Увольнение руководства рязанского кардиологического диспансера после широкого освещения в СМИ факта празднования Дня рождения одного из сотрудников¹. Нет логического обоснования последовавшему за увольнением сбору подписей для отмены данного решения². Отметим, что подобные информационные «качели» лишь создают иллюзию гражданского общества в России.

Растущая коммуникационная активность российского здравоохранения имеет оппозиционный характер. Попытка замалчивания конфликтов и отсутствие адекватного ответа на постоянную агрессию СМИ, из уважения, свойственного многим медикам, не принесла результата, а желание сделать из очередного трагического случая, как в отношении врача, так и в отношении пациента «горячую новость» лишь подчеркнуло беспринципность нового поколения журналистов.

Литература

1. Антонова Н. А., Ерицян К. Ю., Дубровский Р. Г. и др. Отказ от вакцинации: качественный анализ библиографических интервью // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20. С. 208–211.
2. Григорьева Н. С. Реформа здравоохранения в России: политика и управление // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 30. С. 1.
3. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Как работать с кнопками? Информатизация здравоохранения и проблема организационного сопротивления // Информационное общество. 2015. Вып. 1. С. 30–36.
4. Егоренков Д. А. Эффективность государственного управления сферой здравоохранения // Власть. 2012. № 6. С. 111–115.
5. Калмыкова Е. А. Особенности политики модернизации социальной сферы в современном обществе (на примере развития здравоохранения в России и Великобритании) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 118–120.
6. Ламетри О. Ж. Сочинения. М.: Мысль, 1983.
7. Овсянников В. В. Особенности и возможности применения инструментов коммуникации в государственной политике здравоохранения // Управление здравоохранением. 2015. № 2 (44). С. 46–58.
8. Силуянова И. В. Избранные. О призвании врача. М.: Форма Т, 2008.
9. Сорокина Т. С. История медицины: учебник для студентов высших медицинских учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2009.
10. Тетеричева Т. В. Особенности коммуникационной политики правительства Тульской области в сфере здравоохранения // Управление здравоохранением. 2015. № 2 (44). С. 68–82.
11. Хасанов Ф. З. Современные проблемы политики государства в области здравоохранения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11. № 2. С. 113–115.
12. Щербо А. П., Аверьянова В. В. Анализ государственной политики в сфере обеспечения качества и безопасности медицинской деятельности // Управленческое консультирование. 2016. № 5 (89). С. 35–41.

¹ Руководителей рязанского кардиодиспансера уволили из-за видео с новогодним застольем // Официальный интернет-сайт ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/proisshestiya/4866993> (дата обращения: 23.05.2018).

² Петиция, адресованная Губернатору Рязанской области Н. В. Любимову, с просьбой восстановить в должности заведующую отделением Г. Н. Лазареву [Электронный ресурс]. URL: <https://www.change.org/p/восстановить-в-должности-заведующую-отделением-лазареву-галину-николаевну/> (дата обращения: 23.05.2018).

Об авторах:

Балашов Алексей Игоревич, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; aleksey.i.balashov@gmail.com

Захаренко Глеб Александрович, ведущий советник отдела коммуникационных проектов Департамента общественного здоровья и коммуникаций Министерства здравоохранения Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС; gleb_zakharenko@mail.ru

References

1. Antonova N. A., Eritsyana K. Yu., Dubrovsky R. G., etc. Refusal of vaccination: qualitative analysis of bibliographic interviews // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2014. N 20. P. 208–211. (In rus)
2. Grigorieva N. S. Reform of health care in Russia: policy and management // Public administration. Electronic messenger [Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik]. 2012. N 30. P. 1. (In rus)
3. Dyakova E. G., Trakhtenberg A. D. How to work with buttons? Informatization of health care and problem of organizational resistance // Information society [Informatsionnoe obshchestvo]. 2015. Issue 1. P. 30–36. (In rus)
4. Egorenkov D. A. Efficiency of public administration of health sector // Power [Vlast']. 2012. N 6. P. 111–115. (In rus)
5. Kalmykova E. A. Features of modernization policy of the social sphere in modern society (on the example of development of health care in Russia and Great Britain) // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2014. N 1. P. 118–120. (In rus)
6. La Mettrie O. J. Compositions. M. : Thought, 1983. 511 p. (In rus)
7. Ovsyannikov V. V. Features and possibilities of use of instruments of communication in state policy of health care // Management of health care [Upravlenie zdravookhraneniem]. 2015. N 2(44). P. 46–58. (In rus)
8. Siluyanov I. V. Elite. About calling of the doctor. M. : Form T, 2008. 256 p. (In rus)
9. Sorokina T. S. Medicine history: the textbook for students of the medical higher educational institutions. M.: Publishing center "Academy", 2009. 560 p. (In rus)
10. Tetericheva T. V. Features of communication policy of the government of Tula region in health sector // Management of health care [Upravlenie zdravookhraneniem]. 2015. N 2(44). P. 68–82. (In rus)
11. Khasanov F. Z. Modern problems of policy of the state in the field of health care // News of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science [Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya]. 2011. V. 11. N 2. P. 113–115. (In rus)
12. Shcherbo A. P., Averyanova V. V. An analysis of the state policy in the sphere of Medical Activity Quality and Safety // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 5(89). P. 35–41. (In rus)

About the authors:

Aleksei I. Balashov, Head of the Chair of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy) Professor; aleksey.i.balashov@gmail.com

Gleb A. Zakharenko, Leading Adviser of the Communication Projects Department of the Department of Public Health and Communications of the Ministry of Health of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Graduate student of the Chair of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); gleb_zakharenko@mail.ru

Методологические основания и проблемы исследования политического потенциала местной власти в России: предпосылки и обстоятельства для формулирования базисной теоретической модели*

(часть первая)

Баранец С. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; brnts@rambler.ru

РЕФЕРАТ

Статья предлагает авторский взгляд на предпосылки и трудности поиска методологических оснований для исследования проблемы развертывания политического потенциала местной власти в современной России. В тексте публикации выявляется и формулируется основной круг вопросов, которые необходимо раскрыть для экспликации авторского видения перспектив для реализации возможностей взаимодействия местной власти, как воле к самоорганизации населения территориальных локусов, и тех форм, в которых они объективно существуют сегодня в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. Показано, каким образом стихийная аккумуляция политического потенциала местного самоуправления в современных условиях может оказаться за пределами регулирующего менеджериального воздействия государственных органов власти и управления, и в связи с этим обосновывается тезис о недостаточности современных способов учета и контроля условий и результатов деятельности порождающих центров демократического народовластия в локальном масштабе. Сделана попытка обосновать ряд промежуточных выводов относительно предлагаемой автором исследовательской программы в проблеме управления местной властью и его потенциальными возможностями, а также намечены перспективные направления дальнейшего изучения поставленных проблемных вопросов.

Ключевые слова: политическая система, местная власть, потенциалы народовластия, локальность политического, повседневность властительности, территориальные локусы, развитие территорий, модусы политической субъектности

Methodological Foundations and Problems of the Study of Political Capacity of Local Government in Russia: Preconditions and Circumstances for the Formulation of Basic Theoretical Models (part one)

Baranets S. N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; brnts@rambler.ru

ABSTRACT

The article offers an author's view on the prerequisites and difficulties of finding methodological grounds for investigating the problem of deploying the political potential of local power in modern Russia. The text of the publication reveals and formulates the main range of issues that need to be disclosed to explicate the author's vision of the prospects for realizing

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00862.

the opportunities for interaction of local authorities, as a will to self-organize the population of territorial loci, and the forms in which they objectively exist today in accordance with the current legislation of the Russian Federation. It is shown how the spontaneous accumulation of the political potential of local self-government in modern conditions can be beyond the regulatory management impact of state authorities and management, and in this connection, the thesis is based on the inadequacy of modern ways of recording and controlling the conditions and results of the activities of the generative centers of democratic democracy in the local Scale. An attempt was made to substantiate a number of intermediate conclusions regarding the author's proposed research program in the problem of local government administration and its potentialities, and outlined prospective directions for further study of the identified problematic issues.

Keywords: the political system, local authority, the potentials of democracy, the locality of the political, the daily power, territorial loci, the development of territories, the modes of political subjectness

К началу второго десятилетия XXI в. в России сложились предпосылки для перехода к новому этапу государственного строительства [21]. Решение задач стабилизации социального строя, утвердившегося в России как отражение общемировых тенденций и на основе собственного исторического опыта, привело к осознанию необходимости переоценки достигнутого состояния и потенциальных возможностей всех потребных для дальнейшего развития общества социальных институтов. Это касалось, в том числе и прямо относящихся к ожидаемым параметрам элементов и связей в политической системе пореформенного российского общества.

Однако, как известно, достижение стабильности состояний и связей, в том числе и в политической сфере, оказывается задачей менее сложной по сравнению с необходимостью поддержания стабильного состояния общественного организма для обнаружения и реализации приоритетных векторов и тенденций его дальнейшего развития [14]. На фоне методологических поисков и идейно-мировоззренческих развилков институт местного самоуправления, сердцевину которого составляет исторически эволюционировавший феномен местной власти, может быть предметно переосмыслен с точки зрения актуализации и использования для целей социального прогресса еще не раскрытых его резервов. Их новое толкование, способное открыть и объяснить срезы муниципальной реальности в российских условиях, сделав акцент на ранее затененных аспектах, в том числе и политического характера, способно послужить достижению заявленных параметров будущего российского общества, ориентируя заинтересованных граждан на особые групповые интересы, связанные с отношением к властным прерогативам руководства страны. Этот путь возвращения на стезю политической активности вызревает, судя по всему, на низовом уровне, в постоянном контакте с местными властными структурами, деятелями и органами муниципального управления по многим поводам, поскольку, как известно, «муниципальный уровень власти максимально близок к людям, к их реальным заботам, а значит, диалог, стремление получить обратную связь должны быть приоритетом в работе местной власти. Только при постоянном, неформальном, заинтересованном общении с жителями можно узнать, почувствовать, что их действительно волнует, и вместе с гражданами добиваться решения насущных задач, строить планы развития»¹ — в том числе, заметим, и стратегические.

Понимание особого положения местного самоуправления и его оценка как своего рода медиатора, «стяжки» между обществом и государством, носителя особых

¹ Из выступления Президента России В. В. Путина на заседании Совета по развитию местного самоуправления 5 августа 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55301> (дата обращения: 08.08.2017).

социально-политических компетенций, практического субъекта локальных политик и «клиентального агента», проводящего идейно-политическое влияние доминирующих государственных акторов, пока еще не стало бесспорным и повсеместным. Мало кто оценивает его как носителя потенциального коллективного сознания и действия, обеспечивающего стабильность, предсказуемость и управляемость всей общественной системы, но способного, вместе с тем, привнести в нее деструкционные, деструктивные, возмущающие элементы. Порожденное особой российской историей становления этого инструментального института государственного властвования радикальное сомнение в возможностях местных сообществ решать вопросы собственного жизнеобеспечения в своем праве и под свою ответственность имеет место в позициях немалого числа ученых и специалистов. Это сомнение и выводы о «вечной» зависимости местного властно-управленческого уровня от установок и требований государственно-властных сил и деятелей порождается у многих своеобразной интерпретацией неоднозначной истории эволюции российской муниципальной идеологии и сложившейся к настоящему времени практики. В условиях нынешних проявлений противоречия глобального и локального продуктивная идея «муниципалитета-трансформера» [см.: 10] вряд ли окажется полезной в научном плане, если не будет дополнена мыслью о том, что сама местной манеры обустройства власти и ее устремленность к свободе не возможна сегодня иначе, как в необходимости преодоления государственной тотальности и диктата.

Признаваемые пока немногими особые, специальные, специфические и потому не делегируемые другим частям политической системы роль и предназначение институций местного самоуправления, способного активно и систематически влиять на меру противостояния и/или согласованности общегосударственных и локальных целей, потребностей и интересов, может быть, на наш взгляд, оценена в ее подлинном значении лишь в связи с разворачиванием заключенных в местной и муниципальной власти потенциалов, т.е. до поры и времени скрытых возможностей разного характера. Именно эти потенциалы способны как латентным образом, так и в актуальных формах локального социального действия определять собой конфигурации политических сил, влиять на характер взаимодействий между участниками политических процессов и формировать результаты идейно-эмоционального восприятия государственных политик [2; 3].

Сама возможность быть носителем значимых социально-политических компетенций дополняется способностью местной власти становиться инициатором, организатором и реализатором собственных политических приоритетов, которые лишь в идеале, в проекции, в тенденции совпадают с приоритетами и целевыми установками государственной власти в ее региональном и федеральном обличье. Постоянная привычка местной власти в той или иной степени отклоняться от генерального политического курса и обнаружить в себе (а то и приобрести, — например, с помощью активистов политических партий) черты, отличающие ее от набора ценности и оценок стандартного адепта (адвоката) существующего политического режима, является источником перманентной «головной боли» тех, кто вынужден с ней реально взаимодействовать в различных властно-управленческих модусах (см.: [8; 16]). Муниципальный активист на властной позиции необходим, прежде всего, для организации и воспроизводства конструктивного воздействия на возникающие объективно, или же порожденные креативным прагматическим размышлением и самостоятельным социально-политическим творчеством местных деятелей общественные ситуации. Любое государственное движение должно, по этой логике, соотноситься с местными социальными потребностями, учитывать местные интересы и, по меньшей мере, иметь в виду и каким-то образом иметь территориально привязанные к местным хозяйственным условиям и социокультурным предпочтениям цели развития.

Тема политического потенциала местной власти самоорганизации и самоуправления представляется особенно важной в современных условиях эволюции российской государственности, отличающихся отнюдь не только усилением процессов локализации, дифференциации и фрагментирования социальной жизни, но и следованием глобальным объединительным тенденциям. Атомизация общественных процессов соединена с интеграционными тенденциями и поисками основания для сотрудничества людей и их объединений друг с другом глубокой диалектической связью. Новые, порожденные «текучей» современностью, способы коллективной самоорганизации и целенаправленных коллективных действий являются своеобразной общественной реакцией на усиливающееся, несмотря на развертывание специальных усилий по коммуницированию и поиск соответствующих технологий социализации и участия [см., к примеру, 1; 12; 13; 22], отчуждение в отношениях социальных групп между собой и в их отношении к государству. Это проявляется в изменениях самоидентификации и самооценок как самих отчужденных социальных групп, так и их контрагентов, а более того — в ориентациях авангардных субъектов, как их полномочных представителей, на вдохновляющие (или хотя бы приемлемые) социальные идеалы.

Упорядочивающая деятельность государства, инициирующего процессы становления политической самоорганизации местных сообществ для своих утилитарных целей, является фоновым режимом для процессов становления, развития и самореализации местной власти [7]. По-разному относясь к политической самодеятельности, государство вынуждено поощрять позитивные, с его точки зрения, тенденции в эволюции локальных властей, что парадоксальным образом приводит к интенсификации процессов их политического взросления и ангажированности. Возможность локальных деятелей так или иначе противостоять государственному диктату в любые времена воспринималась в российском обществе с симпатией, однако умение противостоять государственному давлению не демонстрационно, а по существу, и не только в опоре на собственные силы, сиречь домороженно, но и посредством апелляции к мировому общественному опыту, мнению или международным политическим институтам является новым фактом, порожденным процессами информационной глобализации. Изучить это явление и выработать толерантное к нему отношение со стороны властных структур и субъектов — серьезный вызов для политических исследователей, экспертов и специалистов-практиков в сфере политических процессов.

Проблема анализа собственного и порожденного другими субъектами и обстоятельствами потенциала местных сообществ, местных связностей и местной власти вынуждает использовать для своего изучения инструментарий, наработанный как специальными науками социально-гуманитарного цикла, так и в смежных областях. Однако для некоторых ее аспектов теоретические познавательные инструменты приходится изобретать заново. На путях рассмотрения вопросов, встающих перед наукой в связи с акцентуацией внимания на кажущихся простыми моделях и модальностях локального характера, изначально центростремительных, но при этом ассоциированных с внешними структурами и агентами форм социетальных взаимодействий между участниками территориальных связей в сравнительно узких границах социального времени обнаруживают себя не только унаследованные от прошлых исторических форм эффекты цивилизационных закономерностей, но и перспективные глобальные последствия, инициированные изначально повседневными практиками жизнедеятельности людей в местах их преимущественного бытования.

Если воспринять как истинную мысль о том, что в современном мире качество жизни и возможности самореализации человека фактически зависят от места проживания в активной фазе существования, то становится понятным, насколько важно при оценке цивилизационной динамики, уровня социальной компетентности участников общественных процессов и опасностей усиливающихся социальных различий

учитывать особенности процессов локализации социальных девиаций, социальной устойчивости и модернизационных социальных прорывов. Заимствование чужого опыта требует эмпатического и герменевтического вчувствования в набор объективных факторов и обстоятельств субъектного самоутверждения в реальности социума. Но здесь имеется место и для прозрений относительно универсальных аспектов практик, подлежащих непрременной имплементации в структуры повседневного опыта ради интересов достижения целей общего блага. Российский региональный аспект разработки и реализации муниципальных политик нуждается в интенсивном компаративном исследовании не столько для целей распространения, сколько для целей применения с учетом федерально-ориентированной «субъектовой» специфики и ее локального воплощения.

Таким образом, актуальность исследования темы местной политики и ее властно-ориентированного потенциала в конечном счете обусловлена совокупностью практических проблем современного российского общества, задачами развития местных воплощений государственных позывов и анализа проявлений эффектов воздействия основанных на этих позывах планов, исходящих со стороны государственных и общественных институтов для решения местных задач в повышении качества жизни граждан. Особым катализатором для этого научно-практического интереса выступают также вопросы повышения эффективности принуждающего к праву «умного» влияния, публичного правоприменительного опыта и публично ориентированного социального управления. Однако в российских условиях научный интерес традиционно оказывается одной из забот власти, детерминирующей своим присутствием и проявлениями организационно-управленческой активности фон для выявления и акцентирования степени актуальности той или иной проблематики, оказывающейся так или иначе в сфере ее политического интереса. Политика в российской реальности практически всегда первенствует и по отношению к экономике, и по отношению к другим сферам общественной практики и сознания: властные прерогативы формируют директивные установки в отношении науки и ее приоритетных направлений. Посему порой политическая целесообразность, а не научная актуальность, вытекающая из неутилитарного поиска истины, выводит то или иное научное направление, а то и все тело науки в нужную для власти позицию. Это всегда полезно иметь в виду, особенно в такой щекотливой сфере, как изучение закономерностей становления, накопления и проявления весьма специфичных по своей манифестации политических потенциалов местной власти.

При всем богатстве и разнообразии направлений научных исследований политической сферы [см. подробнее: 11] и немалого количества материалов по различным аспектам локального, парциального властвования и самоуправления в России проблема сущности властных локусов, ее специфики и особенностей воплощения в реальных фигурах и структурах остается «неизученной территорией» и своего рода «белым пятном» в муниципальном тематическом поле. Сложившееся исторически, закрепленное законодательно и встроенное в массовое сознание смешение понятий местной власти, властей муниципальных и органов местного самоуправления не может удовлетворить серьезного ученого, проявляющего интерес к муниципальной реальности и способам обустройства в ее пределах нормального человеческого бытия. В располагаемом массиве литературы по муниципальной тематике на сегодняшний момент преобладают дескриптивные, а не экспликативные работы, и при этом наблюдается острый дефицит самостоятельных гипотез, а также потребных для их верификации научно фундированных и теоретически организованных изысканий. Волны интереса к местной и муниципальной пробле-

матике вздымаются и угасают в зависимости и от содержания, и от степени напряженности политического момента: власть в России по-прежнему не только главный «европеец», но и главный «умник», и от ее благоволения, как и всегда, немало зависит в сугубо профессиональных делах патронируемого им научного сообщества.

Тем не менее определенные значимые, интересные и по объективным критериям вполне научные результаты осмысления двадцатилетнего опыта обустройства обновленной федерации в России [15], ее политической системы и такого ее опорного компонента, как местная власть, налицо¹. Детальность проникновения в слои и структуры муниципального политического пространства возрастает, обобщения отображают некоторые закономерности, а примеры вполне законосообразны. При этом, как мне кажется, важно иметь в виду, что особое значение для продолжения научной традиции имеют состыковки и сопряженности научного опыта советской «научно-коммунистической» политологической школы и современной российской муниципальной науки в ее отношении к политическому дискурсу пореформенной России.

В исследованиях последних двадцати пяти лет отчетливо наблюдается две (по мнению некоторых — три) конъюнктурные волны. Первая связана с романтикой «революции наизнанку», когда учреждалась и утверждалась новая власть, и для многих ее приключения и экзерсисы были источником если не вдохновения, то во всяком случае интереса. С принятием Конституции РФ 1993 г., ряда законов, призванных законодательно, на вырост «обустроить Россию» и, в частности, закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 1995 г. корпус научно ориентированных работ по проблемам муниципального строительства дополнился новой волной исследований, исследователей и продуктов их творчества, призванных оправдать происходящий процесс десоветизации власти и «декоммунизацию» рефлексивной составляющей общественной жизни. Исследователи активно осваивали вновь открытую проблемную область, однако с явным уклоном в правовую тематику, ибо в то время возобладало мнение о том, что не красота, а закон, и только закон, спасет Россию. Активное желание тогдашнего руководства страны присоединиться к европейскому сообществу породило симпатию и склонность к апологетической трактовке философско-идеологических оснований Европейской хартии о местном самоуправлении², которые были прочтены и истолкованы как «свет в конце туннеля», ведущего россиян в столь желанные в те времена европейские пенаты.

Вера в то, что возрождение местного самоуправления в любой форме и в любом случае благотворно скажется на российской политической системе, имидже политического режима, а заодно придаст власти черты западничества (или, по крайней мере, западной ориентации), благополучно уживалась с убеждением, что именно местное самоуправление в качестве одной из основ конституционного строя проявит себя в рамках общего процесса федерализации как то самое, заветное «звено» цепи, ухватившись за которое можно овладеть всей совокупностью событий и структур, сделав Россию современной, богатой, процветающей и при этом великой, — так вот, эта вера оказалась не то чтобы ложной, но какой-то сомнительной.

¹ Специально подчеркнем, что, в отличие от законодательных актов о местном самоуправлении в России, в контексте данной работы делается принципиальное и существенное различие между понятиями «местный» и «муниципальный». С нашей точки зрения, это различие открывает невидимые не вооруженному научным знанием глазу исследователю области муниципальной реальности, которые иначе просто невозможно обнаружить и изучить.

² Европейская хартия местного самоуправления. Страсбург, 15 октября 1985 года [Электронный ресурс] // Совет Европы. URL: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007a105> (дата обращения: 26.06.2017).

К концу 90-х годов прошлого века стало понятно, что государственные механизмы сохранили свой упорядочивающий потенциал, тогда как местная власть никогда не сможет получить столько суверенитета, сколько она хотела бы, и столько ресурсов, сколько потребно для постоянного укрепления этого суверенитета. Кроме того, многообразие форм «народного творчества» и самодеятельности в сфере муниципальной политики высветило опасности и противоречия в развитии институтов местной власти: последняя начала действовать и мыслить так, как будто бы организационная независимость от органов государственного управления реально означает явленную и реальную возможность выстраивать и реализовывать собственную систему политических приоритетов, не принимая при этом во внимание и агрессивно опротестовывая любые попытки «федералов» и «регионалов» апеллировать к общегосударственным интересам.

Передача власти новой когорте будущих национальных лидеров на рубеже тысячелетий обозначила своеобразный разворот в той сфере научных изысканий, которая занималась проблемами местных форм осуществления властных полномочий. Созрела идея пересмотра концептуальных оснований всей системы государственной муниципальной политики, зримым результатом которой стала «новая редакция» Федерального закона об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации¹. Более половины первого десятилетия нового века внимание экспертного сообщества и научной общественности было сосредоточено вокруг оснований, принципов и норм данного правового акта, результатом чего явился новый, второй по счету всплеск и лавинообразный рост работ по муниципальной тематике. Формы, способы существования и самореализации местной власти стали предметом политологического, социологического и даже философского интереса. Правда, теперь местная власть и организационные формы ее самоутверждения и существования рассматривались скорее как дополнительная реальность, как набор локализованных политик и ограниченных местностью населенных и освоенных территорий практик, догоняющих государственные институты, а не противоречащие им. Теоретически это оформилось как разворот в сторону «суверенной демократии», «национализации будущего» и, соответственно, поиска базисных скреп государственности при посильном вспомоществовании со стороны муниципальной общественности.

Итогом двух с лишним десятилетий серьезных, научно-революционных по сути своей, познавательных усилий стало, помимо прочего, возвращение к научным подходам и традициям досоветских исследований муниципальной тематики (общинности, земства, поместничества и т. п.)², переосмысление имевшихся марксистских исследований в этой области, а также восстановление критического отношения к западным концепциям и теориям, описывающим и объясняющим коммунитарную и муниципальную составляющую общественных и политических процессов. Однако при этом казавшаяся когда-то плодотворной идея естественного транзита из социализма обратно в капитализм своего научного предназначения не выполнила, хотя идеологически сработала достаточно эффективно. Внимательное изучение тенденций развития современной мировой политологии (даже если обратиться исключительно к материалам мировых политологических конгрессов и обозреть тематику исследовательских комитетов национальных политологических ассоциаций) показывает несомненный и устойчивый рост интереса к местным эффектам глобальных процессов и глобального значения сугубо местных проблем.

¹ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Российская газета. 2003. 8 октября.

² См., на мой взгляд, очень показательную в этом отношении книжку [19] и сборники [17; 18].

Россия практически всегда оказывалась в тренде главных и актуальных для мирового сообщества научных интересов. К концу «нулевых» в российских научных кругах, занятых исследованием муниципальной тематики в связи с достигнутым в обществе состоянием относительной стабильности, сложилось весьма своеобразное положение. С одной стороны, муниципальная тематика «академизировалась» и приобрела все черты респектабельного научного направления. С другой стороны, бурлящая местная муниципальная управленческая и политическая практика способна поставить в тупик не только действующего политика и государственного администратора, но и научный мир. Желание приручить местную власть, сделать ее предсказуемой и управляемой является не только проявлением неизбывной тотальности государственных властных интенций, но и серьезным научным вызовом сообществу ученых и экспертов, в особенности тех, кто обеспечивает процессы принятия, реализации и контроля исполнения государственных решений.

При этом в среде российских исследователей муниципальных процессов нарастает понимание того, что западный концептуальный опыт, даже будучи адаптирован для российских условий, не исчерпывает всего многообразия идейно-тематических пластов, актуализирующихся в связи с социальными флуктуациями и бифуркационными подвижками в недрах российского социума и той его части, которая отвечает за состояние местных дел. Так, западная неинституциональная парадигма в приложении в проблематике местной власти демонстрирует свою ограниченность: следование правилам никогда не было в России особо почитаемой и предпочтительной ценностью. Западно-ориентированная сравнительная политология пасует перед протяженностью и многомерностью российского политического пространства, а также не имеет возможности охватить своеобразную временную ритмику исповедуемой в России идеи служения местным (соборным, по сути, т. е. ософиенным) интересам вопреки воле местных сообществ. Инструменты социальной истории в России становятся инструментарием идейно-политической борьбы, а апелляция к очевидности повседневной местной жизни — не просто «кейсом», но весомым теоретическим аргументом. В контексте настоящего исследования это означает намеренное рассредоточение внимания на всем, что может оказаться важным, даже если с принятой кем-то или где-то концептуальной точки зрения это «что-то» является маргиналией и/или побочным эффектом. Опытов такой «деконструкции» новой муниципальной реальности пока не слишком много¹, однако есть некоторые обнадеживающие признаки того, что в ближайшее время следует ожидать появления большего количества качественных исследований этой важнейшей составляющей российской социально-политической жизни.

Если выбирать объектом исследования реформирование института местного самоуправления в условиях нового этапа государственного строительства в Российской Федерации, то его предметность, как мне представляется, ограничивается изучением форм и процессов воспроизводства местной власти как основы формирования и организации деятельности институтов муниципального влияния и связей в системе публичного управления Российской Федерации. Тогда генеральной целью исследовательских усилий становится, как представляется автору, выявление устойчивых и переменчивых форм существования, экспликация сущностной специфики и категориальное описание основных феноменов появления, накопления

¹ См. среди ряда других работы Р. В. Бабуна, Л. Ф. Болтенковой, Н. С. Бондаря, А. А. Васецкого, С. В. Вобленко, Р. М. Вульфovich, И. В. Выдрина, Я. Г. Гимельштейна, В. Л. Глазычева, А. А. Замотаева, В. Б. Зотова, А. М. Киселевой, С. Г. Кордонского, А. В. Кружкова, А. В. Лагуткина, В. В. Локосова, Э. Маркварта, И. В. Стародубовской, Е. С. Шугриной, А. Н. Широкова и С. И. Юрковой. По-прежнему методологически актуальны труды Г. В. Барабашева, в частности, [5], а также ряда специалистов поздней советской эпохи. Конечно, этот список неполон, субъективен и отображает сугубо волюнтарную авторскую оценку.

и проявления политического потенциала местной власти в пределах определенной, исторически сложившейся территориальной компетенции государственных и муниципальных институтов проектного управления с учетом современных тенденций.

Обозначенная цель такого рода исследования обуславливает, как представляется, постановку и решение следующих основных задач:

- раскрыть существенные признаки и характеристики феномена местной власти с точки зрения ее политического потенциала, дав, по возможности, качественные и количественные характеристики последнего;
- показать ограниченность существующих теоретических моделей местного самоуправления, разрабатываемых без учета возможностей и ресурсов местной власти и ее способности играть самостоятельную субъектную роль, дабы проводить собственную политическую стратегию в условиях реализации общегосударственных, региональных и муниципальных политик в населенческих сообществах разного типа;
- сформулировать философско-политические, политико-правовые и социокультурные основания современной концепции местной власти, позволяющие понять ее как системообразующий стержень муниципального сообщества;
- выявить исторические предпосылки и особенности современного этапа государственного строительства в России с точки зрения возможностей раскрытия способности муниципальных образований как объектов целенаправленного государственного воздействия к самоорганизации и осуществлению собственных программ и выработке собственных алгоритмов развития в модусе относительно самостоятельного политического субъекта;
- показать специфику форм преемственности в историческом развитии и эволюции способов существования местной власти в России, имея в виду раскрытие исторической обусловленности и конкретности воплощения до- и негосударственных (традиционных) форм организации местной жизни в новых исторических условиях;
- показать способы воздействия различных политических сил на носителей и структуры местной власти, имея в виду необходимость воплощения на территориях, подведомственных муниципальным органам власти, государственных стратегических планов, в том числе в сфере территориального стратегического планирования;
- обосновать и осуществить категориальное описание взаимосвязи институционального развития местного самоуправления в России с динамикой социальных отношений на территориях муниципальных образований, показав недостатки и противоречия в основаниях нынешней системы административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации;
- разработать соответствующие потребностям управленческой практики теоретические модели для формирования системы индикаторов, которые могут быть использованы для измерения политического потенциала местной власти, активности его носителей, а также степени их влияния на возможности решения вопросов местного значения;
- предложить способы проведения аудиторской оценки эффективности государственной муниципальной политики в ряде регионов Российской Федерации, имея в виду эффективность учета возможностей и ограничений местной власти при реализации полномочий представительных органов муниципальной власти, административных структур и высших для них должностных лиц;
- выявить особенности реализации политической борьбы в аспекте достижения результативности осуществления властных прерогатив и полномочий в органах муниципальной власти и управления с использованием политических избирательных технологий современного типа;

- эксплицировать основные способы взаимодействия политических лидеров на конкретных территориях с носителями местной власти и средой ее воспроизводства и существования, имея в виду особенности современного этапа институционального развития местного самоуправления в Российской Федерации как существенного фактора и важного обстоятельства федеральных и региональных политических процессов (к примеру, сравнительного исследования тенденции развития отдельных процессов в муниципально-государственном партнерстве и конфронтационных обстоятельствах эволюции Ленинградской и Астраханской области, а также в Санкт-Петербурге¹).

Необходимо отметить, что каждая из обозначенных выше задач предстает не только во взаимосвязи с другими, но и как особое направление исследований, заслуживающее, на наш взгляд, специальных творческих усилий. При этом задаваемые избранным для конкретных исследовательских проектов аспектом темы политической власти на местах объект, предмет и цель исследования во всяком из рассматриваемых случаев необходимым образом предполагают и обуславливают использование междисциплинарного подхода и комплексного видения практических перспектив для целей управленческого воздействия. Основными методологическими ориентирами являются здесь системный анализ и конкретно-исторический подход к исследуемым явлениям и процессам, применение традиционных теоретических инструментов, а также разработка новых, позволяющих описывать и объяснять сложные социальные и политические процессы, производя своего рода восхождение от абстрактных теоретических моделей к конкретному воспроизведению объективно складывающихся и выявляемых практикой закономерностей, которые проявляют себя на нынешнем этапе реформирования местного самоуправления в России и в мире.

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Александров А. А., Тарбеева И. С. Гражданское участие в местном самоуправлении // Управленческое консультирование. 2016. № 12. С. 63–71.
2. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация / пер. с англ. А. Глухова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
3. Ачкасова В. А. Политический потенциал креативного класса // Политэкс. 2014. Т. 10. № 4. С. 27–35.
4. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Высшие ценности Российского государства. Научная монография. М. : Научный эксперт, 2012.
5. Барабашев Г. В. Местное самоуправление. М. : Изд-во МГУ, 1996.
6. Безлепкин Н. И. Дискурс управления // Управленческое консультирование. 2013. № 4. С. 109–116.
7. Васецкий А. А., Шубина Н. В. Проблемы местного самоуправления в Санкт-Петербурге. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.
8. Витковская Т. Б. Локальная политическая элита в условиях общественных трансформаций // Управленческое консультирование. 2011. № 1. С. 100–111.
9. Вульфович Р. М., Гимельштейн Я. Г. Управляемый город: прошлое, настоящее, будущее: монография. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2009.
10. Вульфович Р. М., Лобко В. Н. Муниципалитет-трансформер: принципы и механизмы функционирования. СПб. : Изд-во СЗИ РАНХИГС, 2012.
11. Гуторов В. А. О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // Политическая экспертиза. 2016. Т. 12. № 1. С. 4–28.

¹ В моей личной творческой лаборатории опыт жизнеобразующего пребывания и выживания в указанных местах несения государственной и муниципальной службы является определяющим, и я не считаю зазорным подвергать научно-рефлексивной обработке именно его «памятные места».

12. Краснолуцкий Г. Н. Горизонты российской демократии // Управленческое консультирование. 2013. № 5. С. 50–57.
13. Кружков А. В. Реформа местного самоуправления в Российской Федерации: политические итоги. М. : Современная экономика и право, 2003.
14. Мау В. А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. М. : Изд-во Института Гайдара. 2016.
15. Морозов О. В., Васильев М. А. Устойчивость федеративных систем (вопросы методологии). М. : Дело, 2015.
16. Пылин В. В. Гражданское общество и государство: проблемы и пути развития // Управленческое консультирование. 2015. № 6. С. 16–23.
17. Российская государственность и современность: проблемы идентичности и исторической преемственности: сб. докл. / под ред. канд. ист. наук М. Б. Смолина; Рос. ин-т стратег. исслед. М. : РИСИ, 2012.
18. Российское государство в историческом измерении / под общ. ред. А. Х. Даудова, С. И. Дудника, И. Д. Осипова. СПб., 2013. (Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 15).
19. Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства / отв. ред. В. Н. Захаров. М. : РОССПЭН, 2012.
20. Управление на местном уровне в развивающихся странах / под ред. А. Шаха. М. : Весь мир, 2010.
21. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы государственного управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12. С. 6–15.
22. Gnevko V. A. Municipalities — Roots of Democracy and Economics. Deerfield, IL: Society&Science, 2012.

Об авторе:

Баранец Сергей Николаевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук; brnts@rambler.ru

References

1. Aleksandrov A. A., Tarbayeva I. S. *Civil participation in local government* // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 12. P. 63–71. (In rus)
2. Ankersmit F. R. *Political Representation* / Transl. from English. A. Glukhova Moscow : Publ. House of the Higher School of Economics, 2012. (In rus)
3. Achkasova V. A. *The political potential of the creative class* // Politex [Politeks]. 2014. V. 10. N 4. P. 27–35. (In rus)
4. Baghdasaryan V. E., Sulakshin S. S. *The highest values of the Russian state. Scientific monograph*. M. : Scientific expert [Nauchnyi Ekspert], 2012. (In rus)
5. Barabashev G. V. *Local self-government*. M. : MGU-press [Izdatel'stvo MGU], 1996. (In rus)
6. Bezlepkin N. I. *Discourse of management* // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 4. P. 109–116. (In rus)
7. Vasetsky A. A., Shubina N. V. *Problems of local government in St. Petersburg* [Problemy mestnogo samoupravleniya v Sankt-Peterburge]. SPb. : Publishing House of the NWAPA [Izdatel'skij dom SZAGS], 2008. (In rus)
8. Vitkovskaya T. B. *Local political elite in conditions of social transformations* // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2011. N 1. P. 100–111. (In rus)
9. Vulfovich R. M., Gimelshtein Ya. G. *Managed city: past, present, future: Monograph*. SPb. : Publishing House of the NWAPA [Izdatel'skij dom SZAGS], 2009. (In rus)
10. Vulfovich R. M., Lobko V. N. *Municipality-transformer: principles and mechanisms of functioning*. SPb. : Publishing House of the NWIM-RANEPa [Izdatel'stvo SZIU RANHIGS], 2012. (In rus)
11. Gutorov V. A. *On some aspects of the formation of political and philosophical discourse in modern Russia* // Political expertise [Politicheskaja ekspertiza]. 2016. V. 12. N 1. P. 4–28. (In rus)
12. Krasnolutsky G. N. *Horizons of the Russian democracy* // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 5. P. 50–57. (In rus)
13. Kruzhkov A. V. *Reform of local self-government in the Russian Federation: political results*. M. : Modern Economics and Law, 2003. (In rus)

14. Mau V.A. *Crises and lessons. Economics of Russia in the era of turbulence*. M. : Publishing house of Gaidar Institute [Izdatel'stvo Instituta Gaidara], 2016. (In rus)
15. Morozov O.V., Vasiliev M.A. *Stability of federated systems (methodology issues)*. M. : Delo, 2015. 232 p. (In rus)
16. Pylin V.V. *Civil Society and the State: Problems and Ways of Development* // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 6. P. 16–23. (In rus)
17. *Russian statehood and modernity: problems of identity and historical continuity: coll. of papers* / ed. by M.B. Smolin; Rus. Inst. of Strat. Issues. M. : RISI, 2012. 396 p. (In rus)
18. *The Russian state in the historical dimension* / ed. by A.Kh. Daudov, S.I. Dudnik, I.D. Osipov. SPb., 2013. (Proceedings of the History Department of St. Petersburg State University, Vol. 15). (In rus)
19. *Territory and power in the new and contemporary history of the* / ed. by V.N. Zakharov. M. : ROSSPEN, 2012. 407 p. (In rus)
20. *Local governance in developing countries* / ed. A. Shah. M. : All World, 2010. (In rus)
21. Shamakhov V.A., Balashov A.I. *New socio-political normality and lessons of modernization of the post-Soviet system of public administration* // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 12. P. 6–15. (In rus)
22. Gnevko V.A. *Municipalities — Roots of Democracy and Economics*. Deerfield, IL: Society&Science, 2012.

About the author:

Sergei N. Baranets, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy; brnts@rambler.ru

Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации

Ковалев А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kovalev-aa@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель. Цель статьи — исследовать влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности России в современную эпоху противостояния цивилизаций, когда стратегические цели ведущих мировых держав реализуются и достигаются с учетом геополитических интересов. Для реализации поставленной цели исследуются основные факторы, фундирующие современную систему международной безопасности и международных отношений: структурный кризис однополярного мира, цивилизационное противостояние и связанный с ним рост военной угрозы, аннигиляция национальной идентичности вследствие глобализации, проводимой под эгидой и давлением США.

Методы. Методология исследования включает использование диалектического, историко-логического и историко-сравнительного методов, а также конкретно-политологических методов (ситуационный анализ, ивент-анализ, метод экспертной оценки).

Результаты. Для оценки влияния современных геополитических факторов на сферу безопасности российского государства в статье рассмотрен современный эволюционный этап эссенциальной природы войны, проходящий на стыке геополитического кризиса, роста военной угрозы, разрушении национальной самоидентичности и цивилизационном противостоянии. Определены также основные факторы, формирующие существующую систему международных отношений и систему мировой безопасности.

Выводы. В эпоху цивилизационного противостояния геополитические претензии должны быть должным образом сформулированы и обоснованы. Разрешение существующих противоречий осуществляется ныне, прежде всего, методами информационной войны, но порой и реальными военными действиями, возможность которых должна минимизироваться. В современную эпоху наблюдается качественно новый синтез военных и невоенных, прежде всего, информационно-политических, средств защиты геополитических интересов.

Ключевые слова: геополитика, геополитические факторы, военная безопасность, информационная политика, национальные интересы, военно-политическая обстановка

Influence of Geopolitical Factors on Military Security of the Russian Federation

Kovalev A. A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; kovalev-aa@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

Purpose. The purpose of the article is to investigate the influence of geopolitical factors on the military security of Russia in the modern era of confrontation between civilizations, when the strategic goals of the leading world powers are implemented and achieved taking into account geopolitical interests. To achieve this goal, we study the main factors that underlie the modern system of international security and international relations: the structural crisis of the unipolar world, the civilizational confrontation and the associated increase in the military threat, the annihilation of national identity due to globalization carried out under the auspices and pressure of the United States.

Methods. The research methodology includes the use of dialectical, historical-logical and historical-comparative methods, as well as specific-political methods (situational analysis, event analysis, expert evaluation method).

Results. To assess the impact of modern geopolitical factors on the security of the Russian state, the article considers the modern evolutionary stage of the essential nature of war, which takes place at the junction of the geopolitical crisis, the growth of the military threat, the destruction of national identity and civilizational confrontation. The main factors forming the existing system of international relations and the system of world security are also determined.

Summary. In the era of civilizational confrontation geopolitical claims must be properly formulated and justified. The resolution of the existing contradictions is carried out now, first of all, by the methods of information warfare, but sometimes by real military actions, the possibility of which should be minimized. In the modern era, there is a qualitatively new synthesis of military and non-military, primarily information and political, means to protect geopolitical interests.

Keywords: geopolitics, geopolitical factors, military security, information policy, national interests, military and political situation

ВВЕДЕНИЕ

В постиндустриальной цивилизации стратегия геополитических отношений основывается, по большей части, на геоэкономической парадигме. Эта парадигма базируется не только на завоевании территорий, овладении экономическим пространством или ресурсными базами, но и направлена на внедрение своего видения будущего и навязывание своей политической воли наиболее мощными акторами международных отношений. Реализация политических интересов ведущих держав приводит к их цивилизационному противостоянию, в котором одной из ведущих интенций является стремление к экономическому доминированию. Но в современную эпоху стратегические цели реализуются и достигаются с учетом геополитических интересов, исследование которых становится ныне все более актуальной задачей. Поэтому в этой статье мы рассмотрим основные аспекты влияния геополитических факторов на обеспечение военной безопасности нашей страны.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методология исследования данной работы закономерно предполагает использование диалектического, историко-логического и историко-сравнительного методов, а также конкретно-политологических методов (ситуационный анализ, инвент-анализ, метод экспертной оценки).

Рассмотрим основные теоретические материалы, которые имеются в распоряжении исследователя, обращающегося к проблеме влияния геополитических факторов на военную безопасность страны.

Прежде всего, главным геополитическим фактором является занимаемая государством территория, т.е. исторически сложившееся жизненное пространство того или иного социума, включающее земельные ресурсы, недра, полезные ископаемые и др. Большинство войн во всемирной истории возникало из-за спорных территорий и желания овладеть их богатствами. Десятки философских учений возникло для оправдания захватнических стремлений: от Аристотеля, который еще в IV в. до н. э. говорил о войнах справедливых и несправедливых, до З. Бжезинского, обосновывавшего ведущую роль США на «геополитической шахматной доске». От главного геополитического фактора — территории — зависят и все остальные.

Отсюда геополитику в теоретическом плане нужно рассматривать как науку о территориальных интересах государства. А интересы эти можно защищать как мирными, так и военными средствами. В современную эпоху наблюдается невиданный ранее, качественно новый симбиоз военных и невоенных, прежде всего, информационно-политических, средств защиты геополитических интересов.

После исчезновения с политической карты мира СССР как исторической России сложился, по сути дела, однополярный мир, в котором доминирует одна сверхдержава — США, отстаивающая и проводящая в жизнь свои геополитические интересы агрессивной политикой глобализации. Эта политика включает целый комплекс насильственных, в том числе военных, методов, а также самых разнообразных способов социокультурного, экономического и политического воздействия, целью которого является навязывание американского образа жизни и либеральных ценностей. Территориальные претензии США к странам, богатым нефтью и другими природными ресурсами, но не принадлежащими к европейскому цивилизационному сообществу, оборачиваются прямым вооруженным вмешательством во внутренние дела этих стран (Афганистан, Сирия) и их фактическому уничтожению (Ирак, Ливия).

Сегодняшняя геополитическая стратегия США основана в основном как на геоэкономической конкуренции, так и на управлении национальными рисками. Эта стратегия направлена на упрочнение своей собственной политической системы и на подрыв социальной, политической и экономической систем своих оппонентов. Причем старый имперский принцип Британской империи «разделяй и властвуй» используется Соединенными Штатами в полной мере даже в отношениях с Европейским союзом, находящимся под их действенным и порой агрессивно-навязчивым влиянием.

Во второй пол. XX — нач. XXI вв. произошел переход от статистического к динамическому использованию пространства, которое выразилось монополизацией контроля над потоками информации, капиталов, рабочей силы. В связи с ростом экономического могущества Китайской Народной Республики и растущей геополитической активности России по пути возрождения русской цивилизации возможно перераспределение влияния мировых центров силы. Стоит отметить, что некоторые политологи отмечают, что спад экономического потенциала и могущества США очевиден. Из придерживающихся такого мнения ученых следует назвать, прежде всего, историка Альфреда Уильяма Маккоя из Университета Висконсин в Мэдисоне¹. Делается вывод, что эти процессы неизбежно приведут к ослаблению позиций этой сверхдержавы на международной арене, возможному появлению новых геополитических центров и воссозданию многополярного мира.

4 декабря 2014 г. Президент России В. В. Путин в Послании Федеральному собранию отметил: «Надо с уважением относиться к законным интересам всех участников международного общения. Только тогда не пушки, ракеты или боевые самолеты, а именно нормы права будут надежно защищать мир от кровопролитных конфликтов»² [5]. Но это пожелание в современных геополитических условиях и состоянии противостояния цивилизаций, к сожалению, фактически невыполнимо. И говорить о сглаживании противоречий и уменьшении цивилизационного противостояния сегодня не приходится.

Напротив, современная международная обстановка свидетельствует о том, что политические конфликты все более и более обостряются. Территориальные пре-

¹ Alfred W. McCoy. The Decline and Fall of the American Empire: Four Scenarios for the End of the American Century by 2025. The Huffington Post, 6 Dec 2010.

² Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию РФ от 4 декабря 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173> (дата обращения: 10.02.2018).

тензии решаются чаще всего военной силой, но и сама война приобрела за последние годы новые, ранее просто невозможные формы. Ежедневно со стороны противоборствующих цивилизационных конгломератов звучат воинственные декларации и чрезвычайно угрожающие заявления. В условиях уменьшения авторитета и неэффективности международных институтов, отвечающих за поддержание и укрепление мира, в сфере безопасности опять стала преобладающей доминанта силового компонента.

При этом происходящий процесс глобализации наложил свой отпечаток не только на геоэкономические и геополитические структурные изменения, но и на организацию и функционирование системы обороны и политики безопасности современных государств, так как вопросы безопасности перестали быть чисто внутренним делом государств, а сместились в надгосударственную и наднациональную плоскость. Этому способствовала динамика роста локальных межгосударственных конфликтов малой интенсивности к XX — нач. XXI вв., а также активное внедрение на геополитическое поле такой концепции, как «теория хаоса», и переформатирование существовавшей некоторое время архитектуры монополярного устройства мирового сообщества.

Во второй половине XX столетия общим местом в концепциях политологов и действиях политиков-практиков была интенция на создание международной системы коллективной безопасности. Приведем типичный для такой парадигмы пример определения системы коллективной безопасности: «Система безопасности, созданная усилиями нескольких государств или всего мирового сообщества для предотвращения или нейтрализации различного рода угроз (экономических, военных, экологических и др.) существованию и развитию человеческой цивилизации на региональном или глобальном уровне» [2].

В современную эпоху начинает складываться парадигма, основной чертой которой является стремление ведущих государств — игроков на международной арене — усилить переформатирование и укрепить собственные системы национальной безопасности. Ведущую роль здесь играет цивилизационное противостояние. Мы уже обращались ранее к исследованию современных цивилизационных противоречий, которые могут привести к «мировому пожару», и которые необходимо учитывать при построении стратегических и тактических действий в области военной безопасности [4].

Здесь отметим лишь, что наиболее значимыми и опасными противоречиями являются, на наш взгляд, следующие: 1) противоречия между интересами России и странами Европейского союза, бездумно следующими в фарватере американской политики; 2) противоречия между утратившей статус сверхдержавы Россией и сверхдержавой Соединенными Штатами Америки; 3) противоречия между США и развитыми странами Европы, с одной стороны, и со всем остальным миром, с другой, включая Россию. За последние двадцать лет лидеры Соединенных Штатов были твердо уверены в том, что их страна приобрела статус единственной сверхдержавы. Но такого рода самоуверенность может стать опасной для любой державы. Отметим, что однополярный мир противоречит, по мнению автора, фундаментальным законам диалектики.

Объективно России как державе, начинающей проявлять все большую геополитическую активность, выгоден рост противоречий как внутри самого Европейского союза, так и между ЕС и США. Выход Британии из Еврозоны и растущее число протестных настроений в странах Европейского союза, связанных с притоком мигрантов из Азии и Африки, может стать дестабилизирующим фактором для ЕС. А распад Евросоюза будет объективно содействовать решению многих геополитических вопросов в пользу России. И в этой связи компонент военной мощи российского государства опять стал преобладающим аргументом при решении спорных геополитических вопросов.

Следует понимать, что формирование объективных геополитических моделей дает возможность объяснить не только уже сложившуюся геополитическую структуру и соотношение сил на международной арене, но и дать объяснение направлениям и ключевым факторам геостратегии государств в направлении постоянной экспансии. Экспансия предполагает навязывание готовых образцов социально-экономического, политического и культурного развития без какого бы то ни было взвешенного учета различия между цивилизациями. Уже четверть века глобализация осуществляется по унифицированным американским стандартам, причем демократию (феномен, свойственный исключительно европейской цивилизации) пытаются насильственно насадить в регионах с совершенно противоположной исторической традицией.

Поэтому современная модель геополитической архитектуры должна основываться на двух основных тезисах: уход в прошлое монополярного атлантизма и формирование многополярной модели геополитического сообщества. Период монополярного протектората и контроля США в сфере международных отношений заканчивается, и как любое завершение определенного этапа развития мирового сообщества и цивилизации, это чревато эскалацией напряженности из-за возникновения многовекторной комбинации интересов и различных возможностей участников данного процесса.

На формирование современной геополитической напряженности наложили свой отпечаток самые разнообразные факторы. Мы отметим лишь ведущие среди них: 1) цивилизационное противостояние, 2) усиление значимости некоторых геополитических акторов (например, КНР) и ослабление роли конгломератов (например, ЕС), 3) абсолютно беспрецедентная комбинация представлений на формирование нового мирового порядка, который мог бы отразить и сбалансировать возникшую на сегодняшний момент геополитическую ситуацию. Существующая ситуация в современном мировом сообществе уникальна еще и тем, что происходит кризис не только системы и институтов международных отношений, но и кризис структурно-цивилизационный, который совершается одновременно на геополитическом, геоэкономическом и духовно-культурном уровне.

На наш взгляд, вышеперечисленные обстоятельства в очередной раз подтверждают концепцию Г. Моргентау [7], согласно которой все цели внешней политики должны определяться вектором национального интереса и поддерживаться соответствующей силой, т.е., согласно «железному закону политики», во все времена между государствами определяющими выступают именно силовые отношения. Самосохранение системы международных отношений основывается на поддержании в ней динамического равновесия разных, иногда абсолютно противоположных интенций государств как составных элементов этой системы. Но данное равновесие, как и любая саморазвивающаяся система, рано или поздно приходит к необходимости более или менее существенных изменений — «перезагрузки», говоря популярным ныне языком.

Попытки максимальной реализации собственных национальных интересов отдельными участниками процесса либо вызывают недовольство остальных участников, а соответственно провоцируются ответные противодействующие движения, либо ставят всю систему в монополярную зависимость от одного определяющего фактора. Эту мысль наглядно иллюстрируют современные отношения между США и Европейским союзом, многие развитые страны которого недовольны взятой на себя США ролью «старшего брата». Но главная опасность состоит в том, что Соединенные Штаты порой стремятся играть роль Большого Брата в оруэлловском смысле, а такие интенции рано или поздно вызывают перенапряжение и эскалацию противостояния всех участников системы.

Именно подобный процесс мы и наблюдаем в современных геополитических отношениях. Связано это прежде всего с тем, что в системе международных от-

ношений отсутствует единая, четко обозначенная и общественно признанная структура управления, а следовательно, данная система относится к категории систем стихийного регуляционного механизма. Поэтому происходит постоянное противоборство интересов и позиций, интересов и обстоятельств между государствами, что до последнего момента и являлось нормой функционирования общепризнанной системы международных отношений. Но на данном этапе эта система в таком ее виде стала неэффективной, так как, во-первых, в нее были изначально заложены субъективные факторы тех геополитических акторов, которые ее формировали, поддерживали и продолжают контролировать, а во-вторых, произошло значительное смещение векторов сил, в первую очередь это касается усиления геополитического веса Китайской Народной Республики и Российской Федерации.

При этом также следует понимать, что мощь государства состоит из совокупности факторов экономического, политического и военного потенциала, она направлена как на отстаивание своих позиций на международной арене, так и на обеспечение внутриаполитического развития и функционирования государства. В этом контексте каждое государство является носителем, а следовательно, и субъектом силы, а сама система международных отношений выступает непосредственным объектом деятельности государств.

С одной стороны, стабильность системы международных отношений базируется на равновесии межгосударственных отношений всех стран, пребывающих в процессе постоянного национального, политического, экономического и социокультурного эволюционного развития. С другой стороны, для того чтобы система развивалась, нарушение данного баланса является аргументированным и неперенным условием. Но, как следствие нарушения этого баланса, происходит эскалация конфликтности в межгосударственных отношениях. Таким образом, геополитика, как и экономика, развивается по цикличному сценарию. Рост общемировой конфронтации свидетельствует о том, что существует острая необходимость в реформировании и внесении структурных коррективов в существовавшую систему межгосударственных отношений.

При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что если не отслеживать и не контролировать данные пики эскалации структурных сдвигов в международных отношениях, то возникает угроза перехода из фазы тотального международного кризиса в фазу общемирового вооруженного конфликта — войну. Однако в любом случае с учетом цикличности геополитических отношений, на одной из стадий международного конфликта формируется новая архитектура баланса сил в обновленной системе международных отношений, с учетом изменений в элементах и самой структуре системы. Следовательно, международные конфликты разного уровня интенсивности и напряженности являются логичным этапом развития системы международных отношений.

Несмотря на то что до сегодняшнего момента в условиях постиндустриального этапа развития мирового сообщества наиболее развитые страны уже более половины столетия решали вопросы без вооруженных серьезных конфликтов, это объясняется только одним аргументом: конфронтационная форма выяснения отношения является губительной и отсюда контрпродуктивной. Но в условиях процессов агрессивной глобализации и насильственной интеграции наметилась явственная тенденция к тому, что более развитые государства современного сообщества усиливают и совершенствуют свою сферу обороноспособности.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что ведущую роль при формировании глобального постиндустриального мирового сообщества играли лишь несколько стран. Именно эти страны не только создали проект «дивного нового мира» (если вспомнить без всякой иронии Шекспира и Хаксли), но и готовы отстаивать и навязывать свои интересы всему современному международному сообществу, в том

числе используя при этом и фактор силы. Ведь войну можно политкорректно назвать «операцией по принуждению к миру», убийство мирных граждан — «зачисткой территорий», а стремление захватить богатые природными ресурсами страны неевропейской цивилизации — «необходимостью борьбы с терроризмом». Нестабильность современного сообщества, столкновение и конфронтация цивилизаций Запада и Востока позволяют внедрять в жизнь современного общества агрессивные идеологии, религиозный фундаментализм, шовинизм, национализм, т. е. тот самый инструментарий, который способен нарушить существующую систему международных отношений и привести к полной дестабилизации мирового сообщества.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Систематизируем изложенный выше теоретический материал.

Прежде всего отметим, что на сегодняшний день сформировался также целый ряд моделей взаимоотношений государств — от простой классической формы двухсторонних отношений до отношений коалиций, основанных на объединении вокруг совпадающих интересов, либо вокруг интересов доминирующего лидера. Также третьей стороной, регулирующей межгосударственные отношения, может выступать надгосударственная структура, имеющая на это определенные полномочия — ООН, ОБСЕ, НАТО и т. п.

На современном этапе развития международных отношений военную безопасность любого государства необходимо рассматривать не только как систему, предназначенную для предотвращения или минимизации деструктивных последствий военно-политического противостояния, а как симбиоз осознанных и продуманных действий по мониторингу, анализу, прогнозированию, предотвращению или пресечению угроз и опасностей, исходящих от внешних оппонентов, включая как отдельные государства, так и надгосударственные структуры.

Кризис современного геополитического процесса, как нами было отмечено ранее, связан не только со структурными и институциональными изменениями самого общества, но и с попытками ряда государств и негосударственных акторов, используя свой экономический и политический потенциал, не только выражать и лоббировать свои интересы, но и откровенно навязывать свою геополитическую позицию. Это не могло не привести к эскалации нестабильности как на общемировом, так и на региональных уровнях. В идеале в механизме обеспечения военной безопасности современного государства должны начать играть все большую роль невоенные, несиловые его компоненты. Приоритет должен отдаваться использованию дипломатических, переговорных, политико-правовых и социально-экономических методов предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций, без трансформации их в форму военных угроз и опасностей.

К сожалению, современная ситуация не дает оснований для оптимистичных прогнозов. Видимо, мир вступает в новый период, который можно назвать новой «холодной войной». Мы согласны с мнением современных российских исследователей: современное сообщество, не научившись содействовать и взаимодействовать в формате мирных отношений как базовой модели взаимодействия, постоянно в скрытой или открытой форме наращивает военные ресурсы, а гарантом защиты является только присутствие в одном из военно-политических союзов, и, таким образом, нарушены все основные принципы, которые были сформулированы и заложены после окончания Второй мировой войны в существовавшую донныне систему обеспечений международной безопасности [5].

В сложившейся ситуации глобальной геополитической трансформации эффективность обеспечения военной безопасности, в первую очередь, формируется с помощью

методов мониторинга и аналитического прогнозирования военно-политической обстановки как в общемировом, так и на региональном и внутригосударственном уровнях. На сегодняшнем этапе сформировалась очевидная потребность в методологической и правовой разработке и введении в практическую деятельность международных отношений договоров и законов, запрещающих агрессивное применение невоенных средств, определив механизм и инструментарий информационной войны как одной из форм войны классической. Действенная информационная политика в современную эпоху может привести к победе в войне или же существенно способствовать таковой.

Структурно военную безопасность можно представить тремя взаимосвязанными уровнями: 1) общественный уровень, формирующий общественные отношения, включающие в себя и необходимость обеспечения военной безопасности; 2) государственный уровень, на котором происходят разработка и формирование концепции обеспечения военной безопасности; 3) военный уровень, на котором происходит непосредственное воплощение решений и действий по обеспечению военной безопасности в мирное и военное время.

Делая свой стратегический выбор за последние четверть века, Российская Федерация несколько раз модернизировала и корректировала свой политический курс развития [1]. Связано это, прежде всего, с напряженными отношениями, которые сформировались за последние несколько лет по оси США-РФ, с характерным стремлением Вашингтона не дать возможности усилению России как центра силы и притяжения в постсоветском регионе. Опасения США строятся на том, что Российская Федерация выступает динамично развивающимся государством, твердо отстаивающим свои позиции на международной арене в условиях происходящего геополитического противостояния.

Проблемы геополитики, затронутые в настоящей статье, трактуют по-разному. Причем определения самой геополитики значительно отличаются друг от друга, но в их обсуждении неизменным остается констатация связи геополитических факторов и военной безопасности. Приведем определение профессора В. А. Золотарева, доктора исторических и юридических наук, которое совпадает с позицией автора: «Под геополитикой понимается система научно обоснованных и официально принятых взглядов руководства одного государства или коалиции государств на их географическое положение и роль в мировом сообществе в политическом, экономическом, военном и других отношениях, реализуемых в практической деятельности с целью удержания ведущего положения в мире или регионе и обеспечения национальных и государственных интересов» [3, с. 8].

Политолог из Германии Гайнц Брилл рассматривает геополитику как «геопро-странственные, внешнеполитические акты великих держав в контексте геостратегии» [8, с. 21]. Брилл подчеркивает, что геополитика — политическая интерпретация географических обстоятельств, она возникла из политической географии и первоначально находилась в оппозиции к ней [8, с. 19].

К сожалению, некоторая теоретическая слабость отечественной геополитики объясняется тем, что в СССР эта наука, наряду с генетикой, кибернетикой и сравнительной лингвистикой, понималась как лженаука со всеми вытекающими отсюда пагубными последствиями для тех ученых, которые все же имели смелость утверждать необходимость разрабатывать и учитывать созданные геополитические концепции. А ведь Советский Союз как историческая Россия имел обширнейшие как сухопутные, так и морские границы. Поэтому геополитические интересы великой державы — признавали ли ее первые лица реальность этих интересов или же нет — были весьма многосторонними и требовали комплексной защиты, в том числе и прежде всего — военными средствами.

В обсуждении проблем геополитики эту науку часто характеризуют как удачный междисциплинарный термин, относящийся к социальным дисциплинам, а порой —

навешивают на нее ярлык околонучного, идеологизированного неологизма, порожденного западноевропейским интеллектуализмом. Мы полагаем, что статус геополитики как особого политолого-социологического подхода к изучению соотношения между географическим положением государств, их внешней политикой и состоянием военной безопасности вряд ли целесообразно ныне подвергать сомнению.

Заслуживает внимания одно из последних исследований, увязывающих проблемы геополитики и безопасности страны, в том числе и безопасности военной. Это исследование 2010 г., принадлежащее перу Е. А. Ходаковского «Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе геоцивилизационных взаимодействий Запада и Востока» [6], в котором автор дает целостное рассмотрение основных угроз военной безопасности, существующих для России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение нашего краткого исследования сделаем ряд выводов. Современная геополитика, которая в нашей стране уже четверть века не рассматривается лишь как «буржуазная наука», вынуждена иметь дело с постоянно, лавинообразно меняющейся политической реальностью. Изменениям подвергается не столько политическая карта мира, сколько цивилизационные союзы, возникшие после крупнейшей геополитической катастрофы новейшей истории — распада СССР как исторической России. В связи с возросшей геополитической активностью РФ можно говорить о ее активном включении в процесс противостояния цивилизаций.

Меняющиеся геополитические факторы действительно воздействуют на военную безопасность акторов цивилизационного противостояния, которое в ряде регионов мира перетекает в прямые военные конфликты. Вопросы безопасности в ядерную эпоху перестали быть чисто внутренним делом государств, а сместились в надгосударственную и наднациональную плоскость. Современная военная безопасность осуществляется не только поддержанием на должном уровне сугубо военной мощи, но и адекватным развитием информационной политики, соответствующей внутри- и внешнеполитическим реалиям.

Геополитические претензии должны быть должным образом сформулированы и обоснованы, а противоречия решаться, по преимуществу, методами информационной войны, а лишь затем следует допускать возможные реальные военные действия. В современную эпоху наблюдается невиданный ранее, качественно новый синтез военных и невоенных, прежде всего, информационно-политических, средств защиты геополитических интересов.

Литература

1. Аминов И. Р. О фундаменте национальной безопасности России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. № 2 (27). С. 56–62.
2. *Гражданская защита. Понятийно-терминологический словарь*. М. : Флайст, Информационно-издательский центр «Геополитика», 2001.
3. Золотарев В. А. *Военная безопасность Государства Российского*. М. : Кучково поле, 2001.
4. Ковалев А. А. *Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография*. СПб. : Поликона, 2016.
5. Старостин А. М., Самыгин С. И., Верещагина А. В. Эволюция войны и многообразие ее форм в условиях кризиса национальной идентичности и динамики угроз информационной безопасности современного общества // Социум и власть. 2016. № 5 (61). С. 49–54.
6. Ходаковский Е. А. *Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе геоцивилизационных взаимодействий Запада и Востока: дис. ... д-ра полит. наук*. М., 2010.

7. Bain W. Deconfusing Morgenthau: Moral Inquiry and Classical Realism Reconsidered // Review of International Studies. 2000. Vol. 26. N 3. P. 445–464.
8. Brill H. Geopolitische Analysen. Beiträge zur deutschen und internationalen Sicherheitspolitik. 2. Auflage. Bissendorf, Biblio-Verlag, 2008.

Об авторе:

Ковалев Андрей Андреевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, kovalev-aa@szu.ranepa.ru

References

1. Aminov I.R. About the base of national security of Russia // BIST Bulletin (Bashkir Institute of Social Technologies) [Vestnik BIST (Bashkirkogo instituta sotsial'nykh tekhnologii)]. 2015. N 2 (27). P. 56–62. (In rus)
2. Civil protection. Conceptual and terminological dictionary. M. : Flyst, Information and publishing center "Geopolicy", 2001. 240 p. (In rus)
3. Zolotarev V.A. Military safety of the State Russian. M. : Kuchkovo Field, 2001. 477 p. (In rus)
4. Kovalyov A.A. Information policy and military safety of Russia during an era of opposition of civilizations: theoretical and methodological aspects of a problem: monograph. SPb. : Policona, 2016. 194 p. (In rus)
5. Starostin A.M., Samygin S.I., Vereshchagina A.V. Evolution of war and variety of her forms in the conditions of crisis of national identity and dynamics of threats of information security of modern society // Society and the power [Sotsium i vlast']. 2016. N 5 (61). P. 49–54. (In rus)
6. Hodakovskiy E.A. Political development and safety of the Russian state in the system of geo-civilization interactions of the West and East: Doctoral Dissertation. M., 2010. 355 p. (In rus)
7. Bain W. Deconfusing Morgenthau: Moral Inquiry and Classical Realism Reconsidered // Review of International Studies. 2000. Vol. 26. N 3. P. 445–464.
8. Brill H. Geopolitische Analysen. Beiträge zur deutschen und internationalen Sicherheitspolitik. 2. Auflage. Bissendorf, Biblio-Verlag, 2008.

About the author:

Andrey A. Kovalev, Associate Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in political science; kovalev-aa@szu.ranepa.ru

Технология блокчейн как фактор глобальной модернизации международных процессов таможенного регулирования. Внедрение цифровой системы распределенных реестров в Таможенном союзе стран ЕАЭС

Шамахов В. А.^{1*}, Корягин П. А.^{1, 2}, Кунтишев Р. А.^{1, 3}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

²Администрация Президента Российской Федерации, Департамент гуманитарных проектов Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам, Москва, Российская Федерация

³Общественная палата Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Статья посвящена теме использования технологии Blockchain (далее блокчейн) в международных процессах таможенного регулирования, а также применению данной технологии в рамках модернизации процессов таможенного администрирования в зоне Таможенного союза стран ЕАЭС.

Ключевые слова: блокчейн, протокол, реестр данных, сетевое взаимодействие, цифровые технологии, таможенное администрирование, риски, Евразийский экономический союз

Blockchain Technology as a Factor of Global Modernization of International Processes of Customs Regulation. Application of the Digital System of Distributed Registers in the Customs Union of the Eurasian Economic Union Countries

Shamakhov V. A.^{a*}, Koryagin P. A.^{a, b}, Kuntishev R. A.^{a, c}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

^bAdministration of the President of the Russian Federation, Department of the President of the Russian Federation for public projects

^cPublic chamber of St. Petersburg, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to the application of blockchain technology in international customs regulation processes, as well as the application of this technology in the framework of modernization of customs administration processes in the zone of the Customs Union of the EEU countries.

Keywords: blockchain, protocol, data register, network interaction, digital technologies, customs administration, risks, the Eurasian Economic Union

Ускоряющиеся темпы развития цифровой экономики формируют новые вызовы для всех стран, участвующих в международных процессах таможенного регулирования перемещения товаров и грузов. Философское осмысление реальности сегодняшнего дня говорит нам о столкновении и одновременном сосуществовании Цифрового (битов) и Физического (атомов) [1], которые могут дополнять и усиливать друг друга, вступать в общее пространство диалектики.

Практическое осмысление заставляет нас «умным» образом решать возникающие задачи организации и управления в новой «умной» цифровой экономике. Для того

чтобы эффективно соответствовать тенденциям цифровой экономики, государства должны расширять архитектуру, дизайн, а также операционные механизмы осуществления администрирования многих процессов. Универсальной технологией, которая способна глобально модернизировать процессы международного протокола и таможенного администрирования, является технология блокчейн.

Блокчейн — технология распределенного децентрализованного реестра данных, представляющая собой цифровой реестр осуществляемых операций — транзакций, сделок, контрактов, проверенных и утвержденных участниками защищенной (с помощью методов криптографии) компьютерной системы. В данной статье, под определением «транзакция» мы будем иметь в виду коммуникативный акт — некоторую условную последовательность изменений, вносимых в базу данных. Например, благодаря транзакции, в блокчейне можно хранить данные о любых совершаемых операциях, действиях, документах. Сегодня многие компании, в частности банки, начинают тестировать технологию блокчейн для осуществления различных операций.

Основные задачи внедрения блокчейна в таможенном регулировании — облегчение процессов осуществления торговли, обмена информацией, в том числе о товарах и грузах, ускорение процессов прохождения всех процедур — нефинансовых транзакций и, одновременно, повышение прозрачности и контролируемости всех процедур, а значит, и легальности всех процессов. Блокчейн структурно работает на основе математических алгоритмов. Цифровые записи объединяются в блоки, которые связываются в хронологическую цепочку. Этот процесс обеспечивается серверной базой и сетью компьютеров, работающих в одной сети. В результате расчетов получается одинаковый результат и подтвержденность информации по каждому проходящему товару и грузу — каждому блоку товаров может быть присвоена уникальная подпись. Новые блоки объединяются в цепочки, в которых аналогичным образом отображаются дальнейшие этапы продвижения того или иного товара. Это дает возможность контролирующим органам видеть всю цепь с момента отправки товара и его прохождения до конечного получателя. При этом такой реестр невозможно подделать.

Главное преимущество использования технологии — это одновременно открытость информации и высокая ее защищенность, что существенным образом влияет на проблему управления рисками. При этом реестр не хранится в каком-то одном месте, которое может быть подвержено взлому или краже и физическому уничтожению данных. Использование технологии блокчейн позволит существенно ускорить операции и увеличить скорость обмена товарами и грузами по всей планете. Юридическим и физическим лицам не нужно будет тратить время на лишнюю документацию и нести издержки, а таможенному органу не потребуется много времени для осуществления «протокольных» мероприятий и оформлений.

Блокчейн преобразует любую транзакцию в формат цифрового сертификата и обеспечит контроль отправленных грузов с момента их изготовления до получения потребителем, предоставляя возможность отправителю и получателю отслеживать скорость прохождения грузов через границы. Возможные махинации с перемещением товаров будут практически невозможны, если информация по каждому товару будет фиксироваться в блокчейне, компании и государства смогут избежать потерь денежных средств. Кроме того, блокчейн решает проблему межведомственного взаимодействия, например, в российской практике, информация о цепи поставок конкретного участника ВЭД может быть передана в ФНС в целях осуществления соответствующего налогового контроля или в любой другой контрольно-надзорный орган.

Возможности использования данной технологии сегодня обсуждаются и активно апробируются в Австралии, США, Великобритании. В частности, в США, как от-

мечается в отчете экспертной комиссии Бюро таможенного и пограничного контроля, рабочая группа представила 14 вариантов использования блокчейна. Они включали такие идеи, как внесение и отслеживание лицензий государственных агентств, разрешений, свидетельств о происхождении и соглашений о свободной торговле, сертификации товаров, таможенных документов и отслеживания движения договоров¹.

Среди стран Таможенного союза ЕАЭС наиболее активную позицию в отношении использования блокчейна занимает Казахстан. Президент этой страны Нурсултан Назарбаев в 2018 г. в ежегодном Послании народу Казахстана обозначил, что транзит грузов через Казахстан в 2017 г. вырос на 17% и составил почти 17 млн т. Основная задача — довести ежегодные доходы от транзита в 2020 г. до 5 млрд долл. Это позволит в кратчайшие сроки вернуть затраченные государством средства на инфраструктуру. Президент заявил, что для этого необходимо обеспечить масштабное внедрение цифровых технологий, таких как блокчейн, для отслеживания движения грузов в онлайн-режиме и беспрепятственного их транзита, а также упрощения таможенных операций. Такие современные решения позволяют организовать взаимодействие всех звеньев логистики. Также Президент считает, что использование «больших данных» (Big data) позволит обеспечить госорганы качественной аналитикой, выявить резервы роста и снизить избыточные затраты².

В Российской Федерации интерес к проблематике блокчейн-технологии в контексте таможенного регулирования достаточно высок, как в среде аналитиков и исследователей, так и в среде практиков. Управление товарной номенклатуры Федеральной таможенной службы Российской Федерации представило отчет в 2017 г., согласно которому ведомство подтвердило готовность перейти на систему ведения документации на основе блокчейна.

Федеральная таможенная служба России использует для внедрения данного решения зарубежные наработки, а партнером выступает компания «Hyperledger»³. Однако стоит отметить, что речь должна идти не только о том, чтобы использовать блокчейн для регистрации документов и отслеживания документооборота таможенного администрирования. Речь идет о том, чтобы принципиально по-новому организовать весь процесс декларирования товаров и грузов, создавая единое сетевое пространство таможенной коммуникации. Фактически мы можем говорить о формировании новой глобальной «умной таможни», которая гармонично встраивается в парадигму и модель «умной экономики».

В качестве первого примера совместной работы новой системы, объединенной несколькими странами-участниками, могло бы стать пространство Таможенного союза стран ЕАЭС, а в дальнейшем, по мере развития практики использования блокчейна, мир может сформировать единую сеть — новую форму взаимодействия, где каждая региональная таможенная служба будет одним из элементов общей децентрализованной открытой сети.

Среди перспективных недостатков внедрения блокчейна стоит отметить следующие моменты. Важно, чтобы система продолжала действовать децентрализованно

¹ Commercial Customs Operations Advisory Committee (COAC) Global Supply Chain Subcommittee — Trade Executive Summary — November 14, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbp.gov/sites/default/files/assets/documents/2017-Nov/Global%20Supply%20Chain%20Subcommittee%20Trade%20Executive%20Summary%20Nov%202017.pdf> (дата обращения: 20.05.2018).

² Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 10 января 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-n-nazarbaeva-narodu-kazahstana-10-yanvary-2018-g (дата обращения: 20.05.2018).

³ [Электронный ресурс]. URL: <http://ibcgx.com/rossiyskaya-tamozhnya-perevedet-dokument-oborot-na-blokcheyn> (дата обращения: 20.05.2018).

но, без единого внешнего вмешательства какой-нибудь одной группы лиц, которые начнут единолично контролировать базу данных, нарушая, тем самым, базовые принципы технологии. Кроме того, глобальные изменения приведут к глобальной переквалификации кадров таможенных служб, в основу подготовки которых должны войти новые компетенции, навыки и полномочия. Такие изменения могут привести к появлению определенного числа безработных сотрудников различных органов и ведомств, однако при грамотной организации изменений, негативных последствий можно избежать.

Еще одним важным моментом является проблема неготовности многих стран одновременно (синхронно) применить блокчейн. В этой связи возрастает роль Всемирной таможенной организации, которая может стать инициатором и драйвером по подготовке и унифицированию форматов обмена информацией, ее новой структурной архитектуре и организации повсеместного внедрения блокчейна. Всемирная таможенная организация должна сформировать важные базовые нормативные и технологические правила (серверная инфраструктура — единый язык запросов, единая операционная среда, целостность баз данных, согласованность чтения, единый формат внесения и обработки информации, оптимизация работ и мн. др.), стандарты и практики, которые станут фундаментом международного таможенного блокчейна, на основе практических предложений различных стран.

При этом очень важно, чтобы государственные таможенные структуры разных стран понимали, что блокчейн не будет нарушать экономические интересы или иные национальные интересы. Разумеется, аспекты, связанные с обеспечением безопасности национальных интересов государств, должны лежать в основе разработок нормативного и технологического фундамента таможенного блокчейна.

Представляется важным обратить внимание на проблему имплементации блокчейна в российской таможенной практике и в пространстве Таможенного союза стран ЕАЭС. Некоторыми исследователями данной проблематики отмечается важность проведения оценки экономической целесообразности внедрения новой технологии. Периодически в некоторых статьях, посвященных текущей проблематике, наблюдается скептицизм по поводу реального эффекта после проведения подобных глобальных изменений.

Однако, учитывая многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются таможенные органы стран ЕАЭС, а именно: нарушения таможенного законодательства со стороны участников внешнеэкономической деятельности, увеличение объемов контрабанды и недостоверного декларирования товаров, слабый уровень взаимодействия таможенных органов с иными контролирующими органами и таможенными органами иностранных государств, слабый уровень развития предварительного информирования, «забюрократизированность» таможенной системы на каждом этапе прохождения товаров, а также проверки документов и сведений (что создает в свою очередь коррупционные предпосылки), слабый (отстающий) уровень развития системы таможенного контроля после выпуска товаров, традиционное влияние «человеческого фактора» и мн. др, следует сделать вывод о необходимости в усилении применяемой системы управления рисками и качественных изменений подходов к проведению таможенного контроля, совершенствованию нормативно-правовой базы, совершенствованию организации работы и структуры таможенных органов, необходимости создания автоматизированной системы контроля внешнеэкономической деятельности, где возможно и необходимо применение технологии блокчейн.

В заключение важно отметить, что при осуществлении технологических и нормативных разработок при внедрении таможенного блокчейна в странах ЕАЭС, в рамках Таможенного союза, должен учитываться перспективный фактор интеграции (встраивания) данной сети в будущую общемировую таможенную блокчейн-

сеть и соответствующую серверную инфраструктуру. Необходимо избежать ситуации, при которой потраченные финансовые, интеллектуальные, временные ресурсы пойдут на создание локальной системы, которая через некоторое время может перестать быть актуальной или не встраиваемой в общемировую таможенную блокчейн-сеть и нуждающуюся в полном изменении всех этапов и компонентов создания цифровой базы. Проектирование новой системы должно учитывать универсальный характер технологической цифровой среды для ее перспективного использования в будущих глобальных сетях.

Литература

1. Рати К., Клодел М. Город завтрашнего дня: Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни / К. Ратти, М. Клодел; пер. с англ. Е. Бондал. М. : Изд. Института Гайдара, 2017. 248 с.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

Корягин Петр Андреевич, Администрация Президента Российской Федерации, консультант Департамента гуманитарных проектов Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам; аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); koryagin_pa@gov.ru

Кунтишев Ренат Артурович, начальник отдела юридической и административной работы Общественной палаты Санкт-Петербурга; магистрант юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); kuntishev@mail.ru

References

1. Ratti C., Claudel M. The City of Tomorrow: Sensors, Networks, Hackers, and the Future of Urban Life / C. Ratti, M. Claudel; translation from English E. Bondal. M.: Publishing House of Gaidar Institute, 2017. 248 p. (In rus)

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, director of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

Petr A. Koryagin, Administration of the President of the Russian Federation, consultant of Division of humanitarian projects of Department of the President of the Russian Federation for public projects; graduate student of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); koryagin_pa@gov.ru

Renat A. Kuntishev, head of department of legal and administrative work of Public chamber of St. Petersburg; masters' degree student North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); kuntishev@mail.ru

Пространственная и технологическая диверсификация российской экономики

Бойко И. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; ivboyko@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье обосновывается необходимость осуществления глубокой технологической диверсификации российской экономики в целях повышения устойчивости и укрепления внутреннего экономического пространства в стране. Критикуется ограниченность отраслевого подхода к анализу возможностей осуществления диверсификации в условиях санкционной политики со стороны западных стран и существующих финансовых ограничений. Предлагается новая методология исследования процессов диверсификации современной экономики и вводится новое понятие — пространственная технологическая диверсификация экономики. Обосновываются особые преимущества России по осуществлению вертикальной и горизонтальной пространственной технологической диверсификации с учетом разнообразия региональных сравнительных преимуществ, определяющих экономические особенности и технологическую специализацию каждого российского региона и российской экономики в целом.

Ключевые слова: диверсификация экономики, отраслевая специализация экономики, горизонтальная диверсификация экономики, вертикальная диверсификация экономики, пространственная технологическая диверсификация экономики, региональные сравнительные преимущества

Spatial and Technological Diversification of the Russian Economy

Boiko I. V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; ivboyko@mail.ru

ABSTRACT

The article explains the technological diversification of the Russian economy as the main precondition for sustaining the economic development and strengthening the internal economic space. The industrial-based approach applied for understanding the economic diversification prospective is criticized for its theoretical shortcomings, leading to the false conclusion of unfeasibility of the technological diversification of the Russian economy under the harsh conditions of the western sanctions and financial restrictions. The new theoretical insight, based on new notion of «spatial technological diversification» is presented to reveal substantial hidden capabilities for horizontal and vertical diversification in Russia. The new path for the breakthrough economic development should be based on specific «regional comparative advantage», identified for every region as a main frame for its specific vertical technological diversification while the horizontal diversification, embracing different regions with their different «regional comparative advantage» might be applicable for the Russian economy in general.

Keywords: economic diversification, industrial specialization, horizontal diversification of the economy, vertical diversification of the economy, spatial technological diversification of the national economy, «regional comparative advantage»

В условиях мировой политической и экономической нестабильности особенно значимой становится задача по укреплению внутреннего экономического пространства в нашей стране. Из мировой практики известно, что более устойчивыми являются диверсифицированные экономики. Диверсификация позволяет сократить зависимость

страны от той экспортной и производственной специализации, которая создает угрозу поддержанию макроэкономического равновесия, повысить экономическую безопасность в условиях неблагоприятной внешней и внутренней конъюнктуры, создать условия для экспорта новой, технологически более сложной продукции или осуществить процессы импортозамещения.

В российской научной литературе приводится достаточно много фактов, свидетельствующих о том, что высокая зависимость российской экономики от производства и экспорта сырьевых товаров представляет собой существенную угрозу для стабильного развития нашей экономики и даже для поддержания национальной экономической безопасности. Важность диверсификации российской экономики в эпоху негативных трендов на мировых сырьевых рынках подчеркивают и зарубежные эксперты: «Главный довод в пользу диверсификации российской экономики заключается в том, что чрезмерная зависимость от природных ресурсов — главной области специализации России в настоящее время — нежелательна» [4, с. 8].

Несмотря на очевидность данного вывода, между российскими экспертами до сих пор продолжается дискуссия по поводу возможности осуществления диверсификации российской экономики в сложившейся внутренней и внешней политико-экономической ситуации. Это в значительной степени затрудняет принятие практических решений по формированию нового стратегического курса. Исходя из высокой актуальности данной проблемы и ее недостаточной проработанности в отечественной и зарубежной научной литературе, в данной статье мы представим новый методологический практико-ориентированный подход к формированию политики по диверсификации современной экономики в целом и российской в частности.

Современные теоретические разработки, анализирующие процессы диверсификации экономики, зачастую ограничиваются отраслевым аспектом, т.е. рассматривают возможность использования новых технологий в рамках сложившейся отраслевой конфигурации народного хозяйства, включая химическую, машиностроительную, металлургическую, судостроительную и другие отрасли. Модернизация таких отраслей и переход их на использование новых, более продвинутых, технологий требует существенных долговременных инвестиций, что приводит к выводу о сложности и даже невозможности ее проведения в неблагоприятных для национальной экономики условиях.

Так, заведующий сектором ИМЭМО РАН, доктор экономических наук С.В. Загашвили считает, что «российская экономика нуждается в иностранных инвестициях, прежде всего в прямых, которым сопутствует передача технологий и ноу-хау. Уменьшение их притока еще более затормозит развитие отечественной экономики и усилит ее технологическое отставание. Преодолеть его, опираясь только на собственные силы, нереально, поэтому восстановление и расширение связей с европейскими и американскими фирмами в области производства и научно-технических разработок остается необходимым условием глубокой модернизации российской промышленности. Таким образом, одним из условий успешной реализации задач в области диверсификации производства является нормализация политических отношений с ведущими странами Запада» [5, с. 58].

Другой российский экономист, С.Г. Пухов, о возможности осуществления диверсификации в нашей экономике высказывается также весьма категорично: «Что касается сроков, то на данный момент не является возможным определить ни сроки начала диверсификации экономики, ни сроки, когда следует ожидать первых результатов этого, положительных или не очень»¹.

¹ Апалин А. Диверсификация российской экономики реализуется только на словах / Московский монитор от 27.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://mosmonitor.ru/articles/>

Отношение импорта к собственному производству в СССР и РФ по основным товарным группам в 1989 и 2010 гг., соответственно, в %*
 Table. The ratio of imports to own production in the USSR and Russia by main commodity groups in 1989 and 2010, respectively, %

Товар	1989 г.	2010 г.
Пищевая продукция, включая напитки и табак	17,5	32,1
Текстильные и швейные изделия	7,1	158,7
Кожа и изделия из них, обувь		370,4
Древесина обработанная и изделия из дерева	4,7	11,9
Целлюлозно-бумажные товары, изделия издательской и полиграфической деятельности		25,3
Нефтепродукты и кокс	2,6	0,2
Химические продукты	7,2	57,1
Изделия из резины и пластмасс	—	69,4
Металлы и изделия из них	4,3	15,1
Машины и оборудование	24,3	129,2
Электрооборудование, электронное и оптическое оборудование		94,3
Транспортные средства		56,5

Составлено по: Российский статистический ежегодник за соответствующие годы; Социально-экономическое положение России, декабрь 2010 г.; Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации за соответствующие годы; Народное хозяйство СССР в 1990 г.; Внешнеэкономические связи СССР в 1989 г.; *Дробница И.* Деиндустриализация в цифрах // Однако. 2013. № 18 (167), URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/deindustrializaciya-v-cifrah-1> (дата обращения: 15.01.2018).

Примечание: * В качестве начальной базы взяты данные за 1989 г., характеризующие ситуацию в СССР перед его распадом; в качестве последнего года для анализа взят 2010 г., после которого импорт, ввиду падения курса рубля и снижения доходов от экспорта, покрывающего импортные расходы, существенно сократился.

Вывод о невозможности диверсификации российской экономики в условиях западных санкций С.В. Загашвили обосновывает отрицательной динамикой развития крупных отраслей промышленности, таких как целлюлозно-бумажное производство, металлургическое производство, производство машин и оборудования, химическое производство и т.д. и существенной зависимостью данных отраслей от иностранных инвестиций и технологий.

В таблице представлены некоторые сравнительные данные о значимости импорта во внутреннем потреблении в России перед началом рыночных реформ (1989 г.) и в период осуществления рыночных реформ — в момент наиболее благоприятной конъюнктуры на рынке сырьевых товаров и, следовательно, возможности финансирования растущих импортных расходов за счет экспортных доходов.

Как следует из данных, приведенных в таблице, одним из результатов двадцатилетнего периода рыночных реформ в России стало значительное замещение к 2010 г. товаров национального производства импортом, особенно по таким статьям, как «кожа и изделия из них» (370,4%), «текстильные и швейные изделия» (158,7%), «машины и оборудование» (129,2), «электрооборудование, электронное оптическое оборудование» (94,3). Становится очевидным вывод о том, что зависимость от импорта в рассматриваемый период достигла угрожающего для на-

economy/diversifikatsiya_rossiyskoy_ekonomiki_realizuetsya_tolko_na_slovah (дата обращения: 15.01.2018).

циональной экономической безопасности уровня. Однако, исходя из высокой капиталоемкости приведенных в таблице отраслей, для радикального изменения ситуации, наращивания производства собственной продукции, замещающей импорт (для импортозамещения) требуются значительные по масштабу инвестиции, которые необходимы практически по всем отраслевым направлениям одновременно.

Поскольку многие отрасли требуются не только модернизировать, но даже создать заново, можно предположить, что долговременные инвестиции потребуются в самое ближайшее время. Под таким углом зрения напрашивается вывод о невозможности осуществления такого сценария технологической диверсификации нашей экономики. Возникает патовая ситуация: для снижения внешнеэкономической зависимости, адаптации страны к внешним угрозам, обеспечения национальной экономической безопасности необходима диверсификация экономики. Однако, исходя из приведенных выше авторитетных мнений, именно наличие внешнеэкономических проблем делает диверсификацию нашей экономики невозможной.

Для того чтобы выйти из данного замкнутого круга, способного оказать значительное негативное влияние на принятие управленческих решений в нашей стране, необходимо определиться в том, что представляет собой диверсификация экономики как таковая. Прежде всего необходимо преодолеть отраслевой подход к пониманию экономической диверсификации, определить перспективность пространственного содержания процессов внедрения новых технологий и на этой методологической основе сформировать новое представление о возможности диверсификации в сложных для российской экономики условиях.

Итак, что такое диверсификация? Общее содержание данного понятия лучше всего передает английское слово *diversity* — «разнообразие». В экономике под диверсификацией понимают разнообразие факторов и условий, определяющих экономическое развитие страны. Так, В. К. Фальцман, ведущий научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, справедливо считает, что «на уровне национального хозяйства диверсификация выражается в изменении источников и факторов экономического роста. Для России это означает переход от преобладания добычи минерального сырья к увеличению производства продуктов высокой степени обработки» [6, с. 48].

В зарубежной научной литературе предлагается дифференцировать содержание понятия «диверсификация» в зависимости от различных секторов экономики: в банковской сфере, в корпоративной сфере, в инвестиционной сфере¹. Таким образом, предлагается довольно широкое толкование понятия «диверсификация», в котором не учитывается ключевая роль новых технологий в создании новых конкурентных возможностей для фирм, регионов или страны в целом. Однако в контексте стратегической значимости изменения сырьевой специализации экономики нашей страны именно технологическая диверсификация приобретает особенное значение и определяет все иные возможности для развития предпринимательства и привлечения отечественных и зарубежных инвестиций. Поэтому мы предлагаем выделить технологическую диверсификацию как наиболее важный, ключевой вид экономической диверсификации, имеющий стратегическое значение для нашей страны.

Понимание технологической диверсификации, как процесса, происходящего в экономике, весьма неоднозначно и выходит далеко за рамки отраслевого подхода. Выделяют два основных вида экономической диверсификации, связанных с использованием новых технологий: горизонтальную (*horizontal diversification*) и вертикальную (*vertical diversification*) диверсификацию. Содержание данных экономических понятий неплохо разработано применительно к сфере предпринимательства (рисунок).

¹ См.: Business Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.businessdictionary.com/definition/diversification.html> (дата обращения: 28.05.2018).

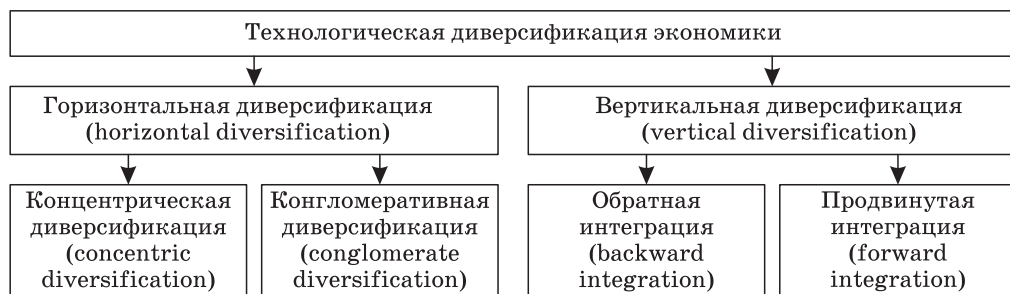

Рис. Виды технологической диверсификации экономики
Fig. Types of technological diversification of the economy

Стратегия горизонтальной диверсификации предполагает поиск возможностей роста на существующем рынке за счет новой продукции, требующей внедрения новой технологии. Различают два вида горизонтальной диверсификации:

- производство новых продуктов в дополнение к существующим для удовлетворения потребностей одних и тех же потребителей на одних и тех же рынках с использованием существующих дистрибутивных систем (концентрическая диверсификация);
- производство новых, технологически не связанных с основным производством, продуктов, которое требует освоения новых технологий, создания новых каналов сбыта, осуществления новых видов деятельности, не связанных с существующим бизнесом (конгломеративная диверсификация).

Вертикальная диверсификация (иногда ее называют вертикальной интеграцией) предполагает поиск возможностей роста за счет производства новой продукции, находящейся «вверху» или «внизу» производственно-технологической цепочки. В производстве конечной продукции фирма может осваивать несколько стадий в цепочке от производства сырья до производства конечной продукции, его дистрибуции и продаж. Различают два вида вертикальной диверсификации:

- обратная интеграция, при которой фирмы интегрируются для производства сырья или иных материалов «на входе» в производство конечной продукции;
- продвинутая интеграция, при которой фирмы интегрируются для освоения конечной стадии производства, дистрибуции, доведения произведенной продукции до конечного потребителя¹.

Горизонтальная и вертикальная экономическая диверсификация имеет значение не только для анализа технологической стратегии компаний, но и страны в целом. В рамках отраслевого подхода горизонтальная диверсификация строится на межотраслевом различии, когда каждая отдельная промышленная отрасль связана с использованием определенной (одной или нескольких) ключевой технологии. Это составляет основное содержание отраслевой технологической диверсификации экономики.

Но наряду с отраслевым подходом все более актуальным как в мировом контексте, так и для России становится формирование пространственного подхода к технологической диверсификации экономики. Особенное значение методологическая проработка данного вопроса имеет для стран со сложным внутренним межрегио-

¹ 1Diversification of Firms: Horizontal and Vertical // Business Management Ideas [Электронный ресурс]. URL: <http://www.businessmanagementideas.com/management/growth-strategies/diversification-of-firms-horizontal-and-vertical/4799> (дата обращения: 10.01.2018).

нальным ландшафтом, существенными различиями между внутренними регионами страны, иными словами, для гетерогенных стран, в том числе имеющих федеративное устройство. Эта тема является достаточно новой и малоизученной в современной экономической науке, но в последние годы ей начинает уделяться большое внимание.

Так, в 2017 г. Европейская комиссия подготовила доклад «Возможности региональной диверсификации и стратегия «умной» специализации» [7], на основе которого предполагается разработка практических решений. Авторы доклада отмечают, что в современных условиях для повышения темпов экономического роста необходимо формирование условий для создания новых, «сложных» знаний, разработки на их основе новых технологий «на стыке» научных дисциплин и их применения для создания новых производств. Важно то, что этот процесс, по мнению авторов доклада, требует концентрации и специализации в пределах определенных, географически обособленных, территорий. Мы считаем, что в данном контексте традиционное понимание промышленной отрасли и отраслевой структуры экономики теряет свое значение.

Другой пример из зарубежной практики — правительство одной из канадских провинций (Онтарио) приняло программу «Инвестиции в региональную диверсификацию» (Investing in Regional Diversification — IRD), целью которой является долгосрочная поддержка развития процессов диверсификации экономики южных районов данной провинции¹. Следует упомянуть и о докладе «Диверсификация в России. Потенциал региональных различий», который был подготовлен Европейским банком реконструкции и развития в 2012 г. [4], хотя по содержанию это скорее информативный, чем практико-ориентированный документ. Данные примеры свидетельствуют о том, что диверсификация экономики регионов становится новым мировым теоретическим и практическим трендом, в разработку которого, по нашему мнению, должны включиться и российские ученые.

Не останавливаясь на критике существующих методологических подходов к осмыслению процессов региональной экономической диверсификации, мы предлагаем рассматривать данную проблематику в контексте двух основных дискурсов: 1) региональная диверсификация должна рассматриваться не как внутренний, локальный, процесс, а как основа для диверсификации всей национальной экономики; 2) существенное смысловое содержание при формировании новой, пространственной, модели технологического развития имеют понятия «горизонтальная диверсификация» и «вертикальная диверсификация».

Вертикальная пространственная технологическая диверсификация направлена на укрепление экономики каждого конкретного региона в результате накопления и использования его технологического потенциала. Важно отметить то, что выстраиваемая в регионе технологическая пирамида в своем основании имеет уникальные природные ресурсы региона, глубина переработки которых свидетельствует об уровне достигнутого экономического развития. Также важно и то, что специфическая технологическая специализация региона должна формироваться в соответствии с особенными «региональными сравнительными преимуществами»², которые определяются не только уникальностью природных условий, но и накопленным образовательным и научно-исследовательским потенциалом. Углубление вертикальной диверсификации

¹ Investing in regional diversification // Fed Dev Ontario от 11.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.feddevontario.gc.ca/eic/site/723.nsf/eng/h_01870.html (дата обращения: 12.01.2018).

² «Реализация сравнительных преимуществ региона означает учет специфики региона с точки зрения наличия природных и производственных ресурсов, их состояния, исторически сложившейся специализации, географического положения и климатических условий при выработке приоритетов регионального развития» [3, с. 105].

означает постепенное усложнение используемых в регионе технологий для производства технологически все более сложной продукции, что предполагает постоянное совершенствование сферы образования, а также исследований и разработок (Research and Development — R&D). Важно также и то, что «на выходе» должен быть технологически все более сложный конечный продукт, замещающий импорт или способный конкурировать на экспортных рынках. Именно поэтому вертикальная технологическая диверсификация предполагает формирование одного или нескольких кластерных систем как ядра региональной экономики.

Примером такой вертикальной диверсификации может являться кластерная организация переработки картофеля в Алтайском крае. Основываясь на уникальных свойствах выращиваемого в регионе картофеля (как сырья для дальнейшей переработки) здесь сформирована сеть предприятий, производящих продукцию первого технологического передела — крахмал (в том числе фармакопейный крахмал). В перспективе планируется освоить следующий, технологически более сложный уровень переработки картофеля — производство глюкозы (включая получение фармакопейной глюкозы и глюканата кальция), затем еще более сложного — сорбита и, наконец, аскорбиновой кислоты.

Как отмечает начальник управления Алтайского края по пищевой, перерабатывающей, фармацевтической промышленности и биотехнологиям Т.А. Зеленина, сорбит, глюкоза и аскорбиновая кислота, представляя собой жизненно важные фармацевтические субстанции, не производятся в России, поэтому производство данных субстанций в Алтайском крае могло бы решить проблему импортозамещения для страны. Т.А. Зеленина также отметила, что в производстве биологически активных добавок в Алтайском крае широко используется местное животное и растительное сырье (до 70% от общего объема перерабатываемого сырья), что подтверждает вывод о соответствии технологически разнообразной продукции, производимой по новым технологиям в регионе, его особенным «региональным сравнительным преимуществам». При этом администрация региона и бизнес стремятся осуществлять глубокую переработку сырья, производимого в регионе, и вывозить за его пределы не сырье, а готовую продукцию¹.

К настоящему времени в Алтайском крае около 40 компаний осуществляют производство более 900 наименований биологически активных пищевых добавок (БАДов) и более 200 наименований функциональных продуктов питания. Иными словами, данный регион на практике развивает процессы вертикальной технологической диверсификации. С позиции нашей критики ограниченности отраслевого подхода к технологической диверсификации следует отметить то важное обстоятельство, что новые инновационные предприятия не являются капиталоемкими, поэтому их развитие не сдерживается условием наличия крупных инвестиций. С этой точки зрения пример Алтайского края опровергает вывод о невозможности осуществления диверсификации российской экономики в жестких санкционно-финансовых условиях.

Наряду с вертикальной большое значение для нашей страны приобретает горизонтальная пространственная технологическая диверсификация. Горизонтальная диверсификация является основным направлением укрепления экономического пространства страны в результате использования технологического потенциала регионов с учетом разнообразия их региональных сравнительных преимуществ. Каждый регион уникален, что определяет уникальность технологической ниши и многообразия той технологически сложной продукции, которая может быть произведена в каждом конкретном регионе на основе максимального использования его специфических региональных срав-

¹ «Алтайский край — курс на развитие производства»: Татьяна Зеленина // The Dairy news от 30.12.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dairynews.ru/news/altayskiy-kray-kurs-narazvitiye-proizvodstva-tatya.html> (дата обращения: 16.01.2018).

нительных преимуществ. Очевидно, что технологическая специализация ключевых промышленных кластеров, к примеру — в Мурманской области, будет существенно отличаться от специализации кластеров в Алтайском крае, а в Краснодарском крае — от таковых в Сахалинской области.

Горизонтальная диверсификация имеет существенное стратегическое и интегрирующее значение для нашей страны. Поскольку в пространственной горизонтальной нашей страны могут производиться разнообразные товарные группы, то это разнообразие обуславливает необходимость межрегионального обмена. Именно такое взаимоприятие между регионами или, как принято говорить в западных странах, центристемительное движение является основой интеграционных процессов, укрепляющих единое экономическое пространство. Следовательно, горизонтальная технологическая пространственная диверсификация экономики способна укрепить внутренние интеграционные процессы в России.

Следует, однако, отметить, что разнообразием управлять всегда достаточно сложно, а межрегиональным разнообразием — особенно. Для этого требуется подготовка специалистов, имеющих уникальную компетенцию. Вместе с тем, Россия, как страна сложного гетерогенного типа имеет и особые преимущества в сравнении с другими странами. В отличие от малых стран, не имеющих выбора и вынужденных идти по пути вертикальной интеграции, крупные страны могут использовать преимущества как вертикальной, так и горизонтальной диверсификации. Особенности преимуществ, которыми обладают гетерогенные страны, подчеркивает и известный британский экономист Джоан Робинсон: «Крупная нация с емким внутренним рынком имеет значительные преимущества по сравнению с малой нацией. Малой нации предстоит сделать выбор между специализацией на мировом рынке и удовлетворением внутреннего спроса за счет национального производства. В то же время крупная нация может получить большие выгоды и от того и от другого» [8, с. 7].

Неблагоприятные внешние условия для развития российской экономики требуют смещения акцентов от поиска зарубежных источников инвестиций, привлечения внешних кредитов, продвижения на мировые рынки товаров сырьевой группы к исследованию внутренних резервов для экономического развития и роста. Но для этого необходимо новое понимание ресурсного и технологического потенциала российских регионов, возможностей его использования для производства конкурентоспособной продукции, замещающей экспорт и конкурирующей на мировых рынках. И такие возможности, как показывает региональный опыт, существуют. Важно, чтобы спонтанно начавшимся в некоторых российских регионах процессам вертикальной технологической диверсификации соответствовало новое понимание процессов диверсификации российской экономики на федеральном уровне.

Литература

1. *Бойко И. В., Черненко В. А.* Технологическая модернизация экономики российских регионов. СПб. : Изд-во СПб ГУСЭ, 2010.
2. *Бойко И. В., Сарышахин Э. Б.* Ресурсы и экономические возможности прибрежного региона. СПб. : Академия исследования культуры, 2015.
3. *Горшенина Е. В.* Региональные экономические исследования: теория и практика. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2009.
4. *Диверсификация в России. Потенциал региональных различий.* Европейский банк реконструкции и развития, 2012.
5. *Загашвили С. В.* Диверсификация российской экономики в условиях санкций // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 6. С. 52–60.
6. *Фальцман В. К.* Диверсификация российской экономики // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 48–62.

7. Crespo J., Balland P.-A., Boschma R., Rigby D. Regional Diversification Opportunities and Smart Specialization Strategies. Publications Office of the European Union, 2017.
8. Robinson J. The New Mercantilism. An Inaugural Lecture by Joan Robinson. Cambridge, 1966.

Об авторе:

Бойко Ирина Викторовна, профессор кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; ivboyko@mail.ru

References

1. Boyko I. V., Chernenko V. A. Technological modernization of economy of Russian regions. SPb. : Publishing house of SPbSUSE, 2010. (In rus)
2. Boyko I. V., Saryshakhin E. B. Resources and economic opportunities of the coastal region. SPb. : Academy of culture research, 2015. (In rus)
3. Gorshenina E. V. Regional economic researches: theory and practice. Tver : Tver State University, 2009. (In rus)
4. Diversification in Russia. Potential of regional distinctions. European Bank for Reconstruction and Development, 2012. (In rus)
5. Zagashvili S. V. Diversification of the Russian economy in the conditions of sanctions // World economy and the international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2016. V. 60, N 6. P. 52–60. (In rus)
6. Faltsman V. K. Diversification of the Russian economy // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2015. N 5. P. 48–62. (In rus)
7. Crespo J., Balland P.-A., Boschma R., Rigby D. Regional Diversification Opportunities and Smart Specialization Strategies. Publications Office of the European Union, 2017.
8. Robinson J. The New Mercantilism. An Inaugural Lecture by Joan Robinson. Cambridge, 1966.

About the author:

Irina V. Boiko, Professor of the Chair of the Customs Administration of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy); ivboyko@mail.ru

Проблемы управления социально-экономическим развитием Арктической зоны Российской Федерации

Щитинский В. А.^{1, 2, *}, Минина М. В.^{1, 3}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *Vladimir.schitinsky@yandex.ru

²ООО «Институт «Ленинградский институт проектирования городов» («Ленгипрогор»», Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Морской совет при Правительстве Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье раскрывается значение Арктики, как в глобальном масштабе, так и для современной России, отмечается, что современная Арктика является местом концентрации геополитических и экономических интересов не только арктических государств, но и остального мира. В статье проанализирован опыт хозяйственного освоения Севера в период Советского Союза, при этом подчеркнуто, что во многом арктическая политика в СССР являлась продолжением той политики, которую проводила на Севере Российская империя, исходя, прежде всего, из своих экономических интересов.

Большое внимание уделено рассмотрению проблем, вставших перед Российской Арктикой в переходный период (90-е годы XX — нач. XXI вв.), связанных с кардинальными политическими, экономическими и прочими изменениями в жизни страны. Проведен анализ арктической политики Российской Федерации на современном этапе, которая вытекает из того, что сегодня национальные интересы и безопасность нашей страны во многом зависят от развития северных территорий, обеспечения устойчивого развития Севера, что зафиксировано в «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года».

Значительная часть статьи посвящена вопросам совершенствования системы управления развитием Арктической зоной Российской Федерации, учитывая важность и сложность этой проблемы, связанной со сложнейшей структурой территории, наличием разнообразных субъектов управления со своими специфическими целями и задачами, необходимость обеспечения реальной координации органов власти всех уровней при реализации целей и задач Стратегии.

Ключевые слова: значение Арктики, устойчивое развитие, геополитика, арктическая политика, Российская Федерация, стратегия развития, Арктическая зона, национальная безопасность, система управления

Problems of Management of Social and Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation

Shchitinsky V. A.^{a, b, *}, Minina M. V.^{a, c}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; *Vladimir.schitinsky@yandex.ru

^bLLC Institute "Leningrad Institute of City Projecting", Saint-Petersburg, Russian Federation

^cSea Council at the Government of Saint Petersburg, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

In the article the value of the Arctic as on a global scale, and for modern Russia, it is noted that the modern Arctic is the place of concentration of geopolitical and economic interests not only the Arctic states, but also the whole world reveals. In the article, experience of economic development of the North in the period of the Soviet Union is analyzed, at the same time it is emphasized that

in many respects the Arctic policy of the USSR was continuation of that policy which was pursued in the north by the Russian Empire, proceeding, first of all, from the economic interests.

Much attention is paid to consideration of the problems which have risen in front of the Russian Arctic during a transition period (the 90th years of the 20th century — the beginning of the 21st century), connected with cardinal political, economic and other changes in country life. The analysis of the Arctic policy of the Russian Federation at the present stage which follows from the fact that today national interests and safety of our country in many respects depend on development of northern territories, ensuring sustainable development of the North that it is recorded in "The strategy of development for the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring national security until 2020" is carried out.

Considerable part of the article is devoted to questions of improvement of a control system of development by the Arctic zone of the Russian Federation. Considering importance and complexity of this problem connected with the most complex structure of the territory, presence of various subjects of management with the specific purposes and tasks, need of ensuring real coordination of authorities of all levels at realization of the purposes and problems of Strategy.

Keywords: value of the Arctic, sustainable development, geopolitics, Arctic policy, Russian Federation, development strategy, Arctic zone, national security, control system

1. Значение Арктики в глобальном масштабе и для современной России

Арктика в мировом масштабе — «это северная околополюсная область земного шара, включающая в себя Северный Ледовитый океан с входящими в его состав морями и островами, а также окружающие его окраины материков Евразии и Северной Америки» [3, с. 9]. Общая площадь Арктики, которая образует вокруг Северного полюса так называемую циркумполярную зону, составляет около 27 млн км².

Арктическая зона Российской Федерации включает в себя территории Мурманской и Архангельской областей, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов, Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, городского округа г. Норильск, Туруханского района, пять северных улусов (районов) Республики Саха (Якутия), а также земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в Постановлении ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территории Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». Площадь российского сектора циркумполярной арктической зоны около 9,46 млн км², в том числе 6,8 млн км² — водное пространство.

Зарубежная Арктика включает в себя большую «часть Фенно-Скандинавии, острова Исландию и Гренландию, Баффинову Землю, Банко, Викторию, бассейны Большого Медвежьего и Большого Невольничьего озер, северо-западную часть п-ва Лабрадор, п-ов Мелвилл и далее всю западную часть Канады по 60-й параллели, а также Аляску» [3, с. 15].

То есть можно констатировать, что к арктическим государствам относятся Россия, Канада, США, Исландия, Дания, Швеция, Финляндия и Норвегия.

Общепризнано значение Арктики в мировом масштабе как мощнейшего регулятора природного равновесия всего Северного полушария нашей планеты, как богатейшего источника самых разнообразных природных ресурсов, как стратегической территории, имеющей оборонное значение для всех арктических государств и, наконец, как места проживания коренных малочисленных народов Севера. Все перечисленные особенности Арктики делают ее местом концентрации геополитических и экономических интересов не только арктических государств, но и остального мира. Ведь «с точки зрения глобальной конкурентоспособности Арктика имеет уникальные черты: колоссальный по объему экологический ландшафт, минимально освоенный человеком; столь же значительный транспортный и уникальный природно-ресурсный потенциалы, социокультурную традицию выживания в крайне суровых условиях хозяйствования и гармонизации отношений человека с природой» [4, с. 6].

Неслучайно в 1996 г. в Оттаве арктическими государствами был создан Арктический совет, двумя главными направлениями деятельности которого были определены: (1) обеспечение устойчивого развития Арктики в соответствии с принципами устойчивого развития, провозглашенными в Декларации об окружающей среде и развитии, и Повестке дня на XXI в., принятыми в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и (2) охрана окружающей среды в Арктике. При этом следует подчеркнуть, что постоянными участниками Совета являются также международные организации коренных малочисленных народов Арктики.

Значение Арктики для современной России во многом вытекает из того, что сегодня национальные интересы Российской Федерации и безопасность страны во многом зависят от развития северных территорий, обеспечения устойчивого развития Севера. Это значение обусловлено следующими фактами:

- гигантские размеры северных территорий. Более 60% территории нашей страны относятся по тем или иным факторам к северным территориям;
- богатейшие природные запасы стратегического сырья;
- наличие Северного морского пути как неповторимого по своему значению трансконтинентального транспортного коридора;
- уникальное значение Севера как гигантского природного заповедника;
- политическое значение региона. Это приграничный регион, многотысячная километровая пограничная зона;
- проживание на северной территории значительного количества коренных малочисленных народов (специфическая группа этносов, которые внесли свой существенный вклад в общемировую цивилизацию);
- огромные средства и усилия, которые были вложены на протяжении многих десятилетий в развитие Севера, и жертвы, которые были принесены во имя этого развития.

2. Арктическая политика в СССР

Справедливости ради следует сказать, что понимание огромного значения Арктики для России возникло у просвещенных людей России еще в XIX в., на заре хозяйственного освоения Русского Севера. В частности, мы хотим сослаться на мнение Александра Платоновича Энгельгардта (1845–1903), который с 1893 по 1901 гг. был архангельским губернатором. После себя он оставил уникальный труд, скромно названный «Русский Север: Путевые записки», но который, на самом деле, представляет собой настоящую энциклопедию Русского Севера, и в котором Энгельгардт написал: «Нетрудно заключить, как велико экономическое и государственное значение наших западных берегов Ледовитого океана и какую блестящую может быть их будущность, но в то же время немалый интерес представляет и восточная часть нашей северной окраины. Обилие морских зверей по побережью Ледовитого океана, у берегов Новой Земли, Колгуева и Вайгача; множество пушных зверей и дичи, обширное оленеводство в необъятных тундрах Печорского края, огромное пространство нетронутых до сих пор лесов, минеральные богатства, источники нефти по реке Ухте, залежи медной руды по реке Цыльме, притокам реки Печоры, наконец, путь чрез Карское море к Енисею и в глубь Сибири — все это, несомненно, представляет исключительно благоприятные условия для развития здесь торговли и промыслов» [11, с. 98].

Во многом арктическая политика в СССР являлась продолжением той политики, которую проводила на Севере Российская империя, исходя, прежде всего, из своих экономических интересов. При этом на Севере решался ряд крупнейших народнохозяйственных задач, в частности:

- улучшение топливно-энергетического баланса страны путем освоения ресурсов нефти и газа Западной Сибири и Тимано-Печорской нефтегазовой провинции;

- обеспечение потребности СССР в ряде цветных металлов и минералов;
- освоение лесных ресурсов;
- использование морских рыбных ресурсов и ресурсов морского зверобойного промысла;
- усиление роли Севера во внешнеторговых связях.

Для реализации столь масштабных задач в суровых природных условиях, вдали от экономически развитых районов создавались новые железные и автомобильные дороги, строились новые города и поселки, чтобы открыть доступ к освоению природных ресурсов и обеспечить нормальные условия жизни для привлеченного населения.

Следует подчеркнуть, что с учетом опыта хозяйственного освоения Севера, различия в характере развития отдельных территорий, их природно-климатических характеристик, в целях обеспечения эффективного управления развитием этих территорий, в Советском Союзе были законодательно введены понятия «Крайний Север» и «Районы, приравненные к Крайнему Северу». При этом «термин „Крайний Север“ был узаконен в 1930–1932 гг. как территория расселения малых народностей Севера, охватывающая северные национальные (ныне автономные) округа и районы. При определении границ этой территории важнейшим был этнический принцип» [9, с. 14]. Все большее значение приобретал размер северных льгот, которые предоставлялись в зависимости от трудностей освоения природных богатств и создания условий, стимулирующих привлечение кадров из других районов страны. Что интересно, понятие «Арктика» как территория практически не использовалось при формировании народнохозяйственных планов освоения северных территорий.

Необходимо также отметить, что в этих планах намечалось и решение проблем, связанных с развитием экономики и культуры народностей Севера и охраны окружающей среды. Подъем экономики и культуры коренных народов Севера рассматривался как важная хозяйственно-политическая задача и обеспечивался министерствами и ведомствами, имеющими подведомственные предприятия в районах проживания народностей Севера в соответствии с решениями ЦК КПСС и СМ СССР.

Охрана окружающей среды связывалась с необходимостью выделения значительных средств на модернизацию техники и создание новых технологий по уменьшению воздействия на природные комплексы как объективная необходимость для решения основной задачи — «преодоления отрицательных факторов природной среды и экономико-географического положения северных территорий, требующих дополнительных затрат общественного труда при строительстве и эксплуатации промышленных предприятий, развитии транспорта и сельского хозяйства по сравнению с другими, южнее расположенными территориями» [9, с. 39].

Нужно подчеркнуть также то большое внимание, которое уделялось в народнохозяйственных планах территориально-пространственной организации — через формирование территориально-производственных комплексов и соответствующей системы расселения с использованием вахтенного и экспедиционного методов освоения Севера, большого внимания к выработке эффективных и экономичных архитектурно-планировочных решений новых городов и поселков, конструктивных решений зданий и сооружений в сложных условиях вечной мерзлоты [2; 8].

Управление всей этой гигантской по своим масштабам деятельностью проводилось на основе партийных директив, реализация которых осуществлялась министерствами и ведомствами. При этом все большее значение приобретали целевые комплексные межотраслевые и территориальные программы, которые лучше помогали управлять территориально-производственными комплексами, лучше учитывать и сочетать региональные и отраслевые интересы.

Руководством страны рассматривалась возможность «образования в качестве самостоятельного крупного экономического района хозяйственно выросшего Ев-

ропейского Севера, выделив его из состава Северо-Западного экономического района, а также севера Западной Сибири, объединяемого формированием крупного нефтегазового комплекса, имеющего важнейшее значение в народном хозяйстве страны...» В более отдаленной перспективе планировалось выделение Северо-Восточного экономического района в составе Якутской АССР и Магаданской области, а впоследствии также Камчатской области» [9, с. 125].

3. Российская Арктика в переходный период (90-е годы XX — нач. XXI вв.)

После завершения советского периода освоения Севера после того, как произошли кардинальные политические, экономические и прочие изменения в нашей жизни, естественно поменялось отношение к Северу со стороны государства. Связано это было, прежде всего, с тем, что в новых условиях государству катастрофически перестало хватать ресурсов для того, чтобы осуществлять прежнюю политику по отношению к Северу, осуществлять те вложения в освоение Севера, которые до этого момента происходили. Во многом были еще непонятны новые механизмы и новые подходы к развитию страны и к развитию такого специфического региона, как Север. В этот момент в государственной политике стал превалировать тезис о том, что людям на Севере нужно не проживать, а временно пребывать. Надо сказать, что этот тезис был зафиксирован в Генеральной схеме расселения РФ, которая была официально одобрена Правительством Российской Федерации (протокол № 31 от 15 декабря 1994 г.) и где предусматривался «переход от политики проживания к политике пребывания некоренного населения в этом регионе, особенно в условиях Крайнего Севера». Одновременно там же был провозглашен переход к «широкому внедрению вахтово-экспедиционного метода», что в итоге нанесло значительный урон развитию Севера.

Этими тезисами довольно умело стали пользоваться ведомства, крупные компании, которые разрабатывали природные ресурсы на Севере, и были готовы платить любые деньги для осуществления экспедиционного метода освоения северных богатств, чтобы за многие тысячи километров с юга России, с Украины привозить в вахтовые поселки население, рабочих, и не вкладывать деньги в развитие социальной и инженерной инфраструктуры северных поселений.

4. Арктическая политика Российской Федерации на современном этапе

Необходимо сказать, что в конце 1990-х годов произошло изменение позиции государства по отношению к развитию Севера. Государство продекларировало, что оно снова возвращается на Север, провозглашая этот регион зоной геополитических интересов, что оно готово осуществлять государственные проекты, программы и вкладывать серьезные средства в развитие Севера.

Уже в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 10. 01. 2000 № 24, было зафиксировано, что территория российского Севера — традиционная сфера национальных интересов и безопасности России, имеющая стратегическое значение в масштабах всей страны. В документе выделялась необходимость в кратчайшие сроки разработать механизмы поддержания жизнедеятельности и экономического развития особо кризисных регионов и районов Крайнего Севера¹.

Это утверждение получило свое дальнейшее развитие в целом ряде документов, к числу которых, в первую очередь, следует отнести решения выездного заседания

¹ См. <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-10012000-n-24/>

Президиума Государственного Совета, который проходил 27–28 апреля 2004 года в Салехарде¹ под председательством Президента России, «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», которые утверждены Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 г. № 1969, в которых определены главные цели, основные задачи, стратегические приоритеты и механизмы реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике, а также разработанная во исполнение «Основ...» и в целях повышения эффективности решения задач государственной арктической политики России «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (утверждена Президентом РФ 20 февраля 2013 года).

Целью Стратегии «является реализация национальных интересов, а также достижение главных целей государственной политики Российской Федерации в Арктике путем решения основных задач с учетом стратегических приоритетов, определенных в Основах, обеспечивающих национальную безопасность и устойчивое социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»².

В рамках реализации Стратегии обеспечивается консолидация ресурсов и усилий всех заинтересованных субъектов государственной политики Российской Федерации в Арктике (федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, территории которых полностью или частично входят в состав Арктической зоны Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций) для решения ключевых проблем развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности в Арктике.

Как один из основных инструментов реализации Стратегии Правительством Российской Федерации Постановлением от 21 апреля 2014 года № 366 была утверждена государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года».

Таким образом, можно констатировать наличие сформированной государственной политики по отношению к развитию российской Арктики и необходимость осуществления скоординированного реформирования системы управления и пространственного планирования территорий от транспортно-коммуникационных до социальных компонентов, а также контроля за ее реализацией.

5. Проблемы управления социально-экономическим развитием Арктической зоны Российской Федерации

Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации намечены принципиальные подходы к повышению эффективности системы государственного управления Российской Федерации в Арктике, прежде всего, за счет совершенствования нормативно-правовой базы в сфере формирования основ государственного управления Арктической зоной Российской Федерации, законодательного закрепления ее статуса как особого объекта государственного регулирования, усиления координации деятельности органов государственной власти всех уровней, включения вопросов социального развития Арктической зоны Российской Федерации в стратегии долгосрочного социально-экономического развития федеральных округов и субъектов Российской Федерации, а также в отраслевые стратегии и программы.

¹ См.: <http://2004.kremlin.ru/events/detail/2004/04/63879.shtml>

² Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, р. II, ч. 6.

Одной из основных задач государственной программы также является усиление координации деятельности органов государственной власти при реализации государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации.

Включение Стратегией и Госпрограммой вопросов совершенствования системы управления развитием АЗ РФ в перечень ее основных проблем говорит о важности и сложности этого вопроса, учитывая сложнейшую структуру территории, наличие разнообразных субъектов управления со своими специфическими целями и задачами, необходимость обеспечения реальной координации органов власти всех уровней при реализации целей и задач Стратегии.

Следует признать, что до настоящего времени многие из поставленных вопросов по созданию системы управления развитием АЗ РФ не решены, деятельность различных организаций и структур в Арктической зоне должным образом не направляется на выполнение основных заявленных стратегических целей. Созданная во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 3 февраля 2015 года № 50 Государственная комиссия по вопросам развития Арктики является сугубо координационным органом, обеспечивающим взаимодействие федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций при решении социально-экономических и других задач, касающихся развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности. В ее полномочия не входит реальное управление и решение разнообразных проблем, возникающих в процессе развития АЗ РФ.

До сих пор так и не принят закон о законодательном закреплении статуса АЗ РФ как особого объекта государственного регулирования — макрорегиона, без которого невозможно принимать юридически обоснованные решения, обязательные для участников процесса развития АЗ РФ, из всех субъектов федерации, входящих в Арктическую зону, только в Республике Саха (Якутия) намечено в 2018 г. разработать отдельную Стратегию социально-экономического развития Арктической зоны Республика Саха (Якутия) на период до 2030 г., в Архангельской и Мурманской областях, НАО и ЯНАО действуют старые стратегии, не отражающие Стратегию развития АЗ РФ, в Архангельской и Мурманской областях, НАО, Республике Саха (Якутия) не актуализированы схемы территориального планирования регионов. Стратегии социально-экономического развития федеральных округов, на территории которых размещается Арктическая зона Российской Федерации, приняты еще до вступления в силу Стратегии развития АЗ РФ, а значит, также, не отражают поставленных там целей и задач.

Именно поэтому специалисты давно говорят о необходимости создания Центра управления Арктической зоной Российской Федерации, который взял бы на себя разработку правовых механизмов реализации выработанной государственной политики развития АЗ РФ. В этой связи большой интерес представляет мнение президента Арктической общественной академии наук В. Б. Митько, высказанное на семинаре «Арктика в условиях глобальных вызовов XXI века»: «Основными факторами, определяющими безальтернативность создания Центра управления — ядра Арктической организации государства — являются следующие: обеспечение пространственного арктического планирования, без которого невозможно управление устойчивым развитием АЗ РФ; гарантирование социально-политического Евразийского единства России, как стабилизатора мирового развития; укрепление (сближение) национальных и государственных интересов в АЗ РФ, обеспечивающее социально-политическое единство общества; обеспечение единой инвестиционной политики в Арктике по привлечению внутренних и внешних инвестиций; содействие сокращению разрыва в оттоке и притоке капитала в АЗ РФ для снятия напряженности в обществе» [7, с. 9].

Следует особо подчеркнуть, что данные теоретические рассуждения получили в 2017 г. определенное практическое подкрепление — 17 марта 2017 г. на совещании у полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе был поднят вопрос об организации такого Центра в Санкт-Петербурге, учитывая, что именно этот город исторически является форпостом освоения Арктики, в нем сосредоточен огромный научный, образовательный и технологический потенциал, напрямую связанный с арктическим направлением, более того — в городе сформирована Полярная комиссия Морского совета при Правительстве Санкт-Петербурга, в Стратегии развития Санкт-Петербурга до 2030 года заложена возможность создания в городе так называемого арктического кластера, как «объединения ресурсов правительств, научного и делового сообщества приарктических стран на взаимовыгодных условиях в целях освоения данного региона» [7, с. 10].

«Участники совещания отметили, что с учетом реализации программы развития Арктики вопрос системы управления этим макрорегионом актуален, как никогда. В ходе совещания представителями регионов и научной общественности предлагались различные варианты решения этого вопроса... Полномочный представитель Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе поручил подготовить аргументированное обоснование по данному вопросу»¹. Для подготовки соответствующих предложений по созданию в Санкт-Петербурге Центра управления АЗ РФ была сформирована рабочая группа во главе с директором Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Важным для решения этой проблемы представляется и круглый стол «Русская Арктика. Стратегия развития», проведенный в СЗИУ РАНХиГС совместно с Изборским клубом 23 сентября 2017 г., участники которого в ходе своих выступлений постоянно подчеркивали необходимость оптимизации системы управления и координации участников реализации проектов в Арктической зоне Российской Федерации [1].

В Санкт-Петербурге сделан серьезный шаг в этом направлении — назначен вице-губернатор по делам Арктики и сформирован соответствующий комитет в составе правительства Санкт-Петербурга, которые уже начали активную работу по развитию научно-исследовательских, культурных, социально-экономических, экологических и других связей Санкт-Петербурга с регионами Арктической зоны Российской Федерации, и координации деятельности иных исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга в этой сфере — так 21 июня 2018 г. в Смольном состоялось расширенное координационное межведомственное совещание представителей промышленных, научных и образовательных организаций Санкт-Петербурга по вопросу участия в развитии Арктической зоны Российской Федерации.

Следует также отметить, что в Санкт-Петербурге происходит консолидация вокруг арктической тематики и других организаций, в частности, в Санкт-Петербургском Союзе архитекторов возрождена Комиссия по проблемам Арктики и Севера, в составе которой архитекторы, имеющие огромный многолетний опыт профессиональной работы в российской и зарубежной Арктике.

Одной из веских причин воссоздания Комиссии явилась озабоченность Санкт-Петербургского архитектурного сообщества проблемами освоения Арктики, возникшими в связи с отсутствием территориального, социально-экономического,

¹ Тема долгосрочного развития Арктической зоны находится на особом контроле президента и правительства РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://арктик-тв.рф/news/city/murmansk/tema-dolgosrochnogo-razvitiya-arkticheskoy-zony-nahoditsya-na-osobom-kontrole-prezidenta-i-pravitelstva-rf> (дата обращения: 25.04.2018).

экологического и этнокультурного планирования Арктической территории, как единого Ноосферного объекта циркумполярной цивилизации Российской Федерации. Не комплексное, а значит, не эффективное освоение Арктики, во многом связано с отсутствием в этом процессе архитектора — специалиста по пространственному планированию, который мог бы планировать и координировать деятельность специалистов разных направлений научно-производственной деятельности, в области создания благоприятной среды обитания в Арктическом макрорегионе.

При этом «новые арктические города должны отвечать принципам «умного города», быть городами с искусственным климатом и полностью замкнутым циклом жизнеобеспечения, устремленным в далекое будущее» [10, с. 206].

Очень интересный процесс проходит в настоящее время на уровне Международного союза неправительственных организаций «Ассамблея народов Евразии», где создан и утвержден Арктический совет на базе Санкт-Петербургской научной общественной организации «Арктическая общественная академия наук». Среди многочисленных направлений деятельности Совета для рассматриваемой темы представляется важным разработка и направление предложений для рассмотрения на заседаниях Генерального совета, а также съездов Ассамблеи народов Евразии в части, касающейся организации эффективного государственного и муниципального управления на базе комплексного территориального планирования развития экономики арктического евразийского региона, а также обоснования критериев и принципов социально-экономического роста отдельных государств (межгосударственных блоков) этого региона.

Одним из первых направлений деятельности созданного Арктического совета Ассамблеи народов Евразии является интеграция в глобальный двусторонний проект «Ледяной шелковый путь», инициированный Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином и Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным. Данный проект является логическим продолжением выдвинутого руководством Китая глобального проекта Сообщества единой судьбы, поддержанного рядом стран, географически сгруппированных вокруг исторически сложившихся транспортно-логистических формирований Великого шелкового пути, и является не фантастическим, а вполне реальным. Об этом говорят не только заявления и предлагаемые проекты и программы, но и осуществляемые реальные действия на различных уровнях. «Фактически это глобальный проект XXI в., охватывающий огромные территории и народы — так называемый социально-экономический каркас значительной части Евразийского континента.

Формирование экономического каркаса предполагает инфокоммуникационное обеспечение, т. е. создание соответствующего информационного каркаса, что сопряжено с рядом проблем технического и организационного плана. Все это требует не только внутригосударственной координации, но и тесного международного сотрудничества» [6, с. 184]. Научное сопровождение проекта «Ледяной шелковый путь» осуществляется тремя организациями: Китайским научно-исследовательским центром Цзелинского университета, Российской академией военных наук и Арктической общественной академией наук.

Таким образом, подводя краткий итог сказанному, следует подчеркнуть, что проблема повышения эффективности управления социально-экономическим развитием Арктической зоны Российской Федерации является чрезвычайно актуальной — без ее решения невозможно обеспечить реализацию выработанной государственной политики по развитию Арктики, устойчивое развитие этого уникального макрорегиона, решение проблем которого является задачей не только России, других приарктических государств, но и всего человечества. «А устойчивое развитие — это не что иное, как возможность оставить будущим поколениям землю, на которой живешь, в состоянии как минимум не худшем, чем она находится при тебе» [5, с. 19].

Литература

1. Арктика — национальный проект России // Академия. 2017. № 3 (117).
2. Градостроительная программа возрождения России // Библиотечка «Российской газеты». 1995. Вып. 5. С. 71.
3. Додин Д. А. Устойчивое развитие Арктики. Проблемы и перспективы. СПб. : Наука, 2005.
4. Махлай А. А. Арктика в условиях глобальных вызовов XXI века // Материалы семинара «Арктика в условиях глобальных вызовов XXI века», 20 июня 2016 года, АНО «Центр общественно-политических исследований», М., 2016. С. 5–7.
5. Минина М. В. Северное градостроительство как фактор устойчивого развития Арктики // Информационно-популярный журнал «ЖКХ mix XXI век». 2017. № 1 (37). С. 16–19.
6. Минина М. В., Ли Чженьфу. Арктика: История и современность // Труды международной научной конференции. 19–20 апреля 2017 г., Санкт-Петербург / отв. ред. д-р ист. наук, проф. С. В. Кулик. М. : Издательский Дом «Наука», 2017. С. 175–185.
7. Митко В. Б. Арктика на перекрестке геополитических и экономических интересов: старые и новые вызовы для России в Арктическом регионе // Материалы семинара «Арктика в условиях глобальных вызовов XXI века», 20 июня 2016 года, АНО «Центр общественно-политических исследований». М., 2016. С. 13–28.
8. Системные проблемы России. Путь в XXI век / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Экономика, 1999.
9. Славин С. В. Освоение Севера Советского Союза. М. : Наука, 1982.
10. Щитинский В. А. Территориальное планирование Арктической зоны Российской Федерации — неотъемлемая часть стратегии ее развития как макрорегиона // Сборник докладов Второй научно-практической конференции по вопросам государственного управления и общественного развития «Горчаковские чтения». 2017. Т. 8. Вып. 1 (28). С. 199–207.
11. Энгельгардт А. П. Русский Север: Путевые записки. М. : ОГИ, 2009.

Об авторах:

Щитинский Владимир Александрович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), генеральный директор ООО «Институт «Ленгипрогор» (Санкт-Петербург), доктор архитектуры, профессор; Vladimir.schitinsky@yandex.ru

Минина Марина Виссарионовна, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), секретарь Полярной комиссии Морского совета при Правительстве Санкт-Петербурга, кандидат технических наук; m-minina@yandex.ru

References

1. The Arctic — the national project of Russia // Academy. 2017. N 3 (117). (In rus)
2. Town-planning program of revival of Russia // Library of Rossiyskaya Gazeta [Bibliotekha «Rossiiskoi gazety»]. 1995. Issue 5. P. 71. (In rus)
3. Dodin D.A. Sustainable development of the Arctic. Problems and prospects. SPb. : Science, 2005. (In rus)
4. Makhlay A.A. Arctic in the conditions of global challenges of the 21st century // Materials of a seminar "The Arctic in the conditions of global challenges of the 21st century" [Materialy seminar «Arktika v usloviyakh global'nykh vyzovov XXI veka»], on June 20, 2016, ANO Center of Social and Political Researches, M., 2016. P. 5–7. (In rus)
5. Minina M.V. Northern town planning as factor of sustainable development of the Arctic // Information popular journal "GKH-Mix XXI Century" [Informatsionno-populyarnyi zhurnal «ZhKKH mix XXI vek»]. 2017. N 1 (37). P. 16–19. (In rus)
6. Minina M.V., Li Chzhenfu. Arctic: History and present // Works of the international scientific conference. On April 19–20, 2017, St. Petersburg [Trudy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 19–20 aprelya 2017 g.] / ex. edition of S.V. Kulik. M. : Publishing House Science, 2017. P. 175–185. (In rus)
7. Mitko V.B. Arctic at the intersection of geopolitical and economic interests: old and new calls for Russia in the Arctic region // Materials of the seminar "The Arctic in the conditions of global challenges of the 21st century" [Materialy seminar «Arktika v usloviyakh global'nykh

- vyzovov XXI veka»], on June 20, 2016, ANO Center of Social and Political Researches. M., 2016. P. 13–28. (In rus)
8. System problems of Russia. Way to the 21st century / ex. edition of D.S. Lvov M.: Economy, 1999. (In rus)
 9. Slavin S.V. Development of the North of the Soviet Union. M. : Science, 1982. (In rus)
 10. Shchitinsky V.A. Territorial planning of the Arctic zone of the Russian Federation — an integral part of strategy of her development as macroregion // Collection of reports of the Second scientific and practical conference on questions of public administration and social development “Gorchakovsky readings” [Sbornik докладов Vtoroi nauchno-prakticheskoi konferentsii po voprosam gosudarstvennogo upravleniya i obshchestvennogo razvitiya «Gorchakovskie chteniya»]. 2017. V. 8. Issue 1 (28). P. 199–207. (In rus)
 11. Engelhardt A.P. Russian North: Traveling notes. M. : OGI, 2009. (In rus)

About the authors:

Vladimir A. Shchitinsky, Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), CEO of LLC Institute “Leningrad Institut of City Projecting” (St. Petersburg), Doctor of Science (Architecture), Professor; Vladimir.schitinsky@yandex.ru

Marina V. Minina, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, the Russian Federation), secretary of the Polar commission of Sea Council at the Government of Saint Petersburg, PhD in Technical Sciences; m-minina@yandex.ru

Achievements and Challenges for China Investments in Serbia

Duško Dimitrijević

Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia; dimitrijevicd@diplomacy.bg.ac.rs

ABSTRACT

In the last two decades, in a time of transition and transformation of a planned economy into a free market economy, Serbia has almost lost its primary industry sector. In other words, the Serbian primary industry sector was largely “de-industrialized” although in the secondary and tertiary industry sectors maintained a certain vitality and development potential. Starting from the political changes of the 2000, Serbia catches up with other countries in the region in the most important aspects of the transition process. In this sense, foreign direct investments have a significant impact on the Serbian economy, by improving economic structure and giving it new competitive qualities, increasing access to international markets, serving as a resource for improving the balance of payments and helping to accept modern technology, knowledge and management. It gives real hope that Serbia with the help of foreign capital will be able to re-industrialize their production and to restore and develop its industrial capacity. Serbia sees China as the most important foreign trade and financial partner in Asia and as a major partner in achieving its strategic economic objectives. Lack of financial resources needed for realization of the planned economic development goals, enables China to invest own financial resources on favourable terms using the Serbian market openness and good mutual relations permeated with mutual trust and benefits. For the proper understanding of Sino-Serbian relations, this study gives first short explanation of the Chinese strategy of the “New Silk Road”. Then, it includes analysis of the development of Serbian-Chinese political and economic relations (especially in the field of foreign investment). The final part of the study includes evaluation of comparative advantages and certain disadvantages for the Chinese foreign investment in the Serbian economy, which in itself has certain significance for the realization of the “New Silk Road” strategy”.

Keywords: China, Serbia, the “New Silk Road”, OBOR, development strategy, economy, Chinese investments

Перспективы и проблемы привлечения китайских инвестиций в экономику Сербии

Душко Димитриевич

Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия;
dimitrijevicd@diplomacy.bg.ac.rs

РЕФЕРАТ

За два прошедших десятилетия, в процессе перехода от плановой экономики к рыночной, Сербия практически потеряла свой основной промышленный сектор. Иными словами, сербская промышленность оказалась «деиндустриализована», в то время как вторичный и третичный сектора промышленности показали определенную живучесть и потенциал развития. Начиная с политических изменений 2000-х, Сербия догоняет другие страны региона в самых важных аспектах процесса трансформации. В этом смысле прямые иностранные инвестиции оказывают значительное влияние на сербскую экономику, улучшая экономическую структуру и давая новые конкурентоспособные качества, открывая доступ к международным рынкам, служа ресурсом для улучшения платежного баланса и возможности перенять современные технологии, знания и управление. Это дает реальную надежду, что Сербия с помощью иностранного капитала будет развивать промышленное производство и восстановит производственные мощности. Сербия рассматривает Китай как самого перспективного партнера для внешней торговли и источник финансирования в Азии, а также как крупного партнера в достижении своих стратегических экономических целей. Отсутствие финансовых ресурсов, необходимых для реали-

зации запланированных целей экономического развития, позволяет Китаю инвестировать собственные финансовые ресурсы на выгодных условиях, используя сербскую открытость рынка, и хорошие взаимоотношения, основанные на взаимном доверии и преимуществах. Данное исследование дает короткое объяснение китайской стратегии «Нового Великого шелкового пути», которое позволяет лучше понять современные китайско-сербские отношения. Помимо этого, исследование содержит анализ развития сербско-китайских политических и экономических отношений (особенно в области иностранных инвестиций). Заключительная часть исследования — оценка сравнительных преимуществ и определенных угроз для китайских иностранных инвестиций в сербскую экономику, имеющую определенное значение для реализации стратегии «Нового Великого шелкового пути».

Ключевые слова: Китай, Сербия, «Новый Великий шелковый путь», «Один пояс, один путь», стратегия развития, экономика, китайские инвестиции

1) CHINA'S THE "NEW SILK ROAD" STRATEGY

On September 7, 2013, Chinese President Xi Jinping speaking at Nazarbayev University in Astana, the capital of Kazakhstan, called for the development of the "Silk Road Economic Belt" initiative which includes the connectivity of countries from the Pacific to the Baltic Sea. On that occasion, President Xi said that "China must expand the development of Eurasia creating an economic belt along the Silk Road". The idea of renewing the ancient "Silk Road" that was created during the Han Dynasty has received new attention and became a source of inspiration for the trade and investment ties between the China, Central and South Asia, Europe, the Middle East and Africa¹. This was confirmed by President Xi in his speech when he emphasized the need for a new vitality of the world economy, as well as the development of friendly relations with the countries along the route of the "New Silk Road"². One month later, in early October 2013, during a visit to Indonesia, President Xi announced a similar initiative of the "21st century Maritime Silk Road" which also referring to Chinese history, especially on the fact that the Chinese admiral Zheng He on his cruises in the 14th century formed a broad network of economic, trade and political ties with the countries of South Asia, Southeast Asia, and Africa Taking into account the new geopolitical circumstances and economic needs of the states along the maritime routes covered by this political initiative of the Chinese president, the old idea in the new his-

¹ Professor Liu Zuokui from the Institute for European Studies of the Chinese Academy of Social Sciences points out that: "The Silk Road Economic Belt has three routes on the corridor which refers to the Siberian Continental Bridge (also known as the First Eurasian Continental Bridge), starts from Vladivostok in the eastern part of Russia and ends in Rotterdam in the Netherlands; the New Eurasian Continental Bridge (also known as the Second Eurasian Continental Bridge), begins in Lianyungang in east China's Jiangsu Province and ends in Rotterdam. It exits China via the Alatau Pass and runs through Central Asia into Russia, Poland, and Germany; the third is the Eurasian Continental Bridge that is now on the drawing board. This proposed route would start from Shenzhen in Guangdong Province and end in Europe via Myanmar, Bangladesh, India, Pakistan, Iran, Turkey and Bulgaria". See: Liu Zuokui, *The Role of Central and Eastern Europe in the Building of Silk Road Economic Belt*, *Međunarodni problemi/International Problems*, 67, (2–3), p. 186.

² The "Silk Road Economic Belt" initiative promotes the next model of cooperation: "1) strengthen policy communication, which may help 'switch on a green light' for joint economic cooperation; 2) strengthen road connections, with the idea to establish a great transport corridor from the Pacific to the Baltic Sea, and from Central Asia to the Indian Ocean, then gradually build a network of transport connections between eastern, western and southern Asia; 3) strengthen trade facilitation, with a focus on eliminating trade barriers and taking steps to reduce trade and investment expenses; 4) strengthen monetary cooperation, with special attention to currency settlements that could decrease transaction costs and lessen financial risk while increasing economic competitiveness; 5. strengthen people-to-people relation" See: "Xi Jinping zai Shanghe zuzhi fenghui fabiao jia tichu 4 dian zhuzhang", Xinhua, 13 September 2013.

torical rug should serve the promotion of maritime trade as well as environment protection, science, technology and security cooperation along the sea routes of southern Eurasia, from the Pacific coast to East Africa, the eastern Atlantic shores and Mediterranean¹.

The Chinese President's initiatives colloquially expressed through the phrases: *Yi Dai Yi Lu (One Belt, One Road)*, were based on a long-term analysis of international relations, as well as on studies of the economic development trends of China and the international community. Hence the reanimation of the idea of the ancient „Silk Road” should not be surprising because it was created as a result of the the political paradigm of the “Chinese dream”, which was still one of the leading development strategies based on the policy of “Peaceful Development”, conceptually shaped China's efforts to consolidate the regional security and to ensure harmonious economic development of most of the world².

This strategic concept came up together with the economic concept of “Open door” which was applied in China by more than three decades and that led to the market-oriented reforms and gradual process of liberalization from which were removed the internal barriers in terms of movement of goods, labour and capital³. Starting from 2000, onwards, China has made significant progress in the global market. Joining the World Trade Organization and by strengthening their economic capacity, China has managed to occupy one of the leading positions in the world economy. Unfortunately today, as well as other global powers, China faces with serious economic threats which are caused by the world economic crisis and internal social tensions. These threats are manifested through the lack of the driving force and demand, constant turbulence of the financial market and continued downturn in international trade⁴. These problems were put aside exports and foreign direct investment as a leading Chinese economic development model. Given the difficult business conditions, China tries to find new export markets or preserve existing ones. This is the main reason why the “New Silk Road” has become a key development strategy that should take into account the peaceful and sustainable development not only of China, but also of all countries along the *One Belt, One Road* directions. Hence, it is clear why the *One Belt, One Road* initiative sublimated for practical reasons in the strategy of the “New Silk Road” have a decisive significance for improving China's relationship especially with countries of Asia, Europe and Africa but not excluding countries from other regions of the world. As the far-reaching vision, the “New Silk Road” has been proposed with the purpose of benefiting both China and the countries along the land and maritime route. Thereby, the *One Belt, One Road* initiative are open to all countries and international organizations (for example: Shanghai Cooperation Organization, the Eurasian Economic Community, Asia-Pacific Economic Coop-

¹ According to the recent information of the Xinhua agency, the Maritime Silk Road begins in Quanzhou (Fujian) and hits other southern Chinese ports (Fujian, Zhejiang and Guangdong) before heading to the Malacca Strait. From Kuala Lumpur, the Maritime Silk Road heads to Kolkata, crosses the rest of the Indian Ocean to Nairobi and then around the Horn of Africa into the Mediterranean — with final stops in Greece and Italy

² Peaceful Development Policy assumes an open and cooperative relationship, in order to maintain “win win” situation and stable external environment that would be conducive to China rise. See: Zoran Petrović Piroćanac, “The World and a Chinese Non-alignment Strategy of Governance and Development-Brief Survey”, In: Global Trends and China in the Coming Decade, Papers from: “Contemporary World Multilateral Dialogue 2013, China Centre for Contemporary World Studies, China Foundation for Peace and Development, China Energy Fund Committee, 2014, pp. 86, etc; Xinhua (2013), “Central Committee's Decision on Major Issues Concerning Comprehensively Deepening Reforms”, 15 November 2013; Xinhua (2015), “China Focus: China sketches out priorities of ‘Belt and Road’ initiatives”, Retrieved from: http://news.xinhuanet.com/english/china/2015-02/01/c_133962709.htm. 11.11.2015.

³ L. Hongyuan, G. Yun, S. Qifa, China's Road, Huangshan Publishing House, 2012, p. 128.

⁴ Lin Yongliang, “The Global Significance of the Belt and Road Initiative”, International Understanding, CAFIU, Beijing, 2017, Vol 2, N 2, p. 56

eration, Asia-Europe Meeting, ASEAN plus China, BRICS, etc.), while adhering to the principles of mutual respect and common interests¹.

In line with the published Chinese projections, both of these initiatives are expected to become fully operative by 2025². These initiatives should boost the revitalization of the large part of the world which covers the vast area with more than 4,4 billion people. It is expected that the total value of these initiatives surpass 21 trillion US dollars (almost one third of the world's GDP)³. The network of investments that includes *the Belt and Road initiatives* might create the landmark infrastructure projects of the 21st century (*World Land-Bridge*), encompassing more than 60 countries from different continent⁴. The importance of *the Belt and Road initiatives* is therefore huge taking into account the number of countries they could encompass, and the potential economic benefits for all of them⁵. Hence, *the Belt and Road initiatives* indicate a positive climate for building a new economic international system that could bring prosperity for a large number of countries that are on the "New Silk Road", including Serbia, which, according to its specific position in international relations has a special significance for their implementation⁶.

2) DEVELOPMENT OF POLITICAL RELATIONS BETWEEN SERBIA AND CHINA

The current relations of Serbia with the People's Republic of China are conditioned by many political, economic, legal and social factors. These factors point to the existence of

¹ Duško Dimitrijević, Nikola Jokanović, "China's 'New Silk Road' Development Strategy", Review of International Affairs, 2016, N 1161, pp. 21–44.

² Pepe Escobar, "The 21st century belongs to China: Why the new Silk Road threatens to end America's economic dominance", 2015, Retrieved from: http://www.salon.com/2015/02/24/the_21st_century_belongs_to_china_why_the_new_silk_road_threatens_to_end_americas_economic_dominance_partner/, 24.02.2015.

³ Aleksandar Janković, "New Silk Road — New growth engine", Review of International Affairs, 2016, N 1161, p. 6.

⁴ H. Zepp-LaRouche, "The New Silk Road Leads to the Future of Mankind!", In: The New Silk Road becomes the World Land-Bridge, EIR News Service Inc., Washington, 2015, pp. 2, etc.

⁵ This year, China pledged a new \$ 900 trillion investment in achieving the goals of the "New Silk Road" strategy. The aim of the new billion scheme is to kindle a "new era of globalization", a golden age of commerce that will benefit all. China has made a special commitment to invest additional ones \$ 8 trillion for infrastructure in 68 countries. That adds up to as much as 65% of the global population and a third of global GDP. See: "China's \$900 billion New Silk Road — What you need to know", World Economic Forum, Retrieved from: <https://www.weforum.org/agenda/2017/06/china-new-silk-road-explainer/> 26 June 2017.

⁶ It seems very interesting to note that China came out with a list of priorities within the Belt and Road initiatives in February 2015. These priorities include building transporting infrastructure, facilitating the flow of investment and trade, simplification of customs procedures, the construction of logistics centres, financial cooperation, with the expansion of cooperation between nations through intensifying exchanges in culture, education, science, etc. In March 2015, the National Development and Reform Commission announced an important strategic document titled: "Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road". This document outlines the framework of cooperation within the Belt and Road initiatives. The same Commission adopted on 22 October 2015, the "Action Plan for Harmonization of Standards along the Belt and Road (2015–2017)" which confirmed that the objectives of the previous adopted document (Vision and Actions), will be achieved in practice. See: "Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road", National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs and Ministry of Commerce of the People's Republic of China, Beijing, 28 March 2015, Retrieved from: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html . 08.03.2016; "Action Plan for Harmonisation of Standards Along the Belt and Road (2015–2017)", National Development and Reform Commission, 22 October 2015, Retrieved from: <http://china-trade-research.hktdc.com/business-ews/article/One-Belt-One-Road/Action-Plan-for-Harmonisation-of-Standards-Along-the-Belt-and-Road-2015-2017/obor/en/1/1X000000/1X0A443L.htm>, 08.03.2016

a multifaceted asymmetry which is not an obstacle to the development of good and friendly relations between the two sides, whereas, in the historical and legal sense, the relations between the two countries are characterized by the continuity of the diplomatic relations established on 2 January 1955 between the Federative People's Republic of Yugoslavia and the People's Republic of China. In the international legal sense, Serbia, as the successor state of the Socialist Federative Republic of Yugoslavia, continues to treat the People's Republic of China as one of its main partners in international relations, which is confirmed through its foreign policy course, according to which China is one of the main "pillars" of Serbia's foreign policy alongside the European Union, Russia and the United States¹. The mere reference to the main "pillars" in Serbia's foreign policy orientation indicates that for Serbia, China represents a key player in world politics and a great power with which it should build good and friendly relations². Consequently, Serbia and China established first the "strategic partnership" in August 2009 (during the visit of Serbian President Boris Tadić to China), which, also in August 2013 and then in June 2016, was expanded into the "comprehensive strategic partnership" through a joint statement by the Serbian president Tomislav Nikolić and Chinese president Xi Jinping. The Chinese-Serbian strategic partnership, which resulted from the traditional friendship between the two countries, contributed to the conclusion of a series of investment agreements and the implementation of joint projects in the Serbian energy, transport, agricultural, financial and telecommunication sectors, as well as in the field of scientific and cultural exchange and cooperation³. The importance of establishing a strategic partnership between Serbia and China has had positive effects not only on optimizing Serbia's foreign policy position but also in strengthening its status in economic international relations. This strategic approach is also visible within the "16 + 1" cooperation mechanism established to develop and improve cooperation between the countries of Central and Eastern Europe (CEEC) and China in the implementation of the development objectives of the Chinese "New Silk Road" strategy.

3) DEVELOPMENT OF ECONOMIC RELATIONS BETWEEN SERBIA AND CHINA

Although Serbia views China as its most important strategic partner in Asia, its economic relations with China are characterized by mutual asymmetry in all economic parameters. I will list here only as an example some public information's about this.

According to official data of the National Bank of Serbia, in the period from 2005 to 2013, the total net inflow from China amounted to EUR 20 million⁴. According to official data of

¹ Isac Found, „Od četiri stuba spoljne politike do evroskih integracija — postoji li volja za strateško usmerenje spoljne politike Srbije?“ (From the four pillars of the foreign policy to the European integration — is there a will for the strategic direction of Serbia's foreign policy?) Belgrade, 2013, p. 17.

² In public discourse, Serbia treats China as a great power despite the fact that China does not experience it so. China's political discourse, however, emphasizes that China is the largest developing country and a respectable regional power with increased global influence and soft power in international relations. The specificity of the Chinese approach is that China is a "responsible power" (*fu zeren de daquo*), which respects the sovereignty of other countries, as opposed to Western powers that interfere in the social systems of other countries, in their development and in their internal foreign policy. According to professor Hongjun, China's foreign policy includes five basic elements: peaceful, independent, scientifically based, cooperative and joint development. See: Yu Hongjun, "Sincere Dialogue for Conductive Cooperation", in: *The Changing World and China in Development*, Papers from: "The Contemporary World Multilateral Dialogue", China Centre for Contemporary World Studies, China Foundation for Peace and Development, Beijing, 2013, p. 9

³ Tanjug (2016) "Kina i Srbija — strateško partnerstvo i još 21 sporazum", (China and Serbia — a strategic partnership and another 21 agreements), 18. Jun 2016, Retrieved from: <http://www.tanjug.rs/full-view.aspx?item=270618&izb=252463&v=252463>, 29.09.2016.

⁴ National Bank of Serbia, Statistics, 2015, Retrieved from: <http://www.nbs.rs/internet/cirilica/index.html>, 29.09.2015.

the Serbian Bureau of Statistics, in the total trade exchange, China was fifth in the list (behind Italy, Germany, Russia and Bosnia and Herzegovina); while in terms of imports China occupied the fourth place (behind Italy, Germany and Russia). Export of Serbia to China in 2014 amounted to USD 14,1 million, while in 2015 it amounted to USD 20,2 million (with only 0,1% and 0,2% of total Serbia's exports). On the other hand, Serbia imported goods from China in 2014 in the amount of USD 1,561 million, while in 2015 imported goods in the amount of USD 1,540.2 million (accounting for 7.6% and 8,5% of the total import of Serbia in those years)¹. According to official indicators of the Serbian Chamber of Commerce, in 2016, there was an increase in bilateral trade between the two countries. Thus, imports from China amounted to USD 1,603.9 million, while exports from Serbia to China amounted to USD 25,3 million. Import coverage by export was 1,6%².

But, regardless of the above indicators, this does not mean that there are no real possibilities for their further growth and development. Such a conclusion stems from the Chinese that Serbia represents as one of the key partners in the region of Southeast Europe as well as an active factor in the way of connecting with the European Union, whose common market of high purchasing power can be an ideal place for its investments and the placement of its products. In that sense, China supports Serbia's aspirations for full membership in this organization and encourages its economic transition to open markets. Good political relations with China provide Serbia with the opportunity to develop good economic relations with her in different ways and in different fields. Currently, economic cooperation, on its scale, value and structure, unfortunately makes a small part of the economic exchange with the world in both countries³.

This state of affairs is primarily conditioned by the Chinese economic strategy whose constants are: the global geo-economic positioning, the growing expansion of exports, the acquisition of energy and mining resources for the purpose of maintaining economic growth and the significant logistical and financial support of the state structures and state banks to companies operating abroad. Given that China is emerging as a major investor worldwide, it is therefore clear that economic cooperation with China is a major economic challenge and incentive for Serbia. However, the two countries have a clear will to improve their economic relations which is best reflected through Chinese foreign direct investments (FDI) and transnational investments in the Serbian transport infrastructure, energy and ICT sectors. According to official data of the Serbian Government, the amount of Chinese foreign investment reached an enviable level of nearly USD 6 billion. I will present some of the successfully implemented investment projects and those whose realization is planned in the perspective.

Chinese foreign direct investments in Serbia (FDI)

In May 2016, *Hesteel Group Company Limited* (HBIS) took over the "Smederevo" steelworks for EUR 46 million with the obligation of investing in the future value of at least EUR 300 million and retention of employees.

In April 2016, *Mei Ta Europe*, Sino-French Company, a manufacturer of auto parts began construction of a casting factory in Barič near Belgrade. The value of the project amounts to EUR 60 million.

Chinese investment in transport infrastructure

China Road and Bridge Corporation (CRBC), a subsidiary company of *China Communications Construction Company* (CCCC), built the bridge Zemun-Borča (so called:

¹ Serbian Statistical Office, 2015, Retrieved from: <http://webzrs.stat.gov.rs/WebSite/>, 10.02.2017.

² Chamber of Commerce and Industry of Serbia, *Economy of Serbia*, 2016, Retrieved from: <http://www.pks.rs/MSaradnja.aspx?id=73&p=1&pp=2&>, 10.02.2017.

³ Blagoje Babić, "New Silk Road — China's New deal", in: Dimitrijević Duško (ed.), *Danube and the New Silk Road*, Institute of International Politics and Economics, Belgrade, 2016, pp. 62–63.

Pupin's Bridge), which was opened to traffic in December 2014, during the Third summit mechanism "16 + 1" between the countries of Central and Eastern Europe (CEE) and China. The bridge has a total length of 1,507 meters, with access roads length of 21,6 km. It was originally planned that the value of the project amounts to USD 260 million but during construction this amount was exceeded (in September 2014 was signed annex to the contract, with a predicted increase in the value of the project to an additional USD 70 million for expropriation and potential USD 32 million for damages requirements of contractors and subcontractors). The project is financed from the loan of Chinese Exim Bank (85%) and from the budget sources of Serbia and the City of Belgrade (15%).

In relation to Pupin's Bridge, as an example of good Chinese-Serbian cooperation, it should be mentioned that the Chinese company *CIE Holdings*, made a feasibility study of construction of the port upstream from bridge over the Danube. Area specific purposes should be around 873 hectares, of which the port and economic zone accounted for a total of 562 hectares. The entire area is planned to build 1,350,000 square meters warehouse and various service facilities, as well as 870,000 square meters of traffic areas. This port would be a hub for internationally important and would enable the full multimodality freight transport directly with rail and road links. In the next period, the Chinese and Serbian sides should agree on who will be the implementer of this strategically important project.

In addition to the successfully realized Pupin's bridge investment, *China Road and Bridge Corporation* should do the work on the construction of fast railway Belgrade-Budapest. The total length of railways is 350 km, of which the length of the route Serbian 184 km and 166 km of Hungarian. In addition to the existing track, the plan envisages the construction of another, mixed type, for passenger and cargo transport. The framework agreement on the project was signed on 24 November 2015, when Prime Minister Aleksandar Vučić attended the fourth summit of China and 16 countries of Central and Eastern Europe in Suzhou. The project should be financed by Chinese Exim Bank. However, the pace of project implementation has slowed down due to the valuation of the project (from Belgrade to Budapest) and then because of certain conditions regarding the fulfilment of EU standards. The preliminary assessment is that the value of the project could amount to EUR 1,5 to 2 billion. After the trilateral meeting of the representatives of China, Hungary and Serbia, held in Belgrade in the first half of September 2016, the parties agreed that the signing of a commercial contract on the project of modernization and reconstruction of the Belgrade-Budapest railway will be performed at the fifth Summit of the mechanism of "16 + 1" in Riga in November 2016. Otherwise, it is worth noting that the construction of the Belgrade-Budapest is part of China's strategy of "New Silk Road", which aims to connect the port of Piraeus with the Central and Western Europe through Macedonia, Serbia and Hungary. The first phase of its implementation would be the modernization and construction of high-speed railways (speed up to 200 km/h) from Belgrade to Budapest, on the part of Corridor 10. This phase would then follow the second phase of modernization of the railway route Belgrade-Skopje-Thessaloniki-Athens-Piraeus. The same Chinese company should build a road-rail bridge over the Danube at Vinča. Estimated total value of the project is around EUR 470 million. So far no data have been provided on whether the project documentation has been prepared and whether funding modalities have been established.

China Shandong International Economic & Technical Cooperation Group (CSI) has built two sections of Corridor 11 (highway E-763 Belgrade — South Adriatic): Obrenovac-Ub and Lajkovac-Ljig, total length of 50,23 km. Work is in progress on the construction of the remaining part of the road, with completion due by 30 July 2017. The total value of the project is USD 337,74 million. The project is financed from the loan of Chinese Exim Bank (in the amount of USD 301 million), and funds from Serbia (USD 32,74 mil-

lion). The same Chinese company expressed interest in participating in the construction of the road IB-21 Novi Sad-Ruma, a total length of 34,2 km, including a tunnel through the mountain Fruška Gora.

China Communication Construction Company (CCCC) should build a section of road on Corridor 11 — Surčin — Obrenovac (E763), a total length of 17,6 km, including the bridge over the Sava River. According to the construction plan, the works should start in 2017. The value of the project amounts to USD 233,69 million. The participation of the Chinese side in the project is 51%, and 49% of Serbian companies. The project should be financed from the loan of Chinese Exim Bank. The Agreement on design and construction work on the construction of the motorway on the section Surčin-Obrenovac on Corridor 11 was signed in mid-June during the visit of Chinese President Xi Jinping Serbia.

Sinohydro Corporation signed with the Serbian side the Memorandum of Understanding in 2016, which envisages the participation of this company in the construction of a bypass around Belgrade. For Serbia, the project is very important because with its realization Serbia connects with Hungary, Croatia, Montenegro, and Macedonia. The bypass should be a total length of about 46 kilometres, with four lanes and two more stops. It will have four tunnels and 41 bridges. There is no data on whether the contract on the realization and financing of the project has been completed.

China Gezhouba Group Corporation (CGGC), on the basis of the Protocol signed in January 2013, has prepared a feasibility study for the construction of part of the channel "Danube-Morava-Vardar" through Serbia. The study included the project "Channel Morava", whose value is estimated at EUR 4,5 billion. As a potential contractor in 2016 mentions the Chinese company Bonn Project.

At the Third summit mechanism "16 + 1" between the countries of Central and Eastern Europe (CEEC) and China in 2014, an agreement was signed on the establishment of air traffic between the two countries. The agreement provides for organizing joint flights between Belgrade and Beijing and Shanghai-based code share. Investing in air transport should be carried out through the Air Serbia and Air China. For now, Hainan Airlines as one of the best Chinese airline companies has managed to open the route on the line Beijing — Belgrade.

Chinese investments in the energy sector

China National Machinery and Equipment Import & Export Corporation (CMEC), participate in the construction of a new Block 3 of the thermal power plant Kostolac "B" volume of 350 MW and expansion of Drmno from 9 million tons to 12 million tons per year. This Chinese project in Serbian energy sector has to be financed through the loan which was approved by the Chinese Exim Bank in the amount of USD 608,26 million with repayment period of 20 years, a grace period of 7 years and an interest rate of 2,5% per annum. The difference to the full value of the project from USD 715,6 million will finance domestic energetic company "Elektroprivreda Srbije". The project also including desulphurization and revitalization of energy units B1 and B2, and work should be completed in 2019.

China Environmental Energy Holdings (CEE) and *Shenzhen Energy Group (SEC)*, in consortium with Serbian energetic company "Elektroprivreda Srbije" participate in the construction of Block 3 Thermal Power Plant "Nikola Tesla B" in Obrenovac and mine Radljevo. The projected installed capacity of the new energy unit is 744 MW. The total project cost is estimated at over EUR 2 billion. According to published data, the new Thermal Power Plant should become an independent producer of electricity in Serbia and in the majority Chinese-owned. But, due to the floods that hit in 2014, Obrenovac and its surroundings, the dynamics of implementation of the project is quite uncertain.

In addition of aforementioned examples it is important to note that *Silk Road Fund*, *China Gezhouba Group (CGGC)* and *China Environmental Energy Holdings*, a Chinese

investment fund and the company signed with the Serbian side of the Memorandum of Understanding and joint investment in renewable energy projects in Serbia in July 2016. Also, it's very important for the development of the Serbian energy sector that *China Machinery Engineering Company* signed with the Serbian side of the Memorandum of Understanding for the financing and construction of the power plant to generate electricity from waste in July 2016.

Chinese investments in the ICT sector

Chinese multinational company *Huawei Technologies* and domestic company "Železnice Srbije" have signed a Memorandum of Understanding in 2011. After that they concluded the Agreement on technical cooperation in 2012. In 2013, they concluded a Framework Agreement on the modernization of the integrated system of telecommunications. Complete modernization of telecommunications system of the "Železnice Srbije" should be realised in phases. The estimated value of the whole works has amounted to circa EUR 200 million. The first phase of modernization should be completed by 2018, and the total value of the works is estimated at EUR 78 million. Planned sections of railway lines were Corridors 10 and 11, Pančevo-Vršac and Požega-Kraljevo-Lapovo. The same Chinese multinational company signed Memorandum on cooperation in the field of system with the Ministry of Internal Affairs of Serbia in 2014, during the Third summit of the mechanism of "16 + 1" in Belgrade. On this occasion the company obliged itself to donate the Laboratory of information and communication technology based on the latest 4G technologies to the Centre for Information and Communication Technologies of the Faculty of Electrical Engineering, University of Belgrade. In July 2016, *Huawei Technologies* has signed with Serbian company "Telekom" the Framework Agreement for the supply of equipment and materials, construction and provision of services for the implementation of the ALL IP transformation. The Agreement provides that "Telekom" should invest up to EUR 150 million in the purchase of equipment, services and works that made the Chinese partner. For this purpose, "Telekom" has signed the additional agreement with Bank of China for credit financing of the project.

4) ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES FOR THE FUTURE DEVELOPMENT OF ECONOMIC RELATIONS

Economic Cooperation with China represents a huge opportunity for development and also good evidence of the successful conduct of foreign policy, which promotes cooperation on the global level and contributes to a "constructive meeting of East and West". However, if Serbia wants to increase its influence and importance in international relations based on economic cooperation with China, its business with China must be based not only on past successes and achievements, but also on the potentials based on improving its real economic capacity through various types of investments in industry and infrastructure. In this sense, Serbia will have to successively involve in international production through global value chains which derive not only from the form of proprietary investments, but also from the "portfolio". This in particular means that Serbia can be included in this chain in two ways: *First*, through foreign direct investment (FDI) to which the Chinese party acquires ownership rights, but also control over Serbian companies. For example: through the establishment of a brand new company (*greenfield investments*); through investments in the revitalization of capacities of existing one (*brownfield investments*); through joint ventures and, through international mergers or acquisitions (merging two equal companies from China and Serbia with the aim of establishing a new company or purchasing a Serbian company by Chinese in order to acquire property and business connections). *Second*, through indirect investments that represents the purchase of securities by Chinese party for the purpose of

investing capital in Serbian companies, without the intention of directly influencing their business policy (*non-equity investments*)¹. In this way, the Serbian economy could be included in the global value chain through Chinese investment capital, while Serbian companies could realize a pro-long-term benefit from exports of products and services that would be owned by Chinese and Chinese-Serbian companies. It is quite certain that the Serbian economy could thus be included in the global value chain through invested Chinese investment capital, while Serbian companies could realize a prosperous export benefit whose carriers were Chinese or mixed Chinese-Serbian firms. This could further lead to the expansion of mutual economic cooperation, but also to the linking of a number of countries from the CEE region to the Chinese-Serbian investment projects. That these possibilities are realistic is also the fact that Serbia has adopted appropriate economic policy measures and has provided a solid legal framework as a guarantee for Chinese foreign investment. In this regard, it is important that Serbia continuously renewed and develop its bilateral investment agreements (BIT) with China. Such good example is the case which happened during the visit of Chinese President Xi Jinping Serbia in June 2016. Two sides signed a new Agreement of Economic and Technical Cooperation with twenty other agreements and other legal instruments of cooperation in different fields².

The need for the permanent legal security of foreign investments in Serbia caused that Serbia adopted a modern investment codes, which guarantees equal legal status of domestic and foreign investors. Regardless of the form of foreign investment (acquisition of shares in existing enterprises, the establishment of new companies, franchises, B.O.T. arrangements, concessions, etc.), Serbian Law from 2015, guarantees freedom of investment, national treatment, legal certainty and the ability to transfer profits abroad³. These legal guarantees with special fiscal advantages for foreign investors have improved

¹ The terms “investments” and “property” are treated as synonyms and cover all types of interests and rights in property. Thus, unless otherwise stated, foreign investment are intended to include proprietary and portfolio investments abroad, as well as medium and long-term credits or loans for the import of equipment or services into another country. See: Georg Schwarzenberger, *Foreign Investments and International Law*, Sevens & Sons, London, 1969, p. 17.

² On that occasion, Serbian and Chinese sides signed the Agreement on the development of cooperation in the field of production capacity; Agreement on the promotion of cooperation in the fields of trade, tourism and telecommunications, Agreement on cooperation in the defense industry; Agreement on credit with the Bank of China which follows the framework contract for the supply of equipment and materials, construction and provision of services for the implementation of the ALL IP transformation; Framework agreement with Huawei Company for the supply of equipment and materials, construction and provision of services for the implementation of the ALL IP transformation; Memorandum of Understanding (MoU) of improving the development of the Information Silk Road connectivity for information; MoU on the establishment of the Centre for Cooperation in the field of transport and infrastructure between China and the CEEC; MoU between the Exim Bank of China and the Ministry of Finance of Serbia; MoU on joint investment in renewable energy projects in Serbia; MoU for the financing and construction of the power plant to generate electricity from waste in Serbia; MoU between the Diplomatic Academy of Serbia and the China University of Foreign Affairs and the Chinese Diplomatic Academy; MoU for the financing of research and development projects; MoU between the Serbian Ministry of Culture and Information Office of the State Council of the PR of China; The program of cooperation in the field of culture and arts for the period from 2017 to 2020; Agreement on cooperation between the Serbian Radio Television and China Radio International; MoU for the project of waste water from the City of Belgrade and China4 Machinery Engineering Corporation; Agreement on establishing friendly relations between the city of Kragujevac and Chinese city of Xi'an; The exchange of letters on a bilateral currency swaps arrangement between the National Bank of Serbia and the People's Bank of China. See: Tanjug (2016), „Kina i Srbija — strateško partnerstvo i još 21 sporazum (China and Serbia — a strategic partnership agreement and 21), Retrieved from: <http://www.tanjug.rs/full-view.aspx?item=270618&izb=252463&v=252463>, 18.06.2016.

³ „Law on Foreign Investments”, *Official Gazette of the Republic of Serbia*, N 107/2014.

the investment climate needed for attraction of Chinese foreign investments in Serbia. Analysis of the possible potentials of importance for the further development of economic cooperation between Serbia and China involves the examination of comparative advantages that Serbia has, and that can contribute to an increase in the structure and scope of Chinese investment. These benefits include the following:

- 1) The clear foreign policy goal — joining the EU and the WTO;
- 2) The relative macroeconomic stability;
- 3) Highly qualified and relatively cheap labour force due to the progressive growth of wages in China and the lack of skilled labour, the perspective can be employed by Chinese companies;
- 4) Regional competitive financial risk;
- 4) Restructured and privatized banking sector;
- 5) The rapid development of capital markets;
- 6) Developed telecommunications infrastructure;
- 7) Liberalized system of tariffs and tax legislation;
- 8) The rapid development of the private sector;
- 9) The significant level of incentive fiscal, regulatory and financial measures;
- 10) The existence of free trade agreements with the EU, CEFTA, EFTA, CIS, Russia, Belarus, Turkey, Kazakhstan, and others;
- 11) The adoption of the national Strategy for the promotion and development of foreign investment;
- 12) Harmonized (more or less) legal framework for foreign investment with European and international standards;
- 13) Full visa liberalization between Serbia and China¹.

A significant proximity of European markets and the soon-expected improvement of transport infrastructure, also can represent a comparative advantages for future Chinese investments in Serbia in particular in the field of agriculture (especially meat processing), car industry (in particular Lorries and spare parts), telecommunication, machine, chemical and textile industries².

CONCLUSIONS

From the previous analysis it follows that Serbia has a special significance for China. Such a conclusion stems from real geopolitical circumstances that indicate that Serbia as a Balkan state is a “piedmont” between Central Europe and the Middle East. In this sense, for China, Serbia is a very important factor because it is located at the crossroads of South-eastern Europe, on important land and river routes that enable it to communicate not only in the east-west direction, but also in the north-south direction which is a prerequisite for faster economic development, as well as for integration into important regional organizations such as the European Union for whose market is interested itself. Also, in the historical, legal and political sense, China considers Serbia as successor of the Yugoslavia peaceful foreign policy. This position is very important taking into account the negative attitude of China towards the policy of force in international relations. In this respect, Serbia seeks to deepen its political ties with China, which is greatly as-

¹ Serbia is the only country in the region of CEE that has this status on the basis of the agreement signed with China at the fifth Summit in Riga. See: Xinhua (2016), ‘Full text of Riga Declaration’, Retrieved from http://www.china-ceec.org/eng/zyxw_4/t1414325.htm 20.11.2016.

² Večernje Novosti (2015), “Kinezi ulažu u mesnu industriju” (The Chinese are investing in the meat industry), Retrieved from <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/ekonomija/aktuelno.239.html:563532-Kinezi-ulazu-u-mesnu-industriju>, 18.11.2015; Blic (2014), “Kineski ZTE: Imamo agresivan poslovni plan za Srbiju” (Chinese ZTE: We have an aggressive business plan for Serbia), Retrieved from <http://www.blic.rs/Vesti/Ekonomija/520251/Kineski-ZTE-Imamo-agresivan-poslovni-plan-za-Srbiju>, 04.09.2015.

sisted by the continuity of diplomatic relations established between Yugoslavia and China on January 2, 1955. Following the good sides of earlier inter-state practices, Serbia has continued to develop bilateral relations with China, treating China as one of its major international partners. Such orientation has been confirmed through the current Serbian foreign policy which is defined through basic priorities, among cooperation with China occupies a significant place. It should not therefore be surprising that the traditionally good and friendly relations between the two countries in the meantime have grown into the “comprehensive strategic partnership”. Such foreign policy orientation is of great importance for the assessment of the development of economic relations between Serbia and China. Based on the subject analysis, the following conclusions were reached:

1. Economic relations between Serbia and China in the last decade were characterized mutual asymmetry in all economic parameters. The main reason for this situation is a huge difference in economic strength, then Chinese global economic strategy that emphasizes the continuous expansion of Chinese exports and imports on the world markets.
2. As the world's biggest trading power, China needs to strengthen economic cooperation with other countries as possible to safeguard the system of free trade worldwide¹.
3. In line with the “One Belt One Road” initiative, China is trying to open up more to the world and to coordinate its efforts to integrate into the world markets.
4. Such a strategic Chinese approach that should be accompanied by mutual trust, economic cooperation and cultural exchange can also be understood in the context of the implementation of the Chinese development strategy of the “New Silk Road” which includes objectives of previously formulated “Go Global” strategy, with which China has encouraged its companies to exploit the world markets.
5. The Serbia's position towards China's strategy for “Opening Up” which is channelled through the “New Silk Road” development strategy and its initiative “One Belt One Road” is depending on the understanding of global processes in the world and geo-economic interests of China which are linked with the global production chain.
6. The main determinant of Chinese foreign investments in Serbia in this respect follows the “less or more” identical model presented in other countries of Central and Eastern Europe (CEEC). Chinese foreign investments in practice take place within the engagement of Chinese state-owned companies and state banks, with a less participation of local companies in investment operations. These investments are generally secured by state guarantees (or guarantees of central banks of host states)².
7. If Serbia aspires to increase its influence and importance in the international relations on the basis of economic cooperation with China, its business with China must be based on improving industrial capacity through promotion of various types of investments in different areas which could lead to the higher level of industrial competitiveness and overall economic growth³.
8. Following this kind of economic approach, Serbia should be involved in international production chain by means of the global value chains that are derived not

¹ Chi Fulin, *China's Reform in the Shadow of the Global Financial Crises*, Foreign Language Press, Beijing, 2009, pp. 121, etc.

² It should be noted that this Chinese model evokes a certain doubt especially in the case of countries with a strong balance of payments deficit and high external indebtedness like Serbia itself.

³ Chen Xin, Yang Chengyu, “Serbian Industrial Competitiveness and China-Serbia Cooperation”, in: Duško Dimitrijević (ed.), *Danube and the New Silk Road*, Institute of International Politics and Economics, Belgrade, 2016, pp. 289–307; Dragan Pavličević, “China's New Silk Road Takes Shape in Central and Eastern Europe”, *China Brief*, 2015, Volume XV, Issue 1.

only from the ownership forms of foreign investment (forms of FDI), but also from the “portfolio” or “non-equity investments”¹.

9. Serbian companies in this way could participate proportionally in exports through global value chains whose holders can be Chinese and mixed Chinese-Serbian or even, transnational Chinese-CEEC companies which in the future could lead to sustainable economic growth and development.
10. Given that the macroeconomic imbalance of Serbia affects the dynamics and structure of the inflow of foreign direct investments, the structure of Serbian exports to China could be transformed in line with the structure of accumulated assets from these sources. Of course, this is only if the fund of Chinese investment inflows would be increased, which in itself would be a very good sign for strengthening the economic potentials necessary for a gradual reindustrialization of the Serbian real sector, and therefore for the promotion of the “win-win” economic cooperation which can lead to faster consolidation of Serbian-Chinese economic relations, and to more effective implementation of the objectives of the Chinese development strategy of the “New Silk Road”².

Finally, all of the aforementioned conclusions can be reached because the relations between Serbia and China are characterized by mutual understanding and trust and that both countries are open to different forms of political, economic, social, cultural, scientific and technological cooperation³.

References

1. Babić, Blagoje (2016), “New Silk Road — China’s New deal”, in: Dimitrijević Duško (ed.), *Danube and the New Silk Road*, Institute of International Politics and Economics, Belgrade.
2. Blic (2014), “Kineski ZTE: Imamo agresivan poslovni plan za Srbiju” (*Chinese ZTE: We have an aggressive business plan for Serbia*), Retrieved from <http://www.blic.rs/Vesti/Ekonomija/520251/Kineski-ZTE-Imamo-agresivan-poslovni-plan-za-Srbiju>, 04.09. 2015.
3. Chamber of Commerce and Industry of Serbia (2016), *Economy of Serbia*, Retrieved from: <http://www.pks.rs/MSaradnja.aspx?id=73&p=1&pp=2&>, 10.02.2017.
4. Dimitrijević, Duško (2017), “Chinese Investment in Serbia-joint Pledge for the Future of the New Silk Road”, *Baltic Journal of European Studies*, vol. 7, N 1(22).
5. Dimitrijević, Duško, Jokanović, Nikola (2016), “China’s ‘New Silk Road’ Development Strategy”, *Review of International Affairs*, 2016, N 1161.
6. Escobar, Pepe (2015), “The 21st century belongs to China: Why the new Silk Road threatens to end America’s economic dominance”, Retrieved from: http://www.salon.com/2015/02/24/the_21st_century_belongs_to_china_why_the_new_silk_road_threatens_to_end_americas_economic_dominance_partner/, 24.02.2015.
7. Fulin, Chi (2009), *China’s Reform in the Shadow of the Global Financial Crises*, Foreign Language Press, Beijing.
8. Hongjun, Yu (2013), “Sincere Dialogue for Conductive Cooperation”, in: *The Changing World and China in Development*, Papers from: “The Contemporary World Multilateral Dialogue”, China Centre for Contemporary World Studies, China Foundation for Peace and Development, Beijing.
9. Hongyuan, L., Yun, G., Qifa, S. (2012), *China’s Road*, Huangshan Publishing House.
10. Isac Found (2013), „Od četiri stuba spoljne politike do evroskih integracija — postoji li volja za strateško usmerenje spoljne politike Srbije?“ (*From the four pillars of the foreign policy to the European integration — is there a will for the strategic direction of Serbia’s foreign policy?*) Belgrade, 2013.

¹ Jelena Kozomara, “Serbia in international production through global value chain”, in: Pero Petrović (ed.), *Possibilities and perspectives for foreign direct investments in the Republic of Serbia*, Institute of International Politics and Economics, Belgrade, 2014, p. 109.

² Duško Dimitrijević, “Chinese Investment in Serbia-joint Pledge for the Future of the New Silk Road”, *Baltic Journal of European Studies*, 2017, vol. 7, N 1(22), pp. 64–83.

³ Aleksandar Janković, “New Silk Road — New growth engine”, *Review of International Affairs*, 2016, N 1161, p. 16.

11. Janković, Aleksandar (2016) "New Silk Road — New growth engine", *Review of International Affairs*, 2016, N 1161.
12. Kozomara, Jelena (2014), "Serbia in international production through global value chain", in: Pero Petrović (ed.), *Possibilities and perspectives for foreign direct investments in the Republic of Serbia*, Institute of International Politics and Economics, Belgrade.
13. National Bank of Serbia, (2015), *Statistics* Retrieved from: <http://www.nbs.rs/internet/cirilica/index.html>, 29.09.2015.
14. National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs and Ministry of Commerce of the People's Republic of China, (2015), "Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road", Beijing, Retrieved from: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html . 08.03.2016.
15. Pavličević, Dragan (2015), "China's New Silk Road Takes Shape in Central and Eastern Europe", *China Brief*, Volume XV, Issue 1.
16. Petrović Piročanac, Zoran (2014), "The World and a Chinese Non-alignment Strategy of Governance and Development-Brief Survey", In: *Global Trends and China in the Coming Decade*, Papers from: "Contemporary World Multilateral Dialogue 2013, China Centre for Contemporary World Studies, China Foundation for Peace and Development, China Energy Fund Committee.
17. Schwarzenberger, Georg (1969), *Foreign Investments and International Law*, Stevens & Sons, London.
18. Serbian Statistical Office (2015), Retrieved from: <http://webzrs.stat.gov.rs/WebSite/>, 10.02.2017.
19. Tanjug (2016) "Kina i Srbija — strateško partnerstvo i još 21 sporazum", (*China and Serbia — a strategic partnership and another 21 agreements*), 18. Jun 2016, Retrieved from: <http://www.tanjug.rs/full-view.aspx?item=270618&izb=252463&v=252463>, 29.09.2016.
- Tanjug (2016), „Kina i Srbija — strateško partnerstvo i još 21 sporazum (China and Serbia — a strategic partnership agreement and 21)", Retrieved from: <http://www.tanjug.rs/full-view.aspx?item=270618&izb=252463&v=252463>, 18.06.2016.
20. Večernje Novosti (2015), "Kinezi ulažu u mesnu industriju" (*The Chinese are investing in the meat industry*), Retrieved from: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/ekonomija/aktuelN> 239. html:563532-Kinezi-ulazu-u-mesnu-industriju, 18.11.2015.
21. World Economic Forum (2017), "China's \$900 billion New Silk Road — What you need to know", Retrieved from: <https://www.weforum.org/agenda/2017/06/china-new-silk-road-explainer/> 26 June 2017.
22. Xin, Chen, Chengyu. Yang (2016), "Serbian Industrial Competitiveness and China-Serbia Co-operation", in: Duško Dimitrijević (ed.), *Danube and the New Silk Road*, Institute of International Politics and Economics, Belgrade.
23. Xinhua (2013), "Central Committee's Decision on Major Issues Concerning Comprehensively Deepening Reforms", 15 November 2013.
24. Xinhua (2013), "Xi Jinping zai Shanghe zuzhi fenghui fabiao jia tichu 4 dian zhuzhang", Xinhua, 13 September 2013.
25. Xinhua (2015), "China Focus: China sketches out priorities of 'Belt and Road' initiatives", Retrieved from: http://news.xinhuanet.com/english/china/2015-02/01/c_133962709.htm. 11.11.2015.
26. Xinhua (2016), 'Full text of Riga Declaration', Retrieved from http://www.china-ceec.org/eng/zyxw_4/t1414325.htm 20.11.2016.
27. Yongliang, Lin (2017), "The Global Significance of the Belt and Road Initiative", *International Understanding*, CAFIU, Beijing, 2017, Vol. 2, N 2.
28. Zepp-LaRouche, H. (2015), "The New Silk Road Leads to the Future of Mankind!", In: *The New Silk Road becomes the World Land-Bridge*, EIR News Service Inc., Washington.
29. Zuokui, Liu, The Role of Central and Eastern Europe in the Building of Silk Road Economic Belt, *Međunarodni problemi/International Problems*, 67, (2–3).

About the author:

Duško Dimitrijević, Professorial Fellow and former Director of the Institute of International Politics and Economics (Belgrade, Serbia); dimitrijevicd@diplomacy.bg.ac.rs

Об авторе:

Душко Димитријевић, профессор, бывший директор Института международной политики и экономики (Белград, Сербия); dimitrijevicd@diplomacy.bg.ac.rs

Отображение политики протекционизма в современной туристской отрасли

Каранатова Л. Г.^{1*}, Евсюков А. В.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *karanatova-lg@sziiu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Необходимость защиты интересов Российской Федерации в условиях агрессивной санкционной обстановки обуславливает необходимость принятия мер по защите внутреннего рынка и его потребителей. В работе анализируются ключевые экономико-политические события, повлиявшие на стабильность и структуру как въездного, так и выездного туристского потока. Рассматриваются меры, принимаемые для стабилизации и усиления внутреннего туризма. Также в статье поднимается вопрос о рациональности рассмотрения мер, направленных на увеличение объемов внутреннего туризма с позиции импортозамещения.

Ключевые слова: туризм, въездной и выездной туризм, внутренний туризм, туристская индустрия, импортозамещение

Display of Protectionism in Modern Tourist Branch

Karanatova L. G.^{a*}, Evsyukov A. V.^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *karanatova-lg@sziiu.ranepa.ru

ABSTRACT

The necessity to protect the interests of the Russian Federation in the context of an aggressive sanctions situation determine the need to take protecting measures for the domestic market and its consumers. The research analyzes key economic and political developments that have affected to stability and structure both inbound and outbound tourist flow. Measures taken to stabilize and strengthen domestic tourism are observed. The issue of rationality of measures aimed at increasing the domestic tourism volume from the import substitution point of view are also raised.

Keywords: tourism, inbound and outbound tourism, domestic tourism, tourism industry, import substitution

Со дня введения первых экономических санкций в 2014 г. и по настоящее время политика импортозамещения экономики страны не потеряла своей актуальности. Поскольку импортозамещение носит всеобъемлющий характер, то туриндустрия не осталась в стороне. Туризм — важная социально-экономическая отрасль сферы услуг. Прямое воздействие туризма на экономику страны выражается через налоговые поступления в бюджеты разных уровней, а также в формирование валового внутреннего продукта. На данный момент, по данным Ростуризма, доходы от туризма составляют 3,5% ВВП при целевом показателе в 10%¹. Это показывает значительные неисчерпанные возможности в данной отрасли. Такой экономический потенциал делает туриндустрию важным направлением экономического развития. Косвенное воздействие туризма гораздо шире по своей социально-экономической

¹ Официальный сайт «Ростуризм» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russiatourism.ru/contents/deyatelnost/rol-turizma-v-rossiyskoy-ekonomike> (дата обращения: 12.08.2017).

природе, а его совокупное воздействие намного превосходит прямой экономический эффект.

Согласно российскому законодательству, выездной туризм — это путешествия лиц, постоянно проживающих в Российской Федерации, в другую страну (импорт туризма). Именно на уменьшение доли выезжающих граждан за пределы страны и направлены меры по импортозамещению в сфере туризма. В этой связи важно определить, какими механизмами будет достигнута эта цель и какова ситуация с выездным туризмом на данный момент.

По данным Всемирного банка, приведенным на рис. 1, Россия являлась одним из лидеров по показателю выездного туризма, уступая лишь Франции. Тренд роста выездного туристского потока сложился еще в 2006 г. Несмотря на падение числа выезжающих в 2009 г., обусловленное экономическим кризисом, своего пика этот показатель достиг в 2013 г.

По данным Росстата, число выездных туристских поездок россиян в 2014 г. составило 42,9 млн, в 2015 — 34,3 млн, а в 2016 г. это количество упало еще ниже и составило 31,6 млн человек¹. То есть за два года число выезжающих за пределы России в туристских целях снизилось почти на 10 млн человек. При этом стоит отметить снижение темпов падения выездного туристского потока. Для выработки мер по популяризации отечественных курортов и увеличения внутреннего и выездного туристского потока необходимо понять причины выявленной динамики выездного туризма.

Для объяснения столь стремительного падения спроса на заграничные туристские поездки проанализируем данные по структуре выездного туризма. Для анализа структуры спроса на заграничные туристские поездки были взяты данные федеральной службы государственной статистики по числу выездных туристских поездок граждан России в зарубежные страны за три года (табл. 1).

Опираясь на данные табл. 1, мы можем видеть сильное изменение в структуре спроса пятерки лидирующих туристских направлений в 2016 г. относительно 2014 г. Наибольшие изменения в туристском потоке произошли по направлению Турции и Египта (рис. 2 и 3).

Турция в 2015 г. занимала второе место по туристскому потоку из России, он составил 3460 тыс. поездок. В 2016 г. она оказалась на 11-м месте, а число приехавших в эту страну россиян сократилось почти на 77%. Столь резкое падение турпотока было связано с обострением внешнеполитической обстановки и агрессивными действиями со стороны войск Турецкой Республики по отношению к военному контингенту России на территории Сирийской Арабской Республики. В связи с этим 28.11.2015 был подписан Указ Президента РФ № 583 «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики». Среди прочего в тексте указа туроператорам и турагентам рекомендовалось воздерживаться от реализации гражданам Российской Федерации туристского продукта, предусматривающего посещение территории Турецкой Республики. На данный момент эти ограничения сняты.

Арабская Республика Египет, несмотря на сложную внутреннюю политическую обстановку и открытое, подчас вооруженное, гражданское сопротивление властям, в 2014 и в 2015 гг. занимала 5-е место среди выездных туристских направлений из России. Но после террористической атаки, совершенной 31 октября 2015 г.,

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139821848594 (дата обращения: 11.08.2017).

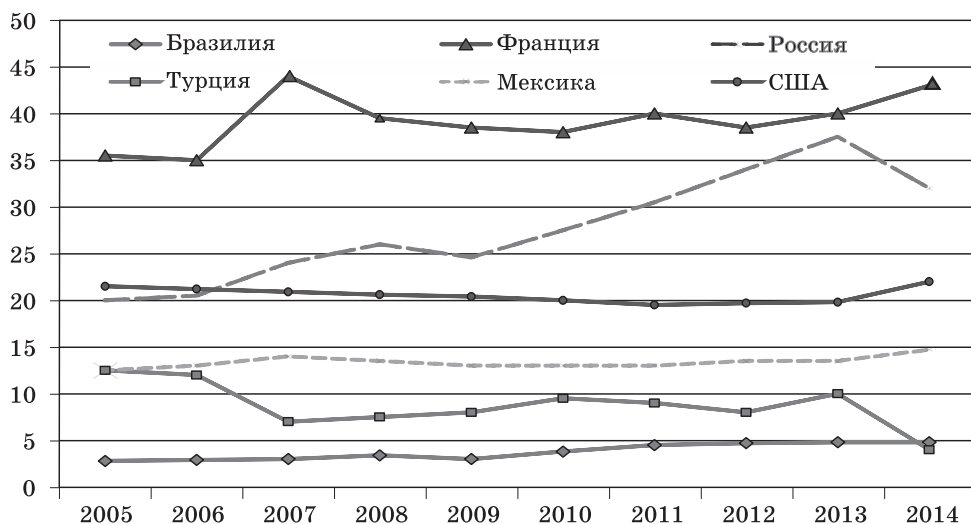

Рис. 1. Число зарубежных поездок жителей разных стран на 100 человек, 2005–2014 гг.
Fig. 1. Number of foreign trips of residents of the different countries to 100 people, 2005–2014

Таблица 1

Число выездных туристских поездок граждан России в зарубежные страны

Table 1. Number of Exit Tourist Trips of Citizens of Russia to Foreign Countries

Направления выездных туристских поездок граждан России	Число выездных туристских поездок граждан России в зарубежные страны по годам (тыс.)			Направления выездных туристских поездок граждан России	Число выездных туристских поездок граждан России в зарубежные страны по годам (тыс.)		
	2014	2015	2016		2014	2015	2016
Финляндия	4283	3067	2894	Испания	1140	693	790
Турция	4216	3460	797	Италия	994	662	710
Казахстан	3330	3125	2850	Литва	798	743	693
Абхазия	3282	3824	4257	ОАЭ	737	472	499
Египет	2 880	2244	Н/Д	Азербайджан	734	584	627
Украина	2558	1657	1804	Кипр	670	550	813
Польша	1608	1322	1104	Болгария	559	413	535
Германия	1435	1111	1057	Грузия	532	651	742
Греция	1165	634	782	Франция	521	408	393
Эстония	1775	1477	1511	Чешская Республика	513	361	367
Китай	1731	1284	1676	Латвия	404	312	339
Таджикистан	1250	675	110	Израиль	361	299	303
Итого по избранным направлениям	34 596	30 028	25 655	Итого за год по всем направлениям	42 921	34 390	31 659

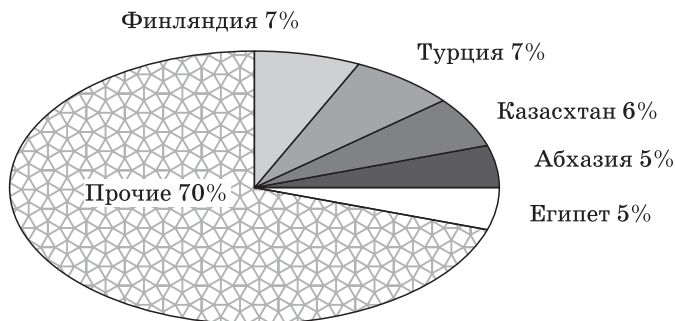

Рис. 2. Доля пяти лидирующих направлений выездного туризма 2014 г. относительно общего выездного туристского потока за 2014 г.

Fig. 2. A share of five leading directions of outbound tourism of 2014 of rather general outbound tourism flow for 2014

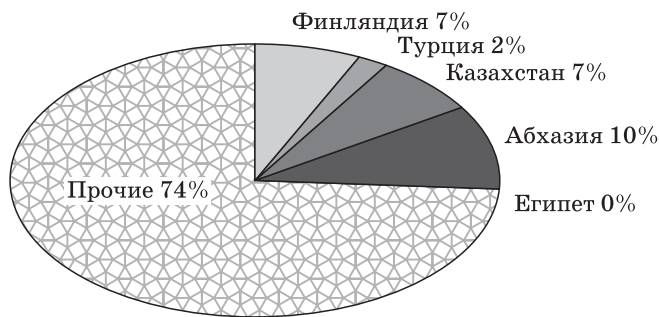

Рис. 3. Доля пяти лидирующих направлений выездного туризма 2014 г. относительно общего выездного туристского потока за 2016 г.

Fig. 3. A share of five leading directions of outbound tourism of 2014 of rather general outbound tourism flow for 2016

приведшей к крушению лайнера Airbus A321 авиакомпании «Когалымавиа», который летел из Шарм-эш-Шейха в Санкт-Петербург, было принято решение приостановить авиасообщение с Египтом. В то же время, туроператорам было запрещено продавать россиянам туры в Египет напрямую и через третьи страны.

Опасность путешествия в Египет сохраняется и на данный момент. Так, 14 июля 2017 г. в одной из гостиниц курорта Хургада в Арабской Республике Египет совершено вооруженное нападение неизвестным на туристов. В результате полученных ударов ножом двое человек скончались, несколько ранены¹. Произошедшее нападение на туристов свидетельствует о сохраняющихся угрозах в связи с наличием криминогенной обстановки на курортах Египта и в очередной раз подтверждает целесообразность принятого решения. В связи с этим, Росстат не обладает данными по турам в Египет за 2016 г., которые должны равняться нулю.

В связи с этими событиями прочие курортные направления показали внушительный прирост турпотока. От принятых запретительных мер выиграли Кипр (плюс 47,8%), Китай (плюс 30,5%), Болгария (плюс 29,6%), Греция (плюс 23,3%), Испания (плюс

¹ «О вооруженном нападении в Египте» Официальный сайт «Ростуризм» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russiatourism.ru/news/13369> (дата обращения: 12.08.2017).

14%), Грузия (плюс 14%), Абхазия (плюс 11%), Италия (плюс 7%). Часть из этих направлений явно смогла увеличить турпоток из-за закрытия направлений Турции и Египта. Но совокупный прирост по всем указанным направлениям в 2016 г. по отношению к 2015 г. составил 1594 тыс. поездок, а на закрытых направлениях совокупное сокращение турпотока составило 4907 тыс. поездок. В итоге, совокупный годовой турпоток в 2016 г. сократился, по отношению к 2015 г., на 2731 тыс. поездок.

Но, как мы видим на рис. 4, резкое снижение турпотока произошло еще в 2014 г., а описанные выше ограничительные меры, хоть и были введены в 2015 г., но привели к снижению в 2016 г. Причиной резкого сокращения турпотока в 2015 г. стало изменение денежно-кредитной политики Центрального банка России в конце 2014 г. Новый курс макрорегулятора предусматривал переход к режиму плавающего валютного курса. Это означает, что курс рубля не является фиксированным, и какие-либо цели по уровню курса или темпам его изменения не устанавливаются.

Данное решение привело к резкому ослаблению рубля к иностранным валютам и доллару США — в частности. Рис. 5 отображает динамику курса доллара США (за 1 USD), на нем мы видим увеличение стоимости одного доллара США по отношению к российскому рублю почти в два раза. Соответственно изменились и возможности россиян на приобретение зарубежных туров, что немедленно отразилось на выездном турпотоке, который сократился на 8531 тыс. поездок, что составляет 19,9% от показателя предшествующего года.

Обратной стороной описанной ситуации является повышение привлекательности российского направления для иностранных туристов. На рис. 6 мы наблюдаем уверенное увеличение объема въездного туристского потока с 25 438 тыс. поездок в 2014 г., до 26 852 тыс. поездок в 2015 г., таким образом увеличение составило 5,6%. При изучении структуры туристского потока, приведенного в табл. 2, можно заметить, что трафик из Европы и Северной Америки стагнирует или даже умень-

Рис. 4. Динамика курса доллара США, рублей за 1 USD, по данным сайта www.banki.ru
 Fig. 4. Dynamics of US dollar exchange rate, rubles for 1 USD, according to the website www.banki.ru

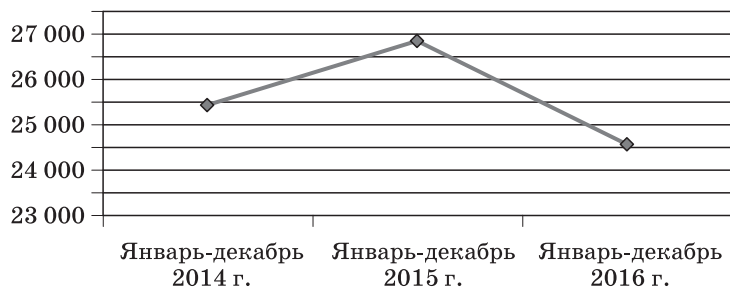

Рис. 5. Число въездных туристских поездок в РФ

Fig. 5. Number of entrance tourist trips to the Russian Federation

Таблица 2

Число въездных туристских поездок иностранных граждан в Россию

Table 2. Number of entrance tourist trips of foreign citizens to Russia

Направления въездных туристских поездок иностранных граждан в Россию	Число въездных туристских поездок иностранных граждан в Россию по годам, тыс.		
	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Итого за год по всем направлениям	25 438	26 852	24 571
Абхазия	357	417	411
Азербайджан	818	856	898
Армения	601	552	596
Беларусь	319	249	134
Великобритания	215	180	177
Германия	584	553	566
Израиль	150	162	179
Италия	207	191	192
Казахстан	3733	4711	3564
Киргизия	339	374	398
Китай	874	1122	1289
Корея	114	136	161
Латвия	295	278	289
Литва	425	237	249
Монголия	158	378	522
Польша	1772	1725	1017
Республика Молдова	618	491	409
США	245	233	239
Таджикистан	482	458	410
Турция	263	239	43
Узбекистан	874	797	597
Украина	8436	8912	8569
Финляндия	1380	1416	1319
Франция	199	171	177
Эстония	331	357	414

шается. Но при этом в 2016 г. ситуация с турпоток из стран Европейского континента кардинально меняется, и подавляющая часть направлений показывает прирост числа туристских поездок.

Почему же тогда турпоток в 2016 г. уменьшился на 8,5% относительно предшествующего года? Снижение числа въездных турпоездов в Россию обусловлено резкой отрицательной динамикой по нескольким странам, что объясняется изменениями как экономического, так и политического характера. Так, сокращение въездного турпотока из Казахстана составило более 50% из общего объема падения туристского трафика. Это, во многом, является следствием снижения курса тенге по отношению к рублю, начиная с середины 2015 г. с 34 до 18,9 руб. за 100 казахских тенге (по данным ЦБ России), и сокращения числа приграничных поездок¹.

Ситуация с падением въезда граждан Польши и Турции является результатом политических решений, в частности, Польша прекратила действие Соглашения о местном приграничном передвижении, а ситуацию с Турецкой Республикой мы подробно рассматривали выше. На этом фоне укрепление рубля в начале 2017 г. и открытие турецкого туристского направления могут развернуть тренд на снижение въездного турпотока и привести к его росту.

Все описанные факторы, оказавшие сильное влияние на въездной, выездной и внутренний турпоток, имеют под собой различные основания и при этом никак не связаны с туриндустрией. Эти обстоятельства демонстрируют сильную зависимость туриндустрии от внешних факторов, не связанных с отраслью напрямую. В связи с этим, принимая решения касательно развития внутреннего и въездного туризма, необходимо проводить комплексную работу, как органов власти, так и частного бизнеса.

В целях обеспечения согласованных действий федеральных и региональных органов власти, общественных, научных и других организаций, ориентированных на развитие внутреннего и въездного туризма, в сентябре 2015 г. при Экспертном совете Министерства культуры Российской Федерации был создан комитет по импортозамещению в туризме. Целью деятельности комитета является определение туристских программ в сфере внутреннего туризма с последующим присвоением программам, получившим положительную экспертную оценку, категории «брендовый маршрут».

Выполнение поставленной цели требует решения ряда комплексных задач, таких как: формирование доступной и комфортной туристской среды, повышение и унификация качества туристских услуг в стране, приведение их в соответствие с международными стандартами, совершенствование системы управления и статистического учета в сфере туризма, комплексное обеспечение безопасности в сфере туризма и устойчивого развития сферы туристских услуг, продвижение туристского продукта Российской Федерации на внутреннем и международном туристских рынках.

Такой подход позволит сделать туризм одной из приоритетных сфер деятельности в экономике страны, вывести туристскую сферу на одно из центральных мест в развитии экономики регионов, формировании современной социокультурной среды и повышении качества жизни населения Российской Федерации².

Также необходимо задаться вопросом: насколько корректно употребление тер-

¹ «Итоги 9 месяцев 2016 года: рост въездного турпотока из ключевых стран сохраняется». Официальный сайт «Ростуризм» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiatourism.ru/news/11910> (дата обращения: 12.08.2017).

² «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года». Официальный сайт «Ростуризм» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiatourism.ru/> (дата обращения: 12.08.2017).

мина «импортозамещение» в туристской отрасли? Ни один институт власти не обладает полномочиями запрещать гражданам совершать туристские поездки в другие страны. В ситуации с Турцией и Египтом были запрещены авиаперелеты в целях безопасности населения, но при желании любой гражданин мог отправиться на отдых в эти страны. Стимулирование развития внутреннего и въездного туристского потока не может являться приоритетным только в период санкционного противостояния и подаваться как цель импортозамещения в данной отрасли, это естественный процесс развития отрасли в рамках открытой рыночной конкуренции.

В последние годы Россия приняла у себя ряд крупных международных спортивных мероприятий, запланированы такие события и в будущем. Это помогло не только привлечь иностранных туристов непосредственно на сами мероприятия, но и сформировать положительный образ России как перспективного туристского направления международного класса. Всемирная туристическая организация включила Россию в топ-10 самых интересных для туризма стран мира, но пока туристские возможности нашей страны остаются нераскрытыми как для иностранных туристов, так, во многом, и для отечественных¹.

Литература

1. Абдуразакова Я. М. Современный международный туризм: тенденции и перспективы // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2010. № 2. С. 159–166.
2. Суханова И. Ф., Лявина М. Ю. Импортозамещение как фактор роста региональной экономики // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология. 2014. № 5. С. 26–36.
3. Королева Н. В. Анализ современного состояния развития туризма в Российской Федерации // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5: Экономика. 2012. № 4 (111). С. 302–308.
4. Мухетдинова Н. М. Импортозамещение в туристской отрасли России // Вестник Финансового университета. 2016. № 2 (92). С. 43–50.

Об авторах:

Каранатова Лариса Геннадиевна, декан факультета дополнительного профессионального образования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; karanatova-lg@sziu.ranepa.ru

Евсюков Александр Валерьевич, аспирант кафедры экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); kjhl06@yandex.ru

References

1. Abdurazakova Ya. M. Modern international tourism: tendencies and prospects // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economy [Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika]. 2010. N 2. P. 159–166. (In rus)
2. Sukhanova I. F., Lyavina M. Yu. Import substitution as factor of growth of regional economy // Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: Economy. Ecology [Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3: Ekonomika. Ekologiya]. 2014. N 5. P. 26–36. (In rus)
3. Koroleva N. V. Analysis of the current state of development of tourism in the Russian Federation // Bulletin of the Adygei State University. Series 5: Economy [Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5: Ekonomika]. 2012. N 4 (111). P. 302–308. (In rus)

¹ Сергей Корнеев: «Новые подходы к продвижению туристического потенциала России дадут возможность добиться роста внутреннего и въездного турпотоков» Официальный сайт «Ростуризм» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiatourism.ru/news/10123> (дата обращения: 12.08.2017).

4. Mukhetdinova N.M. Import substitution in the tourism industry of Russia // Bulletin of the Financial University [Vestnik Finansovogo universiteta]. 2016. N 2 (92). P. 43–50. (In rus)

About the authors:

Larisa G. Karanatova, Dean of the Faculty of Professional Training and Retraining of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; karanatova-lg@szu.ranepa.ru

Alexandr V. Evsyukov, Graduate student of Chair of Economics and Finance of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); kjhl06@yandex.ru

«10 вопросов 100 знаменитым людям России» как формат студенческого телевидения

Ким М. Н.^{1*}, Пак Е. М.¹, Евдокимова Н. Я.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kim-mn@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена проблемам проектирования молодежно-студенческого телевидения СЗИУ РАНХиГС на примере реализации телевизионного проекта «10 вопросов 100 знаменитым людям России». Данный медийный продукт создан силами студентов, обучающихся по направлению подготовки «Журналистика» СЗИУ РАНХиГС. Авторам статьи удалось на комплексном уровне проанализировать все технологические и творческие аспекты, связанные с реализацией и управлением данного проекта. По их мнению, проект «10 вопросов 100 знаменитым людям России» стал своего рода экспериментальной площадкой, где апробировались самые смелые решения и подходы в изучении биографий знаменитых людей, где студенты были включены в непрерывную практическую деятельность по освоению различных телевизионных специальностей: телеоператор, продюсер, телеведущий, монтажер, звукорежиссер, сценарист, корреспондент, редактор.

Именно благодаря этому программа гармонично включилась в учебный процесс, выполняя одновременно воспитательные и просветительские функции.

Ключевые слова: проект, интервью, концепция, жанр, биографический метод, политическое портретное интервью, информационный повод, функция

«Ten Questions a Hundred Famous Russian People» as Format Student Television Broadcasting

Kim M. N.^{a*}, Pak E. M.^a, Evdokimova N. Ya.^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *kim-mn@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of designing television broadcasting for students NWIM RANEPa by example implementation of the television project «Ten questions a hundred famous Russian people». This media product has its own unique. It is created from beginning to the end by the students themselves, studying in the field of training "Journalism" NWIM RANEPa. The authors of the article comprehensively analyzed all technological and creative aspects of this project. In their opinion, the project «Ten questions a hundred famous Russian people» became an experimental platform where the most brave decisions and approaches in studying autobiographies of famous people were tested, where students can engage in self-directed practice activities and mastering of various television specialties: cameraman, producer, TV presenter, editor, sound engineer, screenwriter, correspondent, editor. Therefore the project harmonically joined in the educational process to carry out educational and enlightening functions.

Keywords: project, interview, conception, genre, biography method, portrait political interview, information occasion, function

На факультете социальных технологий СЗИУ РАНХиГС реализуются различные медийные проекты, среди которых особое место занимает программа «10 вопросов 100 знаменитым людям России». Идейным вдохновителем данного телевизионно-

го проекта является директор Северо-Западного института управления В. А. Шамахов, который поставил перед создателями данной программы следующую цель: изучить биографии 100 знаменитых людей России, которые внесли значительный вклад в развитие государственности страны, национальной науки, культуры и искусства.

С самого начала к реализации данного проекта подключились педагоги кафедры журналистики и медиакоммуникаций, сотрудники учебного медиацентра факультета социальных технологий, и, конечно, студенты направления подготовки «Журналистика». В чем же особенность данной программы, каково принципиальное ее отличие от других телевизионных аналогов, наконец, в чем ее главная привлекательность и специфика? С попытки ответа на эти и другие вопросы формировалась концепция данной программы, вырабатывалась ее технологическая и творческая модель, а также рассматривались различные формы взаимодействия между различными ее участниками.

В разработке концепции проекта «10 вопросов 100 знаменитым людям России» был применен комплексный подход. В ходе данной программы ее создатели попытались реализовать различные аспекты:

- *социокультурный аспект* проекта предполагал изучение биографий знаменитых деятелей государственного строительства и управления, а также представителей культуры, науки и искусства, внесшими значительный вклад в развитие человеческой цивилизации;
- *образовательный аспект* подразумевал изучение профессионального опыта знаменитых людей России, чья жизнь могла бы послужить для студентов примером для подражания;
- *развивающий аспект* был нацелен на создание условий для стимулирования гражданской позиции молодежи посредством их включения в осмысление актуальных проблем современности;
- *воспитательный аспект* подразумевал создание условий для воспитания творческой личности, способной к самовоспитанию и самоопределению, желающей способствовать процветанию родины и всего человечества.

Определившись с концепцией передачи «10 вопросов 100 знаменитым людям России», студенты вместе с преподавателями приступили к отбору гостей, исходя из критерия «прогрессивности».

В первом случае для опроса предполагалось отбирать знаменитых людей, которые с помощью своих прогрессивных идей в области науки, искусства, литературы, культуры, политики, экономики продвигают человечество вперед.

Во втором — людей, которые достигли наивысших результатов в своей профессиональной деятельности (герои труда, лауреаты различных государственных и международных премий, чемпионы Олимпийских игр и др.).

В третьем — знаменитых людей из различных сфер жизни, которые отличились своими духовными начинаниями и свершениями, преобразившими мир к лучшему, ставшими носителями высших духовных ценностей, примерами для подражания для подрастающего поколения.

Таким образом, гостями программы за четыре года ее существования стали: Сергей Цыпляев — советский и российский политический и государственный деятель, Павел Коржавых — чемпион мира по джиу-джитсу, Георгий Штиль — народный артист Российской Федерации, Андрей Шпигель — генеральный директор судоподъемной компании «Балтспецфлот», Максим Соколов — министр транспорта Российской Федерации, Майя Пильдес — народный учитель Российской Федерации, Борис Смолкин — заслуженный артист Российской Федерации, Тамара Москвина — советский и российский тренер по фигурному катанию на коньках, Александр Друзь — советский и российский игрок интеллектуальных игр, Иван

Краско — народный артист Российской Федерации, Августин Чисар — генеральный консул Словацкой Республики, Сергей Мигицко — народный артист Российской Федерации, Анастасия Мельникова — заслуженная артистка России, Валерий Таттаров — журналист и телеведущий, Сергей Сметанин — режиссер-постановщик Санкт-Петербургского театра «Мюзик-Холл» и многие другие.

По сути, критерии отбора героев, выделенные студентами, являются частью классификации, созданной в 2001 г. Михаэль Халлером. Автор подробно расписал категории возможных собеседников, а именно: эксперты, свидетели, чиновники, «публика», «звезды», деятели искусства, политики, герои, маргиналы и обычные люди [4].

Деятели искусства. К этому типу собеседников относятся создатели выдающихся художественных произведений, талантливые и при этом часто выделяющиеся своим поведением люди.

Политики. Эти собеседники сочетают в себе две роли — ответственного за происходящее и эксперта по отношению к действиям других лиц.

Герои. Они интересны благодаря своим достижениям, например инвалиды, которые победили свою болезнь, предприниматели, которые создали с нуля фирму, ставшую лидером рынка [4].

Понимание специфики гостей значительно облегчил рабочий процесс по созданию телевизионной передачи, начиная от предварительного знакомства с героем и заканчивая непосредственно интервью.

Первое знакомство с героем передачи происходило после отбора его кандидатуры, в соответствии с обозначенными нами критериями. Далее студенты работали над сбором информации о человеке, используя «биографический» метод.

Биография стала во всех интервью центральным социальным измерением. В центре биографического исследования — изучение течения всей жизни человека, ее внутренней динамики, ее «встроенности» в социум, субъективного управления и приобретенного опыта» [2, с. 159–160].

На основе собранного материала становилось возможным формирование вопросов для интервью.

Вопросник формировался на основе 10 базовых вопросов, которые задавались ведущим каждому гостю передачи вне зависимости от принадлежности к той или иной профессии. Среди них были следующие:

1. Можете ли вы отнести себя к когорте людей, бескорыстно и самоотверженно влюбленных в свою профессию или дело?
2. Известная пословица гласит, что «один в поле не воин». Согласны ли вы с этим утверждением?
3. Говорят, что цель оправдывает средства. Готовы ли вы ради достижения результата действовать вопреки моральным и этическим нормам?
4. В современном мире люди часто агрессивны и нетерпимы в отношении друг друга. За счет чего, на ваш взгляд, можно добиться гармонизации общества и человеческих отношений?
5. Считаете ли вы себя человеком верующим и являетесь ли приверженцем определенной религии?
6. Какова, на ваш взгляд, роль церкви в современном мире?
7. Что такое для вас патриотизм? Какие поступки вы бы назвали патриотичными?
8. Нравится ли вам современная молодежь? Существует ли для вас проблема «отцов и детей»?
9. Были ли в вашей жизни кризисные ситуации? Можете ли вы предложить универсальные рецепты их разрешения?
10. Как вы думаете, что вам удалось сделать в жизни, и какие ростки для будущих поколений заложили вы и ваши ближайшие сподвижники?

Каждый из 10 вопросов подразумевал под собой определенный тематический блок: профессиональный, религиозный, патриотический и т.д. Именно поэтому к каждому такому блоку подготавливалась система «подвопросов», которая формировалась, исходя из биографии человека, его профессии, заслуг и личных интересов.

Подобный подход, разделяющий целостное произведение на «маленькие тематические главки», мы характеризуем как «монтажный». Несмотря на то, что журналисты применяют данный подход по отношению к большим журналистским текстам, в случае длительного телевизионного интервью (до двух часов) он также стал уместным и выполнял те же функции, а именно:

- разбивал всю передачу на тематические блоки;
- в каждом разделе рассматривался тот или иной конкретный вопрос;
- выстраивал все части по принципу сюжетного развития: от завязки до кульминации;
- с помощью логических мостиков придавал всей передаче целостность [2, с. 256].

«Подвопросы» задавали не только ведущие, но и гости студии. Подобная система стала наиболее оптимальной для удерживания внимания аудитории и структурирования мыслей гостя передачи. Кроме этого, в рамках данной передачи студентами была разработана методика «синтетических вопросов». По сути, обозначенная нами методика своими корнями уходит в Древнюю Грецию. Так, например, в своих диалогах Сократ использовал два приема: синкризу и анакризу. Под синкризой, как пишет М.М. Бахтин, понималось сопоставление различных точек зрения на определенный предмет, а под анакризой — различные способы вызывания, провоцирования слов собеседника, заставляющие его высказать свое мнение [1, с. 151].

Приведем примеры «синтетических» («сократовских») вопросов, составленных для программы «10 вопросов 100 знаменитым людям»:

Выпуск от 10.06.14. Гость программы — Максим Соколов:

«Верно ли утверждение, что с возрастом человек больше склонен думать о вере, о душе, о Боге. Скажите, это объясняется осознанием человека бренности своего земного пути, или духовной потребностью в осмыслении пройденного жизненного пути?»

Выпуск от 18.10.14. Гость программы — народный учитель Российской Федерации Майя Пильдес:

«Сегодня много говорят о комплексности образования в школе. Но на деле получается, что школьники сверхзагружены обязательными предметами: биологией, физикой, математикой и т.д., которые не будут выбраны потом в качестве образовательной траектории. Как же быть в таком же случае с комплексностью?»

Выпуск от 23.12.14. Гость программы — советский и российский тренер по фигурному катанию на коньках Тамара Москвина:

«У современного поколения фигуристов есть все возможности и условия для занятия фигурным катанием. В ваше время таких условий не было. Что больше способствует достижению высоких результатов: комфортная современность или жесткость старой школы?» Применение методики «синтетических» или по-другому «сократовских» вопросов на сегодняшний день редкое явление как для молодежно-студенческих передач, так и для всего телевидения в целом. Между тем именно вопросы подобного типа создают особое взаимодействие между гостем передачи и интервьюером, формируя широкую палитру реакций и реплик, как с одной, так и с другой стороны.

Также при создании вопросов студенты исходили и от их функциональной значимости. Если проанализировать подвопросы с точки зрения функции, которую они выполняют в интервью, то, на наш взгляд, наиболее удачной, является классифи-

кация А. В. Колесниченко, который подразделяет вопросы на предметные (получение информации), управляющие (управление диалогом) и поведенческие (манипулирование собеседником) [3, с. 56].

Предметные вопросы:

- фактицирующие вопросы (вопросы о реальных событиях): «В 2008 г. вас наградили медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Скажите, за что вам вручили данную награду?» (выпуск от 10.06.14, гость программы — министр транспорта Российской Федерации Максим Юрьевич Соколов);
- оценивающие вопросы (вопросы об отношении собеседника к кому-то или чему-то): «Сейчас в нашей стране множество вузов, готовящих актеров. С одной стороны хорошо, что дается возможность для амбициозных и активных студентов, но с другой стороны — это похоже на конвейерное производство. Как вы считаете, как это отражается на атмосфере театра и творческой труппе?» (выпуск от 18.01.15, гость программы — народный артист Российской Федерации Иван Краско);
- интроспекционные вопросы (вопросы о чувствах собеседника): «Перенесемся немного в прошлое. Ваше первое тренерское золото вам принесли в 1984 г. в Сараево Елена Валова и Олег Васильев. Помните свои ощущения?» (выпуск от 23.12.14, гость программы — советский и российский тренер по фигурному катанию на коньках Тамара Москвина);
- проективные вопросы (вопросы о возможном поведении собеседника в воображаемых ситуациях): «Сергей Григорьевич, давайте представим такую ситуацию. В современном мире нет театра. Есть культура, музыка, живопись, а театра нет. Каким был мир и люди? А кем были бы вы?» (выпуск от 12.07.15, гость программы — народный артист Российской Федерации Сергей Мигицко);
- гипотетические вопросы (вопросы о возможных событиях и условиях их развития): «Может ли сегодня Интернет заменить школьную библиотеку?» (выпуск от 18.10.14, гость программы — народный учитель Российской Федерации Майя Пильдес).

Управляющие вопросы:

- открывающие вопросы (начало интервью): «Максим Юрьевич, за годы своей профессиональной деятельности вы имели возможность попробовать свои силы и в педагогике, и в науке, и в бизнесе, и в управлении. Скажите, пожалуйста, какая из сфер вашей деятельности наиболее вам близка?» (выпуск от 10.06.14, гость программы — министр транспорта Российской Федерации Максим Соколов);
- переходные вопросы (содержат часть высказывания собеседника и новый вопрос, создают впечатление непрерывности разговора): «Вы сказали о своем несколько отстраненном отношении к религии и к церкви. Но, как вы считаете, способна ли религия как носитель национальной культуры возродить национальный дух и самосознание у молодых людей?» (выпуск от 22.05.14, гость программы — генеральный директор судоподъемной компании «Балтспецфлот» Андрей Шпигель);
- фильтрующие вопросы (содержат фрагмент ответа и просьбу об уточнении): гость: «Если бы я себе избирал профессию, помимо актерской, она была бы романтическая. Что я называю романтической? Ну, вот, к примеру, смотритель за маяком»; вопрос из зала: «То есть вы одинокий романтик?» (выпуск от 12.07.15, гость программы — народный артист Российской Федерации Сергей Мигицко);
- утверждающие вопросы (восклицания и просьбы рассказывать дальше): гость: «Есть, какое-то излучение эмоциональное, интеллектуальное, душевное, художественное, которое передается людям. И люди понимают, что этот дедушка не зря вышел на сцену. Он нам сообщит что-то очень серьезное, важное...»; ведущий: «Да! А можно вас попросить одну реплику своего героя нам произнести,

чтобы все ребята тоже это прочувствовали (выпуск от 18.01.15, гость программы — народный артист Российской Федерации Иван Краско);

- когнитивные вопросы (предлагают осмыслить и оценить только что прозвучавший ответ): гость: «Может, я обделен духовностью? Может, я ненормальный. Есть шутка: выгоднее, конечно, верить в Бога, потому что если окажется, что Бога нет, вы же ничего не теряете. А если окажется, что Бог есть, то вам в награду будет бессмертие»; ведущий: «А вы не считаете, что верить из-за выгоды, это все равно верить? Ведь если мы боимся, то значит, мы уже это принимаем?» (выпуск от 27.11.14, гость программы — заслуженный артист Российской Федерации Борис Смолкин).

Усилительные вопросы, повторяющие высказывания собеседника в более жесткой, категоричной форме, и провоцирующие вопросы, выясняющие психологическое состояние гостя, ни в одном из выпусков программы не были применены.

На наш взгляд, тщательная проработка вопросов является творческой доминантой создания программы «10 вопросов 100 знаменитым людям», так как именно эта часть журналистской деятельности формирует творческую индивидуальность проекта и выделяет его на фоне других студенческих программ, выполненных в жанре интервью и его возможных модификаций.

Другой аспект, выделяющий формирование вопросов, как творческую доминанту — это коллективный творческий процесс по составлению вопросника. Именно этим, на наш взгляд, объясняется природа активности студентов не только в период подготовки передачи, но и во время ее проведения.

Подытоживая сказанное, отметим, что на этапе формулирования вопросов нами был учтен ряд тенденций:

- дефрагментация (обновление), а также привлечение массовой аудитории (за счет разнообразия вопросов);
- стремление к вовлечению целевой аудитории в процесс создания интересного ей продукта.

Таким образом, именно благодаря богатой палитре приемов, используемых ведущими и участниками программы, проект «10 вопросов 100 знаменитым людям России» приобрел такие черты, как:

- зрелищность;
- использование разговорного языка;
- позитивный, живой настрой в подаче материалов (в данном случае, в проведении интервью).

Значимой составляющей в реализации данной программы является ее включенность в образовательный процесс. Именно в рамках этого проекта стало возможным сотворчество между преподавателями и учащимися, совместный поиск оригинальных творческих решений и анализ производственных ошибок, а главное — создание оригинального телевизионного продукта. Таким образом, проект «10 вопросов 100 знаменитым людям России» стал своего рода экспериментальной площадкой, где апробировались самые смелые решения и подходы в изучении биографий знаменитых людей, где студенты были включены в непрерывную практическую деятельность по освоению различных телевизионных специальностей: телеоператор, продюсер, телеведущий, монтажер, звукорежиссер, сценарист, корреспондент, редактор. В 2016 г. на материалах данного проекта студентка направления подготовки «Журналистика» Н. Я. Евдокимова, неизменная ведущая данной программы, подготовила и успешно защитила под научным руководством доцента Е. П. Пак выпускную квалификационную работу на тему: «Тенденции развития молодежных телевизионных программ (на примере вузовских телестудий)». Сегодня под аналогичным названием готовится книга.

Что же на сегодня представляет проект «10 вопросов 100 знаменитым людям России»? Прежде всего, — это серия передач, выполненных в жанре портретного

интервью. Выбор данного жанра был обусловлен следующими обстоятельствами: во-первых, интересом студентов к той или иной знаменитой личности, во-вторых, возможностями данного жанра проникать во внутренний мир героев телевизионной передачи, в-третьих, биографической достоверностью, в-четвертых, особой тональностью передачи, во многом зависящей от речи собеседника журналиста. В рамках проекта студенты использовали различные *разновидности портретного интервью*, к которым можно отнести следующие:

- *событийное портретное интервью*, основанное на каком-либо факте или эпизоде из жизни героя. Целью данного интервью является информирование общественности о тех или иных деяниях или действиях человека;
- *биографическое портретное интервью*, основной задачей которого является создание целостного образа человека через выяснение наиболее значимых фактов и эпизодов биографии, которые в наибольшей степени повлияли на его судьбу;
- *политическое портретное интервью*, основанное на признаниях и высказываниях известных политиков по поводу их политических пристрастий и взглядов, а также осмысления ими собственной политической карьеры;
- *юбилейное портретное интервью*, поводом для празднования которого является празднование юбилея известного деятеля культуры, искусства, литературы, науки и т. д.

Основным стимулом для подготовки событийного портретного интервью выступал некий информационный повод. Например, правительственная награда, полученная человеком за выдающиеся заслуги в какой-либо области жизни; победа на крупных спортивных соревнованиях; премьера спектакля; выход нового музыкального альбома и т. д. Среди таких гостей был Павел Коржавых, ставший чемпионом мира по джиу-джитсу; Андрей Шпигель, построивший в поселке Заречье Ленинградской области храм на месте сожженной в годы войны деревни.

Если основной задачей портретного событийного интервью являлся показ человека через событие, то в основе *биографического портретного интервью* лежала личная или профессиональная судьба человека. В ходе таких бесед студенты стремились получить разнообразные сведения о наиболее значимых для человека этапах жизни, о его жизненном опыте, смене социальных статусов, жизненных приоритетах и целях и т. п. Посредством этого субъективного материала и пытались воссоздать в конечном итоге историю жизни одного человека. Чтобы она не напоминала развернутую биографическую справку, будущие журналисты старались отобрать наиболее характерные для героя произведения высказывания, раскрывающие внутреннюю динамику духовного роста человека, его нравственные поиски, социальные ориентации и взаимоотношения с окружающим миром. Кроме того, в подобного рода интервью будущие журналисты стремились к тому, чтобы сам человек рассказал о том, как индивидуальный опыт соотносится с социальным опытом его поколения.

Обращение к биографическим сведениям позволяло нашим телевизионным ведущим стимулировать собеседников к тому, чтобы они реконструировали свою жизнь через некие исторические события. Поэтому во многих передачах четко проглядывается связь между биографией как субъективной конструкцией и биографией как социальной действительностью. Именно подобного рода интервью вызывали у наших студентов наибольший зрительский интерес, побуждая людей к размышлению.

В своем проекте «10 вопросов 100 знаменитым людям России» мы использовали и политическое портретное интервью. Среди известных политиков были бывший представитель президента Российской Федерации в Санкт-Петербурге, а ныне декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС С.А. Цыпляев; министр транспорта РФ М.Ю. Соколов. наших студентов в ходе данных интервью интересовали не только социально-политические отношения человека с различными политическими инсти-

тутами и социальными группами (социологический аспект), но и внутренние психологические процессы, происходящие в жизни отдельного индивида. В первом случае студенты интересовались всем тем, что касается непосредственно политической и государственной деятельности человека: политические взгляды и идеологические установки, ценностные представления личности и ее оценки различных сторон общественной жизни, место и роль политика в той или иной политической системе, цели политической борьбы и многое другое. В силу того, что данная сфера очень многопланова и многообразна, наши студенты всегда интересовались тем, что же скрывается за социальной оболочкой человека, а точнее, его политическим имиджем, старались вскрыть и его личностную сферу.

Юбилейное портретное интервью. Примером подобного интервью может служить празднование дня рождения почетного гражданина Санкт-Петербурга М. М. Боброва. В данном случае важно было показать тот позитивный вклад, который внес человек в жизнь общества. Юбилейная дата являлась лишь поводом к разговору с героем о его судьбе. Главное, на чем концентрировались наши интервьюеры, — это на духовных исканиях личности.

Как показывает практика, особой популярностью пользовались у наших студентов интервью с деятелями культуры и искусства. И это понятно. О людях творческих профессий снимать всегда интересно, потому что их жизнь сама по себе представляет постоянный творческий поиск. Поэтому среди наших гостей были: народные артисты Российской Федерации Г. А. Штиль, С. Г. Мигицко, М. С. Боярский, И. И. Краско и др. В данном случае студенты интересовались не только творческими их работами, но и личной творческой биографией. В подобного рода интервью студенты сосредоточивали внимание, как правило, на различных аспектах творческой деятельности человека, выявляли наиболее значимые моменты духовного становления личности, проявляли интерес к трудам человека в контексте духовной жизни общества. Но самым трудным в подобного рода интервью являлось то, когда студенты пытались побудить гостей студии к осмыслению собственной судьбы. Ведь судьба, по меткому замечанию М. М. Бахтина, — это «всесторонняя определенность бытия личности, с необходимостью предопределяющая все события ее жизни; жизнь, таким образом, является лишь осуществлением (и исполнением) того, что с самого начала заложено в определенности бытия личности» [1, с. 151].

Таким образом, если говорить в целом о включенности проекта «10 вопросов 100 знаменитым людям России» в учебный процесс, то здесь отметим следующие позитивные моменты:

Во-первых, выбор жанра интервью, а также проработка темы, идеи и концепции программы способствовали освоению студентами новых профессиональных компетенций в области журналистского творчества.

Во-вторых, являясь непосредственными участниками всех технологических процессов по созданию передачи, начиная от подбора и приглашения гостей и заканчивая проработкой портфолио будущего собеседника, студенты успешно освоили и стали активно применять на практике «биографический» метод в изучении интересующего их человека.

В-третьих, за счет использования методики «синтетических» («сократовских») вопросов, а также благодаря составлению вопросов с различной функциональной значимостью, значительно расширились рамки потенциальной аудитории. Благодаря разнообразной палитре вопросов разговор между интервьюером и гостем приобрел разнонаправленный характер, а значит, становился ориентированным на более широкий круг зрителей.

Богатство реакций собеседников, разнообразие реплик, обсуждения, развернутые ответы со стороны гостей, по сути, являются следствием всех этапов подготовки программы в жанре портретного интервью. К слову, именно благодаря

активности собеседников программа приобрела зрелищность и позитивный, живой настрой.

Перечисленные нами выводы говорят об оптимальности модели программы «10 вопросов 100 знаменитым людям», с точки зрения ее включенности в учебный процесс, а также приобретения воспитательной и просветительской функции. Именно данная модель студенческого телевидения и будет реализована в будущих передачах в рамках данного проекта.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Ким М. Н. Основы творческой деятельности журналиста. СПб. : Питер, 2011.
3. Колесниченко А. В. Практическая журналистика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008.
4. Haller M. Das Interview. Konstanz: UVK Medien, 2001. P. 152–168.

Об авторах:

Ким Максим Николаевич, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор филологических наук; kim-mn@sziu.ranepa.ru

Пак Екатерина Максимовна, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат филологических наук; EMPak@yandex.ru

Евдокимова Наталия Яновна, редактор газеты «Академия» Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

References

1. Bakhtin M. M. Esthetics of verbal creativity. M., 1979. (In rus)
2. Kim M. N. Bases of creative activity of the journalist. SPb. : Piter, 2011. (In rus)
3. Kolesnichenko A. V. Practical journalism. M. : Publishing house of the Moscow State University, 2008. (In rus)
4. Haller M. Das Interview. Konstanz: UVK Medien, 2001. P. 152–168.

About the authors:

Maksim N. Kim, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philology), kim-mn@sziu.ranepa.ru

Ekaterina M. Pak, Associate Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philology; EMPak@yandex.ru

Natalia Ya. Evdokimova, Editor of the newspaper "Academy" of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation)

Роль современной корпоративной культуры в развитии компаний

Соснило А. И.^{1, 2, *}, Снеткова Д. А.²

¹Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (НИУ ИТМО), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *a_sosnilo@mail.ru

²Санкт-Петербургский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены современные тенденции изменения роли корпоративной культуры в международных компаниях, раскрыто значение корпоративной культуры в развитии компаний, приведены примеры удачного построения корпоративной культуры, использования человеческого капитала, поддержки проектов сотрудников внутри компаний. Приведено видение построения развитой корпоративной культуры руководителями крупных мировых и отечественных компаний.

Ключевые слова: человеческий капитал, корпоративная культура, организационная культура, инновации, Касперский, Google, Amazon, Toyota, Mars, Zappos, Starbucks, Zara, Северсталь

Role of Modern Corporate Culture in Companies Development

Sosnilo A. I.^{a, b, *}, Snetkova D. A.^b

^aITMO University, Saint-Petersburg, Russian Federation; *a_sosnilo@mail.ru

^bSaint-Petersburg branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article considers modern trends in the role of corporate culture in international companies and reveals the importance of corporate culture in the development of companies. It gives examples of successful construction of corporate culture, using human capital, supporting employees's projects within companies. Also the article considers the vision of building a developed corporate culture by the leaders of large world and domestic companies.

Keywords: human capital, corporate culture, organizational culture, innovation, Kaspersky, Google, Amazon, Toyota, Zara, Mars, Zappos, Starbucks, Severstal

Современное понимание корпоративной культуры основано на совокупности моделей поведения, которые приобретены организацией в процессе адаптации к внешней среде и внутренней интеграции. Отдельные авторы, такие как Кеннет Клок и Джоан Голдсмит, заявляют о закате эпохи менеджмента, провозглашая организационную демократию. Т. Питерс говорит: «Я не против стратегического планирования как процедуры. Если она вас радует, занимайтесь планированием. Только не забудьте еженедельно обновлять пятилетние стратегические планы, чтобы не отстать от глобальных изменений!» [4]. Другой гуру современного менеджмента П. Друкер, говорит о том, что корпоративная структура «съедает» стратегию на завтрак.

В основе изучения понятия корпоративной культуры лежат работы многих исследователей, в первую очередь авторов, проводивших экспериментальное исследование компаний, таких как Э. Мэйо и М. Далтон. Такой термин, как «корпоративная культура» был использован еще в XIX в. немецким военным теоретиком

и одним из идеологов германского милитаризма генералом-фельдмаршалом Хельмутом фон Мольтке. Х. Мольтке употреблял данный термин применительно к взаимоотношениям внутри офицерской среды.

Эволюция понятия корпоративной культуры существенно изменила содержание данного понятия. В одной из первых формулировок понятия корпоративной культуры Э. Жак в 1952 г. определяет ее так: «Культура предприятия — это вошедший в привычку, ставший традицией образ мышления и способ действия, который в большей или меньшей степени разделяют все работники предприятия и который должен быть усвоен и хотя бы частично принят новичками, чтобы новые члены коллектива стали „своими“» [7, р. 251].

В 1969 г. в США вышла книга, написанная группой исследователей из Корнелльского университета во главе с Х. Трайсом и посвященная различным производственным традициям и обрядам.

Л. Элдридж, А. Кромби в 1974 г. вкладывают уже несколько иной смысл, дополняя определение отдельными аспектами: «Корпоративная культура — уникальная совокупность норм, ценностей, убеждений, образцов поведения и т. п., которые определяют способ объединения групп и отдельных личностей в организацию для достижения поставленных перед ней целей» [6].

В 1982 г. вышло исследование экспертов Бостонской консалтинговой группы Дила и Кеннеди «Корпоративные культуры», после чего к исследованию корпоративной культуры присоединилось еще большее число исследователей.

Отечественные исследователи корпоративной культуры Ю. Г. Одегов и П. В. Журавлев в 1997 г. предложили следующую формулировку определения: «Культура организации — это совокупность типичных для нее ценностей, норм и точек зрения или идей, которые сознательно или подсознательно формируют образец поведения для сотрудников организации»¹.

Один из ведущих отечественных исследователей корпоративной культуры В. А. Погребняк в 2004 г. предложил следующую формулировку: «Организационная культура — это особая сфера организационной реальности, которая состоит из комплексов специализированных и определенным образом упорядоченных материальных и виртуальных ресурсов и результатов труда работников, включающих в себя систему сложившихся межличностных отношений, объединяет совокупности взаимосвязанных организационных явлений и процессов, в недрах которых благодаря целенаправленным действиям персонала, осуществляемым сразу в трех обособленных культурных пространствах: производственном, экономическом и социальном происходит преобразование вышеуказанных ресурсов и частичных результатов в конечные продукты деятельности системы в целом» [3].

В. А. Погребняк впервые выделил три культурных пространства: производственное, экономическое и социальное. В них осуществляется «преобразование материальных и виртуальных ресурсов в конечные продукты деятельности системы в целом». Также В. А. Погребняк выделил корпоративную культуру в «особую сферу организационной реальности». Его предшественники и ученые, которые изучали теоретические аспекты корпоративной культуры, не выделяли культуру в организации в определенную сферу.

Проанализировав вышеизложенные определения корпоративной культуры, можно прийти к выводу, что основная суть корпоративной культуры, а именно, совокупность норм и образцов поведения, которую разделяют все сотрудники, оставалась неизменной и дополнялась различными аспектами в трудах исследователей. В процессе эволюции данного понятия происходило дополнение данного понятия

¹ Одегов Ю. Г., Журавлев П. В. Управление персоналом : учебник. М. : Финстатинформ, 1997.

отдельными аспектами и элементами, зачастую на основе практических решений, нашедших место в деятельности, в первую очередь, крупных корпораций. Далее будут рассмотрены практические аспекты построения корпоративной культуры ведущих крупных международных компаний.

Компания Toyota, продающая более 10 млн машин в год, занимает твердое третье место в мире по объему продаж автомобилей по итогам 2017 г., модель Corolla очередной год подряд стала самым продаваемым автомобилем в мире (1,2 млн ед.). Японская компания является феноменом и образцом для подражания во многих аспектах деятельности.

Корпоративная культура компании рассматривается как составная часть ее ДНК, позволяющая устойчиво разворачивать бизнес в различных странах, в то же время избегая потенциальных угроз, связанных с размытием ее принципов [2]. В центре этой модели развития находится поток создания ценности сотрудника (рисунок). Toyota обучает своих сотрудников не только работе, но и глубокому анализу проблем, а также воспитывает приверженность корпоративным ценностям Toyota.

Для Toyota ключевым фактором в обеспечении конкурентоспособности является сильная «человеческая система». Техническая и социальная система работают вместе, в результате чего возникает корпоративная культура коллективного труда при решении проблем [2].

Оборот компании Toyota за 2016 г. составил 258 млрд долл., а чистая прибыль — 21 млрд.

Интересным примером применения развития корпоративной культуры является интернет-магазин обуви Zappos, который за 10 лет смог вырасти из компании с офисом в небольшой спальне до многомиллиардной корпорации. Сегодня компания Zappos считается бизнесом с одной из самых развитых корпоративных культур в мире.

Основатель компании Тони Шей — американский интернет-предприниматель, венчурный капиталист, сказал: «Если у вас правильная корпоративная культура, большинство прочих вещей — таких как обслуживание клиентов, или строительство бренда в долгосрочной перспективе, или увлеченные делом работники и счастливые потребители — появятся естественным образом, сами по себе».

В компании Zappos существует собственная книга о корпоративной культуре, в которой записывались мнения работников и партнеров (без цензуры). Данная книга стала механизмом воспроизводства ДНК компании [5, с. 82].

Формально корпоративная культура Zappos определяется набором из десяти ключевых ценностей.

1. Вызвать «вау!» — чувство нашим обслуживанием.
2. Принимать и поощрять изменения.
3. Создавать веселую и немного необычную атмосферу.
4. Любить приключения, творчески и нестандартно мыслить.
5. Приветствовать рост и обучение.
6. Строить открытые и честные отношения посредством обмена информацией.
7. Создавать позитивный дух и семейную обстановку.
8. Делать больше меньшими средствами.
9. Быть увлеченными и решительными.
10. Быть скромными.

К 2008 г. продажи Zappos составили 1 млрд долл., а в ноябре 2009 г. Zappos был приобретен Amazon за 1,2 млрд долл.

Компания смогла создать среду, где приятно работать. В результате чего она получает высокие дивиденды в виде довольного персонала и не менее довольных клиентов.

Процессы организационной поддержки Toyota
Processes of organizational support of Toyota

Starbucks Corporation — американская компания по продаже кофе и одноименная сеть кофеен. Сеть Starbucks объединила свыше 24 тысяч торговых точек по всему миру. Основателями компании являются Джерри Болдуин, Зев Сигл и Гордон Боукер.

Компания Starbucks похожа на большую семью, в которой руководители воспринимаются как воспитатели и где существуют свои традиции. Именно забота не только о своих клиентах, но и о своих сотрудниках вывела компанию на такой высокий уровень.

В Starbucks есть зеленый буклетик — «Книга зеленого передника», где перечислены руководящие принципы, общие для всех работников компании. Данная книга не содержит инструкций и запретов, она напоминает о том, что можно делать [1].

Основные принципы Starbucks перечислены ниже.

1. Самоосознание: всегда носить одну и ту же шляпу.
2. Понимание целей: делать то, что правильно, а не то, что хорошо для карьеры.
3. Самостоятельность: тот, кто подметает пол, вправе выбрать веник.
4. Чуткость: забота должна быть неподдельной.
5. Умение слышать правду: у вещей есть голос.
6. Откровенность: только правда звучит правдоподобно.
7. Активность: мыслить, как человек действия, действовать, как человек мысли.
8. Противостояние трудностям: мы прежде всего люди.
9. Авторитет: спокойный негромкий голос посреди оглушительного шума.
10. Смелые мечты: «да» — самое могущественное слово на свете.

Выручка компании Starbucks за 2016 г. составила 21,3 млрд долл., а чистая прибыль — 2,8 млрд долл.

Испанская компания Inditex Group под руководством главы компании Амансио Ортега (покинул пост президента в 2011 г. в возрасте 75 лет) смогла добиться огромного успеха и превратиться в огромную империю, которая включает в себя набор известных на весь мир брендов (Zara, Massimo Dutti, Pull & Bear, Stradivarius, Oysho, Bershka) и тысячи магазинов в разных уголках планеты.

Ортега со своей командой управленцев смогли превратить Inditex в одну из самых больших компаний в этом секторе экономики с полной вертикальной организацией создания продукции. Другие крупные игроки индустрии, такие как GAP и H&M, создают только дизайн и реализуют товар в своих магазинах, но, как правило, не производят сами. Компания Benetton разрабатывает собственный дизайн и производит одежду, но магазины открываются по принципу франшизы. Inditex Group владеет собственными фабриками по производству одежды (более 6 тыс.), а также обеспечивает себя тканями и красителями.

Испанская компания смогла создать уникальную систему обратной связи с рынком. Это позволяет в кратчайшие сроки вносить изменения, в зависимости от объемов продаж или трендов. Такой подход диктует необходимость создания коллекции за 2–4 недели. Такой скоростью не может похвастаться ни один из модных домов. Компания быстро может полностью отказаться от новой линии одежды, если она не продается, и заменить коллекции новыми моделями за несколько дней.

Zara обновляет ассортимент своих магазинов каждую неделю, а иногда два раза в неделю в Европе. Постоянные клиенты компании понимают, что в магазине постоянно появляются новинки и чаще заглядывают в них, чем в другие. Покупатели в среднем посещают магазины других марок четыре раза в год, тогда как магазины Zara 17 раз в год.

При этом даже самые продаваемые и популярные модели не задерживаются в магазинах больше месяца. Покупатели знают такую особенность и знают, что не найдут в магазине понравившийся товар уже через неделю. Это означает, что покупатели должны совершить покупку немедленно. Цель такого подхода создать атмосферу дефицита и потери существующей возможности.

Творческий отдел, а это около 600 сотрудников, состоит из рядовых европейских дизайнеров. В Inditex Group не делают ставку на «звезду», чтобы не рисковать. Если «обычный» дизайнер уходит к конкурентам, катастрофы не случается.

Другая составляющая успеха компании — это подход к сотрудникам. Находясь на должности, большинство руководителей даже среднего звена А. Ортега подбирал самостоятельно. Другим достижением компании является тот факт, что большинство руководителей в компании (90%) начинали с должности консультанта в магазине или ниже, но смогли самостоятельно вырасти, добрались до самых высоких позиций. На определенном этапе Inditex Group перестала принимать на работу управленцев с рынка труда, «выращивая» собственных менеджеров внутри компании. Так, например, некогда один из водителей грузовика, работавший в компании, впоследствии стал одним из крупных руководителей, отвечающим за направление мужских рубашек.

Среди качеств, которые позволили руководителю компании создать такую крупную компанию, бывшие коллеги А. Ортега отмечают интуицию, креативность, способность вдохновлять, делегирование принятия многих решений и ответственности за их реализацию, самоотдачу делу, демократические принципы управления, умение слушать, перфекционизм, амбиции, стремление вывести компанию в лидеры. Еще двумя важными чертами являлись упрямство и привычка создавать искусственную конкуренцию в команде.

При этом на протяжении долгих лет А. Ортега лично контролировал все происходящие в компании процессы. Все праздники он всегда был на работе, не исключением были и Рождество, и дни рождения. Сам он так обосновывал свой выбор: «Если я хочу, чтобы все продолжало функционировать, я должен стоять на своем посту, как обычно»¹.

Руководитель компании большую часть своего рабочего времени проводил в дизайнерском отделе. В данный отдел поступали заинтересовавшие дизайнеров образцы одежды со всего света. Компанию неоднократно обвиняли в заимствовании чужого дизайна, но Ортега говорил о таком способе создания новых коллекций, лишь как о возможности черпать вдохновение в том, что нравится людям и что они ищут на международном рынке. Компания анализирует предметы одежды, расширяет их, создает новые эскизы, адаптирует новые модели к стилю компании и выпускает на рынок.

Фактически у руководителя компании не было собственного офиса, он считал, что его работа не бумажная, а работа непосредственно на фабрике. Ортега на работе был похож на мастера цеха, лично осуществлял раскройку, шил за машинкой, обсуждал новые модели, выбирал отдельные элементы или решения, вместе с остальными сотрудниками обедал в столовой и посещал фабричный стадион.

В компании принят демократический стиль управления, что дает возможность сотрудникам открыто высказывать свою точку зрения и брать на себя личную ответственность за реализацию конкретных идей. Компания как никто из крупных игроков на рынке дает возможность закупщикам коллекций одежды для магазинов самостоятельно формировать ассортимент в магазинах и затем корректировать его.

Девизом менеджмента компании можно назвать любовь к сотрудникам, понимание их забот, положения дел в их семьях, помощь и готовность находиться рядом с сотрудниками. Благодаря этому, по мнению Ортеги, сотрудники будут целиком отдавать себя компании. При этом руководитель компании всегда решительно расставался с людьми, не готовыми к самоотдаче на пользу организации. Чистая прибыль испанской Inditex Group за 2017–2018 финансовый год (на 31 января 2018 г.) увеличилась по сравнению с предыдущим периодом на 6,6% и достигла 3,368 млрд евро.

¹ Мархулия Екатерина. Король в одежде: как основатель Zara стал богатейшим человеком в мире. 15.09.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/15/09/2016/57daa1cf9a7947c8dda4006d> (дата обращения: 05.05.2018).

Одним из самых ярких примеров развитой корпоративной культуры среди отечественных компаний является Лаборатория Касперского — компания, специализирующаяся на разработке систем защиты от компьютерных вирусов, спама, хакерских атак и других киберугроз. Компания ведет свою деятельность более чем в 200 странах мира.

Евгений Касперский — российский программист, один из основателей, основной владелец (82% акций) и нынешний глава АО «Лаборатория Касперского» описывает корпоративную культуру своей компании следующим образом: «Дух компании — все-таки очень важная составляющая успеха. Пример наших коллег-конкурентов показывает: агрессивная политика поглощения производителей ни к чему хорошему не приводит. Именно поэтому сейчас сотрудники многих мировых гигантов софтверной индустрии устраиваются на работу к нам. Мне сложно описать нашу корпоративную культуру. Пожалуй, это преобладание энтузиазма над формальностью и процедурами. Главное — результат, а не отчет о том, как все было сделано правильно. Сотрудников должно сковывать минимальное количество вещей. От того, что делаем, надо получать удовольствие». Выручка компании за 2017 г. составила 698 млн долл.

Один из самых богатых людей мира, основатель компании Amazon — Джефф Безос (по данным на начало 2018 г. состояние предпринимателя превысило 100 млрд долл.) считает, что корпоративная культура является золотым стандартом для работы в области и инноваций, и высоких технологий. В одном из своих выступлений на конференции он заявил: «Я очень горжусь культурой, которая существует у нас в Amazon.com... люди, с которыми я работаю, это настоящие миссионеры того, что они делают. Покажите мне замечательный опыт покупки чего-либо. Единственный способ добиться этого — с помощью счастливых людей. Вы не сможете добиться этого с группой несчастных людей, которые весь день только и смотрят на часы».

Другим, не менее важным, выводом Д. Безоса является понимание важности взаимодополняемости различных сфер жизни сотрудников его компании (деловой и личной): «Важная вещь — гармония работы и жизни. Мне кажется, что если я счастлив на работе, я прихожу домой более энергичным, более хорошим мужем и отцом. В то же время, если я счастлив дома, на работе я более хороший босс и коллега»¹.

Третий вывод, который стоит взять на вооружение большинству управленцев мира, это донесение до своих сотрудников ценности и важности их труда: «Для большинства людей самое главное, это значимость. Люди хотят знать, что они делают что-то интересное и полезное».

Незаметность и незначимость вашего труда для коллег является фактором дезинтеграции. Человек перестает ощущать свою ценность, не чувствует себя частью команды, его энтузиазм и самоотдача гаснут, возобладает скука и незаинтересованность. Поскольку внутренние мотиваторы оказываются зачастую такими же мощными, как и внешние, им необходимо уделять самое пристальное внимание.

Прекрасной иллюстрацией данного утверждения является пример Салли Спок, которая была главой гостиничного департамента в компании Francis Ford Coppola Winery и в определенный момент ей пришлось столкнуться с недооценкой на работе. Бывший руководитель покинул компанию, а для нового руководителя были более важны новые приоритеты, в связи с изменениями компании и слиянием ее офисов.

Для того чтобы решить проблему недооцененности труда сотрудников компании, по согласованию с руководством было предложено ввести систему карточек «Grazie». Для того чтобы сотрудники и руководители могли поблагодарить коллег, персоналу

¹ Джефф Безос: Важно быть напористым // HARVARD BUSINESS REVIEW — РОССИЯ [Электронный ресурс]. URL: <http://hbr-russia.ru/liderstvo/lidery/p22091/> 27 июля 2017 (дата обращения: 15.03.2018).

компании предложили передавать эти карточки, если хотелось кого-то поблагодарить. «Люди были очень рады и раздавать, и получать их. Когда я перестала думать о себе, а вместо этого сконцентрировалась на изменении общей корпоративной культуры, благодарность и признательность стали частью нашей ежедневной реальности... Деньги, карьерный рост и прочее, конечно, тоже важны, но самое главное — знать, что тебя ценят»¹.

Вопрос доверия сотрудников к руководству теснейшим образом влияет на производительность труда, поднимая ее, когда в коллективе существует атмосфера доверия. И наоборот, сотрудники куда меньше увлечены работой и заинтересованы в ней, когда в компании процветает взаимное недоверие и интриги, вероятность ухода из компании сотрудников существенно возрастает.

Руководитель Amazon придерживается мнения, что корпоративная культура является незыблемой. Она существует, пока живет компания, поскольку притягивает людей, которым нравится, и отталкивает тех, кому не нравится. «Я часто слышу от менеджеров, проработавших у нас месяц: “Надо же, как вы тут думаете о клиентах”. Если вы придете к нам, то скажете одно из двух: “Ого, а ведь это здорово! Теперь я понял, как надо!” или “Нет, это не для меня”. Вряд вы будете говорить о культуре, но наверняка будете это иметь в виду. Ведь культура — это система, которая вас держит и не отпускает. Ее трудно перенять, хотя она — источник конкурентного преимущества компании»².

По мнению Дж. Безоса, очень важно, чтобы сотрудники могли открыто высказывать свои идеи руководителю, хотя временами происходят столкновения разных точек зрения и возникают конфликты и споры.

Безос называет культуру компании дружелюбной и напористой: «Напор не мешает нам получать удовольствие от работы. Мы стараемся, чтобы всем было весело — и у нас получается. Если вдруг возникнут серьезные проблемы, мы соберемся вместе и посмеемся над ними. Лучше смеяться, чем плакать. И найдем выход. По-моему, смеяться нужно, хотя для более формальной культуры наши совещания показались бы хаотичными. За часовое совещание мы минут десять хохочем, начиная часто я. Вспомню что-нибудь смешное и не могу удержаться»³.

Не исключением в построении корпоративной культуры являются и отечественные промышленные компании. Председатель совета директоров компании «Северсталь» Алексей Мордашов считает, что для отечественного бизнеса: «...сложнее и важнее сформировать корпоративную культуру, в которой сотрудники несут персональную ответственность за качество работы и в то же время не боятся выступить с инициативой, не препятствуют изменениям, а приветствуют их и участвуют в их реализации. Это процесс небыстрый и трудоемкий, особенно в огромном коллективе — в «Северстали» работает около 50 тыс. человек, а во всех активах, входящих в «Севергрупп», — более 80 тыс. Но нам кажется, что компании это удастся»⁴.

Ученые из Института Гэллага выяснили, что повышение вовлеченности сотрудников улучшает как их собственные результаты, так и показатели компании: производительность, качество продукции и прибыльность.

¹ Найт Р. Что делать, если вас не ценят на работе // HARVARD BUSINESS REVIEW — РОССИЯ [Электронный ресурс]. URL: <http://hbr-russia.ru/karera/kommunikatsii/p24691/ixzz55rYN9plk> (дата обращения: 15.03.2018).

² Джефф Безос: Важно быть напористым // HARVARD BUSINESS REVIEW — РОССИЯ [Электронный ресурс]. URL: <http://hbr-russia.ru/liderstvo/lidery/p22091/> 27 июля 2017 (дата обращения: 15.03.2018).

³ Там же.

⁴ Мордашов А. Как Индустрия 4.0 меняет управление // Harvard business review — Россия [Электронный ресурс]. URL: <http://hbr-russia.ru/liderstvo/lidery/a24981/> (дата обращения: 15.03.2018).

Для руководителя важно понимать, что если менеджеры и сотрудники компании или, хотя бы их большая часть, находятся в постоянном поиске мероприятий, которые повышают эффективность компании, то она движется в правильном направлении.

Укрепляя доверие внутри организации, вы повышаете производительность и энергичность работы, делаете более продуктивным сотрудничество и получаете довольных и лояльных подчиненных.

Бюрократические согласования в значительной степени обрекают все инициативы по развитию инновационной корпоративной культуры на провал. Разработка и внедрение нововведений требуют пространства для проведения экспериментов.

Одним из удачных примеров проведения таких экспериментов в крупной компании является компания Google, которая создала тепличные условия для инициатив собственных сотрудников и реализовала внутри компании культуру стартапов. Индивидуальные проекты сотрудников компании реализовались в таких направлениях развития организации, как Gmail, AdSense и др.

Еще одним удачным примером сопровождения инноваций, предлагаемых сотрудниками компаний и построения развитой корпоративной культуры, является корпорация Mars и ее проект «Фонд смелых идей». Для поиска, отбора и претворения в жизнь среди сотрудников компании проводится конкурс бизнес-идей. За каждым проектом, который одержал победу на конкурсе, закрепляется спонсор. В качестве спонсоров выступают руководители высшего звена компании, которые курируют конкретные проекты и контролируют их реализацию.

Корпоративная культура в большинстве российских компаний остается весьма фрагментированным и ограниченным явлением, при этом восприятие значимости отдельных ее элементов со стороны руководителей и сотрудников существенно отличается. Для успешного развития корпоративной культуры в современной России должен повышаться уровень менеджмента, являющийся традиционно одной из наиболее слабых сторон экономического развития РФ.

Специфика формирования корпоративной культуры в рамках российского общества обусловлена такими факторами, как: природно-климатический (определил особенности национальной культуры хозяйствования, труда и управления); сохранение уравнительности и бюрократизма в трудовых отношениях; антисоциальные итоги экономических реформ 1990-х годов; копирование элементов западной корпоративной культуры без учета национальных особенностей.

Среди проблем формирования корпоративной культуры в большем числе российских компаний можно выделить:

- 1) недооценку значения человеческих ресурсов, решение управленческих проблем, зачастую только техническими методами, игнорирование социокультурного потенциала человеческого капитала;
- 2) весьма ограниченное число людей в руководстве крупных компаний, добившихся успеха благодаря личному таланту и труду. Назначение на руководящие посты на основе своячества, личной преданности и лояльного отношения, корыстных мотивов;
- 3) низкий уровень подготовки управленческого персонала в сфере мотивации сотрудников, управления талантами;
- 4) отсутствие полноценной инновационной экосистемы, стимулирующей масштабное высокотехнологическое развитие, в основе которого лежит управление человеческим капиталом;
- 5) усиление административного контроля, большая бюрократизированность, неэффективное использование государственных средств, коррупция;
- 6) проблема несоответствия пространства и времени, стремление перенять западные временные мерки к огромной территории России, природные темпы которой значительно отличаются от Запада.

Проанализировав корпоративную культуру и результаты деятельности вышеперечисленных компаний, можно сформулировать общие выводы о том, что дружба сотрудников, вера в их общую цель, мотивация и инвестиции в хорошие условия труда для сотрудников, создание креативной свободной атмосферы, поддержка проектов сотрудников — все это поможет развить компанию, которая будет ассоциироваться с семьей. Однако создание фальшивой культуры никогда не приведет компанию к цели. Только искренние, добрые отношения в коллективе помогут развить бизнес.

Литература

1. Бехар Г., Голдстейн Дж. Дело не в кофе. Корпоративная культура Starbucks. USA: Howard Behar, 2007. С. 16.
2. Лайкер Дж., Хосеус М. Корпоративная культура Toyota. М. : Альпина Паблишерз, 2011. С. 27–33.
3. Погребняк В.А. Культура организации как объект регулярного управления // Вопросы управления предприятием. 2005. № 1(13). С. 59–64.
4. Савченко Л.С. Инновационные подходы к управлению человеческими ресурсами компаний // Экономика и управление. 2008. № 1. С. 95–98.
5. Шей Т. Доставляя счастье. От нуля до миллиарда. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2011.
6. Eldridge J., Crombie A. A sociology of organization. London : Allen&Unwin, 1974.
7. Jaques E. The changing culture of a factory. New York : Dryden Press, 1952.

Об авторах:

Соснило Андрей Игоревич, доцент кафедры «Общественные науки и физическая культура» Санкт-Петербургского филиала Финансового университета при Правительстве РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация); доцент кафедры НИУ ИТМО (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат исторических наук; a_sosnilo@mail.ru

Снеткова Дарья Александровна, студент Санкт-Петербургского филиала Финансового университета при Правительстве РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

References

1. Behar H., Goldstein J. It's Not About the Coffee. Leadership Principles from a Life at Starbucks. USA: Howard Behar, 2007. P. 16. (In rus)
2. Liker J., Hoseus M. Toyota Culture. The Heart and Soul of the Toyota Way. M. : Alpina Publishers, 2011. P. 27–33. (In rus)
3. Pogrebnyak V.A. Culture of the organization as object of regular management // Questions of business management [Voprosy upravleniya predpriyatiem]. 2005. N 1(13). P. 59–64. (In rus)
4. Savchenko L. S. Innovative approaches to management of human resources of the companies // Economy and management [Ekonomika i upravlenie]. 2008. N 1. P. 95–98. (In rus)
5. Hsieh T. Delivering Happiness: A Path to Profits, Passion, and Purpose. M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2011. (In rus)
6. Eldridge J., Crombie A. A sociology of organization. London : Allen&Unwin, 1974.
7. Jaques E. The changing culture of a factory. New York : Dryden Press, 1952.

About the authors:

Andrei I. Sosnilo, NIU ITMO; Saint-Petersburg branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russian Federation), Associate Professor, PhD in History; a_sosnilo@mail.ru

Daria A. Snetkova, Student of Saint-Petersburg branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Мемуары как источник изучения битвы за Ленинград*

Гриднев В. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, valerijgridnev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Во второй части статьи анализируются воспоминания участников Великой Отечественной войны, в том числе и битвы за город на Неве. Авторами мемуаров являются Нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов, Маршал Советского Союза А. М. Василевский, Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, Главный маршал авиации А. А. Новиков, адмирал В. Ф. Трибуц, генерал-полковник артиллерии М. С. Михалкин, генерал-полковник артиллерии В. С. Коробченко, Уполномоченный ГКО по обеспечению населения города Ленинграда и войск фронта продовольствием, Нарком торговли РСФСР, генерал интендантской службы Д. В. Павлов. Кроме того, анализируются записанные Ф. Чуевым 140 бесед с В. М. Молотовым, бывшим заместителем Председателя ГКО, первым заместителем Председателя СНК СССР, Наркомом иностранных дел СССР. Рассматриваются воспоминания и других защитников Ленинграда, а также премьер-министра Великобритании У. Черчилля.

Ключевые слова: мемуары, ГКО, Ставка ВГК, полководцы, военачальники, государственные деятели

Memoirs as a Source of Studying the Battle of Leningrad

Gridnev V. P.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation, valerijgridnev@yandex.ru

ABSTRACT

In the second part of the article, the memories of participants in the Great Patriotic War, including the battle for the city on the Neva, are analyzed. The authors of the memoirs are the People's Commissar of the Soviet Navy N. G. Kuznetsov, Marshal of the Soviet Union A. M. Vasilevsky, Marshal of the Soviet Union Bagramyan I. Kh., Chief Marshal of Aviation Novikov AA, Admiral Tributs VF, Colonel-General of Artillery Michalkin MS, Colonel-General of Artillery Korobchenko VS, Providing the population of the city of Leningrad and the front with food, Commissar of Trade of the RSFSR, General Quartermaster Service Pavlov DV In addition, 140 conversations with V. Molotov, former Deputy Chairman of the State Defense Committee, First Deputy Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR, and People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR, recorded by F. Chuyev, are analyzed. Memories of other defenders of Leningrad, as well as the Prime Minister of Great Britain, Winston Churchill, are considered.

Keywords: memoirs, T-bills, STC rate, generals, commanders, statesmen

Мемуары военачальников, государственных и политических деятелей, работников трудового фронта, жителей и воинов блокированного города, участвующих в битве за Ленинград, являются ценнейшими историческими источниками, повествующими о людях и событиях, современниками которых они были.

* Продолжение. См. начало статьи: «Управленческое консультирование». 2018. № 5. С. 162–171.

В конце 60-х — начале 70-х годов вышли в свет воспоминания ветеранов Краснознаменной Ладужской флотилии. Среди авторов: полковник Фенин Н. Д. — бывший военный комиссар Ладужской флотилии, контр-адмирал Беляков В. П. — комендант Шлиссельбурга, вице-адмирал Чероков Ф. С. — командующий Ладужской флотилией, Адмирал Флота Советского Союза Исаков И. С. — член Военных советов войск Северо-Западного направления и Ленинградского фронта, генерал-лейтенант Павлов Д. В. — уполномоченный ГКО, Разин Л. Г. — главный диспетчер Северо-Западного речного пароходства, контр-адмирал Слизкой Г. Н. — флагманский артиллерист и др. [9]. В сборнике представлен обширный материал, рассказывающий об исключительном мужестве и героизме моряков Ладужской военной флотилии, Северо-Западного речного пароходства, Балттехфлота в битве за Ленинград. Собранные воедино разносторонние воспоминания и документы воссоздают картину многогранной боевой и трудовой деятельности ладожцев по обеспечению города-героя, Ленинградского фронта и Балтийского флота всем необходимым для борьбы и победы. Достоинством сборника является и то, что в нем имеется календарь важнейших дат.

Среди мемуаров выделим воспоминания Главного маршала авиации А. А. Новикова, который с июня 1941 по февраль 1942 г. был командующим военно-воздушных сил Северного, а затем Ленинградского фронта. Автор очень подробно останавливается на анализе готовности авиации округа, фронта к боям по защите Ленинграда. Из 22 авиаполков, как вспоминал А. А. Новиков, только 15 были укомплектованы техникой на 80 процентов, остальные 17 находились в стадии формирования и обучения, причем восемь полков из них вовсе не имели самолетов [13, с. 64.].

Книга рассказывает о воздушной битве за город на Неве. На основе личных впечатлений, дополненных богатым документальным материалом, Главный маршал авиации описывает героические действия ленинградских летчиков, рассказывает, как совершенствовалось и оттачивалось их мастерство, знакомит с деятельностью Г. К. Жукова на посту командующего войсками Ленинградского фронта. Необходимо подчеркнуть, что в основу этой книги была положена статья Александра Александровича Новикова, опубликованная в сборнике воспоминаний и дневников участников обороны Ленинграда [14, с. 75–101].

К числу наиболее значимых мемуарных произведений относятся воспоминания бывшего Наркома ВМФ СССР Адмирала Флота Советского Союза Кузнецова Николая Герасимовича.

Свои воспоминания, опубликованные в сборнике «Оборона Ленинграда, 1941–1944», адмирал посвятил битве за Ленинград, показав роль и место в ней Балтийского флота, местных сил и средств, военно-организаторскую деятельность руководителей города, в том числе и Военного совета Ленинградского фронта, героизм и трудовую доблесть воинов и жителей осажденного города [14, с. 222–246].

В работе «На флотах боевая тревога» Н. Г. Кузнецов показывает и анализирует события 1941–1943 гг., участие военных моряков в боях за свою Родину, в том числе и в обороне Ленинграда — в разделах «Трудная осень» [5, с. 71–85] и «Еще раз о Балтике» [5, с. 278–289].

Новая книга Наркома ВМФ СССР «Курсом к победе» охватывает события минувшей войны от первого ее дня до окончательного разгрома фашистской Германии и поражения милитаристской Японии. Как и прежде, он широко показывает боевую работу военных моряков, оборону города на Неве в разделах «Трудная осень» [6, с. 109–127], «Ленинград наносит удары» [6, с. 182–193] и «Враг отброшен от Ленинграда» [6, с. 340–350], а также деятельность центральных управлений ВМФ, рассказывает о своих личных встречах с советскими, партийными и военными деятелями. Последнее издание (1991 г.), в отличие от предыдущих, дополнено не публиковавшимися ранее материалами из архива адмирала. В этой книге уточняется ряд положений, касающихся битвы за Ленинград [7, с. 400, 409], о составе

Комиссии ГКО, направленной в город в августе 1941 г. и об авторе телеграммы, отправленной в 1942 г. в адрес И. В. Сталина по поводу так называемого «паникерства» со стороны командования Балтийского флота.

Дополняют мемуары бывшего Наркома ВМФ СССР воспоминания адмирала Трибуца Владимира Филипповича [18, 19], командовавшего Краснознаменным Балтийским флотом в годы Великой Отечественной войны. Основная цель мемуаров — показать роль Балтийского флота в войне, в том числе и в битве за Ленинград [18]. Только за 1941 г., отмечается в книге, артиллерия флота в боях за город на Неве израсходовала 167 тыс. снарядов, около 49 тыс. боевых вылетов только за лето и осень 1941 г. совершили балтийские летчики, 90 тыс. балтийцев сражались в бригадах морской пехоты войск фронта, около 100 тыс. были на кораблях, в авиа- и артиллерийских частях [18, с. 5–6]. Важным политическим и оперативно-стратегическим фактором в оборонительной операции войск Ленинградского фронта явилось создание Ладожской военной флотилии за счет сил и средств Балтийского флота. В мемуарах также рассказывается о руководителях Ленинграда, членах Военных советов Ленинградского фронта и Балтийского флота и их деятельности, мужестве и трудовом героизме защитников прославленного города.

Важное место в мемуарной литературе занимает книга «Дело всей жизни» Маршала Советского Союза Василевского Александра Михайловича, замещающего в годы Великой Отечественной войны с июня 1942 и до февраля 1945 гг. должность начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР «Дело всей жизни» [2].

Большая часть мемуаров посвящена минувшей войне, работе Ставки ВГК, Генерального штаба РККА, государственным деятелям и военачальникам. Второе издание (1975 г.) воспоминаний дополнено новой главой «Оборона Ленинграда» [2, с. 174–200]. Значительное место отводится рассказу о взаимоотношениях с командованием войсками Ленинградского фронта, руководителями города. В четвертом издании (1983 г.) внесены уточнения в главу «Оборона Ленинграда» [2, с. 161, 162]. «Ленинград, — писал А. М. Василевский в пятом издании (1984 г.), — по праву снискал себе славу города-героя. Ибо его оборона ... была эпопеей человеческого характера, стойкости, самоотверженного патриотизма, одним из самых выдающихся, самых потрясающих массовых подвигов народа и армии во всей истории войн на земле» [2, с. 161].

Дополняют рассказ о битве за Ленинград мемуары генерал-лейтенанта А. П. Козлова [4], бывшего в то время начальником пограничной заставы на Ладоге. В воспоминаниях говорится о Дороге жизни через Ладогу, ее значении, роли пограничников в бесперебойной работе магистрали, личных встречах с членами Военного совета Ленинградского фронта А. А. Ждановым, А. А. Кузнецовым и др.

Ветеран береговой обороны артиллерист генерал-лейтенант С. И. Кабанов рассказывает в своих мемуарах [3] о том, как он был командующим внутренней обороны города (ВОГ) Ленинграда, об ее элементах, взаимоотношениях с Военным советом Ленинградского фронта.

Артиллеристы и другие участники битвы за Ленинград делятся в книге [15] своими воспоминаниями. Авторы: генерал-полковник артиллерии Михалкин М. С., генерал-полковник артиллерии Коробченко В. С., слесарь Кировского завода Л. И. Ющенко, начальник цеха Невского машиностроительного завода И. И. Лебедев и другие повествуют о том, как огнем мечом остановили механизированные полчища фашистской Германии у стен города, как труженики ленинградских предприятий в самых тяжелых условиях блокады пополняли артиллерию фронта и флота орудиями и выстрелами¹ (снарядами).

¹ Выстрел — это боеприпас, предназначенный для стрельбы из артиллерийского орудия, миномета, гранатомета, танковой пушки; снаряд — основной элемент выстрела, предназна-

Оценивая работу, подчеркнем, что она позволяет отчетливо представить значительную роль «бога войны» в Ленинградской битве. В ней имеются приложения с кратким описанием подвигов ленинградских артиллеристов, удостоенных звания Героя Советского Союза, а также артиллерийских соединений и частей, получивших почетные наименования за оборону Ленинграда.

В 1978 г. вышел сборник воспоминаний ветеранов Волховского фронта [11] — видных военачальников, командиров и политработников, рядовых бойцов — участников битвы за город на Неве, а также тружеников прифронтовой полосы. Рассказы ветеранов дополняются архивными документами, малоизвестными публикациями, стихами и фотографиями военных лет, материалами краеведческих музеев. В конце сборника помещена хроника основных событий.

О беспримерном подвиге советских людей на Ладоге в годы Великой Отечественной войны — о водителях автомашин, освоивших ледовую трассу, моряках Ладожской военной флотилии и Северо-Западного речного пароходства, железнодорожниках и военных строителях — обо всех тех, кто в период вражеской блокады города на Неве занимался тыловым снабжением его защитников рассказывается в сборнике воспоминаний о фронтовой Ладоге [12].

Достоинством работы является то, что в ней представлены воспоминания всех категорий людей, обеспечивающих жизнедеятельность Ладожской коммуникации, среди них — бывшие заместители командующего — начальник тыла Ленинградского фронта генерал-лейтенант интендантской службы Лагунов Ф. Н., командующий Ладожской военной флотилией В. С. Чероков¹, капитан парохода «Буй» А. И. Патрашкин, командир взвода М. С. Дмитриев, водитель М. Е. Твердохлеб, начальник эвакуационного пункта Л. А. Левин, медсестра А. Н. Лопатина и др. Воспоминания дополняет хроника важнейших событий, помещенная в конце сборника.

Заслуживает внимания книга дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Баграмяна Ивана Христофоровича «Великого народа сыновья» [1], повествующая о встречах, совместной службе, учебе, участии в Великой Отечественной войне с известными военачальниками Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым, Маршалом Советского Союза А. М. Василевским и др. По словам самого автора, он пытался показать индивидуальные черты характера и почерк каждого полководца. И это, на наш взгляд, удалось.

Большой интерес представляют мемуары государственных деятелей. Особое место среди них занимает работа Дмитрия Васильевича Павлова [16], бывшего Наркома торговли РСФСР (1939–1942 гг.) и Уполномоченного Государственного Комитета Оборона по обеспечению населения города Ленинграда и войск фронта продовольствием (сентябрь 1941 — январь 1942 гг.).

Заметим, что Д. В. Павлов находился в Ленинграде в грозное, невероятно тяжелое, драматическое время блокады. Его наблюдения и свидетельства приобретают особую значимость еще и потому, что многие руководители обороны — А. А. Кузнецов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин, Н. В. Соловьев и др. были репрессированы по «ленинградскому делу» и по этой причине не успели рассказать о той героической и трагической поре. Возможно, они рассчитывали заняться этим позднее.

Известно, что при аресте Я. Ф. Капустина забрали его толстую рукопись о работе промышленности осажденного города [8, с. 122]. С гибелью данных руково-

ченный для поражения различных целей и выполнения других задач // Военный энциклопедический словарь. М. : Воениздат, 1983. С. 173, 682.

¹ В октябре 1941 г., будучи капитаном 1-го ранга, назначен командующим Ладожской военной флотилией. В январе 1944 г. В. С. Черокову было присвоено звание контр-адмирала [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Чероков,_Виктор_Сергеевич (дата обращения: 15.03.2018).

дителей навсегда исчезло очень многое, в том числе их оценки событий, характеристика видных государственных, партийных и военных деятелей, детали и подробности того исключительно сложного времени.

Труд Д. В. Павлова «Ленинград в блокаде» содержит большой и ценный фактический материал о запасах продовольствия в Ленинграде в дни блокады, об организации снабжения города и войск Ленинградского фронта. Как пишет автор в шестом издании (1985 г.), он старался изложить не только факты, но и передать атмосферу, в которой жили осажденные, их непреклонную волю к победе в титанической борьбе с лютым и сильным врагом [16, с. 3].

Тема ленинградской блокады занимает видное место и в другой книге Д. В. Павлова — «Стойкость» [17]. Справедливо в ней отмечается автором, что «выстоять и победить в условиях столь длительной и жестокой блокады города — факт исключительный, требующий глубокого изучения» [17, с. 106].

Своеобразными мемуарами являются 140 подробно записанных Ф. Чуевым бесед с В. М. Молотовым, бывшим в годы Великой Отечественной войны заместителем Председателя ГКО, заместителем, первым заместителем Председателя СНК СССР и Наркомом иностранных дел СССР — вторым лицом в государстве [21].

Интерес представляют характеристики, данные (на 1941–1945 гг. — авт.) В. М. Молотовым на И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, М. И. Калинина, Л. П. Берия, Л. М. Кагановича, Г. М. Маленкова, на военачальников. Он выделяет среди них наиболее талантливых полководцев — Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского.

В. М. Молотов, как пишет Ф. Чуев, рассказал о начале и ходе Великой Отечественной войны. Безусловно, его суждения субъективны, во многом идут вразрез с тем, что публикуется сейчас и утверждается как истина, но их надо знать [21, с. 4].

Немало информации, раскрывающей как трудились и жили ленинградцы во время блокады, о мужественной борьбе осажденных, быте горожан, выпуске боевой техники и вооружения, создании оборонительных сооружений, МПВО, формировании народного ополчения и многом другом, содержит книга Н. А. Манакова [10], который во время войны был заместителем председателя исполкома Ленгорсовета и возглавлял городскую плановую комиссию. Основой для работы послужили архивные материалы и личные наблюдения автора.

Дополняют наши отечественные мемуары и воспоминания зарубежных авторов, в частности, мемуары бывшего премьер-министра Великобритании У. Черчилля [20].

Воспоминания английского политического деятеля отличаются масштабностью, пронизательным анализом военно-политической обстановки в годы Второй мировой войны. Во второй книге У. Черчилля описываются исторические события в период с января 1941 по июнь 1943 г., а в третьей — с июня 1943 по июль 1945 гг.

Особо следует сказать о второй книге, где премьер-министр приводит переписку с И. В. Сталиным и другими официальными лицами. Кстати, в них идет речь о судьбе Ленинграда и кораблей Балтийского флота, базирующихся в городе на Неве и т. д. [20, с. 177, 207, 213, 245, 250, 285, 295, 310, 561].

Итак, мемуары, воспоминания участников битвы за Ленинград, представляют значительный вклад в историю государства Российского, являются, несомненно, школой жизни, патриотизма и, следовательно, актуальными в наши дни.

У каждого человека военного поколения своя судьба, свои испытания, свой бесценный опыт. Да, маршал видел Ленинградскую битву иначе, чем рядовой, летчик, иначе, чем пехотинец. Но только при сложении многих точек зрения может вырисовываться подлинный облик битвы за Ленинград, мужество и героизм его защитников.

Литература

1. Баграмян И. Х. Великого народа сыновья. М. : Воениздат, 1984.
2. Василевский А. М. Дело всей жизни. М. : Политиздат, 1973–1975; 1978; 1983; 1984. Минск : Беларусь, 1988; 6-е изд.: в 2 кн. М. : Политиздат, 1988, 1989; 7-е изд.: в 2 кн. М. : Политиздат, 1990.
3. Кабанов С. И. Поле боя — берег. М. : Воениздат, 1977.
4. Козлов А. П. Тревожная служба. М. : Воениздат, 1973.
5. Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога. М. : Воениздат, 1971.
6. Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М. : Воениздат, 1975; 2-е изд. — 1987; 3-е изд. — 1989.
7. Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. М. : Воениздат, 1991.
8. Кутузов А. В. Мемуары партийных и советских работников как источник изучения блокады Ленинграда // Советский Союз в первый период Великой Отечественной войны: сб. материалов республиканской межвузовской научно-практической конференции. Л. : ВПУ им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, 1990.
9. Ладога родная. Л. : Лениздат, 1969.
10. Манакон Н. А. В кольце блокады: хозяйство и быт осажденного Ленинграда. Л. : Лениздат, 1961.
11. На Волховском фронте: воспоминания ветеранов. Л. : Лениздат, 1978.
12. На Дороге жизни. М. : Воениздат, 1980.
13. Новиков А. А. В небе Ленинграда: записки командующего авиацией. М. : Наука, 1970.
14. Оборона Ленинграда, 1941–1944. Л. : Наука, 1968.
15. Огневой меч Ленинграда: сб. воспоминаний артиллеристов. Л. : Лениздат, 1977.
16. Павлов Д. В. Ленинград в блокаде (1941 год). М. : Воениздат, 1958, 1961, 1967; 4-е изд., доп.: М. : Сов. Россия, 1969; 5-е изд., испр. и доп. М. : Сов. Россия, 1983; 6-е изд., испр. и доп. Л. : Лениздат, 1985.
17. Павлов Д. В. Стойкость. М. : Политиздат, 1979, 1981; 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1983.
18. Трибуц В. Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград : Кн. изд-во, 1972.
19. Трибуц В. Ф. Балтийцы сражаются. М. : Воениздат, 1985.
20. Черчилль У. Вторая мировая война: в 3 кн. М. : Воениздат, 1991. Кн. 2, 3.
21. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М. : Терра, 1991.

Об авторе:

Гриднев Валерий Павлович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор, valerijgridnev@yandex.ru

References

1. Bagramyan I. H. Great people sons. M.: Voenizdat, 1984. (In rus)
2. Vasilevsky A. M. Lifework. M. : Politizdat, 1973–1975; 1978; 1983; 1984. Minsk : Belarus, 1988; 6th ed.: in 2 books. M. : Politizdat, 1988, 1989; 7th ed.: in 2 books. M. : Politizdat, 1990. (In rus)
3. Kabanov S. I. The battlefield — the coast. M. : Voenizdat, 1977. (In rus)
4. Kozlov A. P. Disturbing service. M. : Voenizdat, 1973. (In rus)
5. Kuznetsov N. G. On the fleet fighting alarm. M. : Voenizdat, 1971. (In rus)
6. Kuznetsov N. G. A course to a victory. M. : Voenizdat, 1975; 2nd ed. — 1987; 3rd ed. — 1989. (In rus)
7. Kuznetsov N. G. The day before. A course to a victory. M. : Voenizdat, 1991. (In rus)
8. Kutuzov A. V. Memoirs of party and Soviet workers as a source of studying of the Siege of Leningrad // Soviet Union during the first period of the Great Patriotic War: collections of materials of a republican interuniversity scientific and practical conference. L. : VPU of the 60 anniversary of the All-Union Leninist Young Communist League of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1990. (In rus)
9. Native Ladoga. L. : Lenizdat, 1969. (In rus)
10. Manakov N. A. In a blockade ring: economy and life of the besieged Leningrad. L. : Lenizdat, 1961. (In rus)
11. On the Volkhov front: memoirs of veterans. L. : Lenizdat, 1978. (In rus)

12. On Road of Life. M. : Voenizdat, 1980. (In rus)
13. Novikov A. A. In the sky of Leningrad: notes of the Air Force commander. M. : Science, 1970. (In rus)
14. Defense of Leningrad, 1941–1944. L. : Science, 1968. (In rus)
15. Fire sword of Leningrad: collection of artillerist memoirs. L. : Lenizdat, 1977. (In rus)
16. Pavlov D. V. Leningrad in blockade (1941). M. : Voenizdat, 1958, 1961, 1967; 4 ed., M. : Soviet Russia, 1969; 5th ed., M. : Soviet Russia, 1983; 6th ed. L. : Lenizdat, 1985. (In rus)
17. Pavlov D. V. Firmness. M. : Politizdat, 1979, 1981; 2nd ed. M. : Politizdat, 1983. (In rus)
18. Tributs V. F. Baltic Fleet sailors engage. Kaliningrad: Publishing house, 1972. (In rus)
19. Tributs V. F. Baltic Fleet sailors battle. M. : Voenizdat, 1985. (In rus)
20. Churchill U. World War II: in 3 books. M. : Voenizdat, 1991. Book 2, 3. (In rus)
21. Chuyev F. Hundred forty conversations with Molotov: from the diary of F. Chuyev. M. : Terra, 1991. (In rus)

About the author:

Valery P. Gridnev, Professor of Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor, valerijgridnev@yandex.ru

Императорская Российская академия в конце XVIII — первой половине XIX веков (к 235-летию учреждения Российской академии)

Храпков Г. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; hrpkov-gn@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Данная статья посвящена изучению, анализу и характеристике одной из первых попыток, предпринятых в российском обществе конца XVIII — первой половины XIX вв. по проблеме сохранения и развития языкового и литературного наследия Российской империи на государственном уровне. Цель работы — на основе изученных источников и научных исследований выявить структуру, функции и обязанности членов академии, отметить как положительные черты, так и недостатки в деятельности созданного научного органа нового образца и подчеркнуть необходимость применения его опыта в решении ряда вопросов по вышеназванной проблеме для дальнейшей работы в данном направлении. При написании статьи автор использовал следующие методы: системный (анализ структуры, обязанностей членов Императорской Российской академии, результатов их деятельности в указанный хронологический период), историко-генетический (стремление выявить основные этапы развития академии и ее подходов к исполнению поставленных задач, цель и конечный итог которых изменялись в соответствии с приоритетами, что ставила перед собой академия на определенной стадии своего существования). Итогом данной работы стало то, что, создание академии представляло собой попытку показать необходимость сохранения родного языка и создания произведений, написанных собственными авторами, что в дальнейшем могло стать весьма серьезной поддержкой в области просвещения, в том числе и последующих поколений жителей государства. Результаты исследования позволяют обратить внимание на необходимость применения опыта Российской академии современными структурами власти и экспертами высшей школы, занятыми в решении проблем использования культуры русского языка в условиях роста влияния технического прогресса на развитие современного российского общества.

Ключевые слова: Академия, словарь, грамматика, язык, Устав, собрание, Е. П. Дашкова

Imperial Russian Academy at the End of XVIII — the First Half of the 19th Centuries (to the 235 Anniversary of Establishment of the Russian Academy)

Khrapkov G. N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; hrpkov-gn@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

This article is devoted to studying, the analysis and the characteristic of one of the first attempts undertaken in the Russian society of the end of XVIII — the first half of XIX centuries on a problem of preservation and development of language and literary heritage of the Russian Empire at the state level. The purpose of the work — on the basis of the studied sources and research to identify the structure, functions and responsibilities of members of the Academy, to note both the positive features and shortcomings in the activities of the established scientific body of the new model and to emphasize the need to apply its experience in solving a number of issues on the above problem for further work in this direction. In writing the article, the author used the following methods: system (analysis of the structure, duties of members of the Imperial Russian Academy, the results of their activities in this chronological period), historical and genetic (the desire to iden-

tify the main stages of the development of the Academy and its approaches to the execution of tasks, the purpose and the end result of which changed in accordance with the priorities that the Academy set itself at a certain stage of its existence). The result of this work was that the creation of the Academy was an attempt to show the need to preserve the native language and the creation of works written by its own authors, which in the future could become a very serious support in the field of education, including subsequent generations of the state. The results of the study allow us to draw attention to the need to apply the experience of the Russian Academy of modern power structures and experts of higher education engaged in solving the problems of the use of Russian language's culture in the context of increasing the impact of technological progress on the development of modern Russian society.

Keywords: Academy, dictionary, grammar, language, Charter, meeting, E. R. Dashkova

Наиболее важной составляющей частью развития и самоопределения населения каждого государства в мире, в том числе и российского, оказывающей огромное влияние как на его менталитет, так и на социальную структуру общества, быт, нравы, является необходимость сохранения культурного наследия страны, неотъемлемой основой которого всегда остаются родной язык и литературные произведения, созданные местными авторами в различные периоды времени. На территории современной России вопрос грамотного произношения слов, использования родной речи в правильном контексте, интереса к работам русских писателей прошлого вне школьной и университетской программы, остается весьма острым и актуальным в силу активного влияния на общество западных стандартов и условий жизни с начала 90-х годов XX в. и увеличения употребления терминов технического характера, в первую очередь связанных с компьютерным оборудованием, где основной рабочий язык — английский.

Органы государственной власти с помощью привлечения к решению данной проблемы представителей высшей школы принимают меры следующего характера: в разных регионах страны проводятся конференции и мероприятия, посвященные деятелям, которые внесли свой вклад в дело сохранения и развития родного языка и литературы, издаются толковые словари и энциклопедии, монографии и учебники, в том числе по истории существования и изменения языка на территории Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. Тем не менее, в существующих трудах и исследованиях по вопросу сохранения языкового и литературного наследия недостаточно внимания уделяется первоначальным попыткам и опыту государства в работе над указанной проблемой в прошлом. Одним из самых ярких примеров подобной деятельности стало создание в конце XVIII столетия по инициативе Екатерины Романовны Дашковой, возглавлявшей тогда российскую Академию наук, при поддержке императрицы Екатерины II, в Санкт-Петербурге Российской академии — нового учреждения, чьим призванием должно было стать изучение и поддержка русского языка на государственном уровне.

Объектом исследования в данной статье является Российская академия, ее структура, участники, деятельность в сфере изучения и развития языкового и литературного наследия в России в течение более чем полувекового существования ее в качестве самостоятельного учреждения вплоть до присоединения по указу императора Николая I к Академии наук. Предмет исследования — результаты деятельности членов Российской академии в области решения указанной проблемы и их значение в деле повышения и обновления культурного уровня государства в целом.

Цель исследования — на основе изученных источников архивного характера, научных трудов, периодической печати провести последовательный анализ структуры, деятельности академии, выявить как положительные черты, так и недостатки созданного по инициативе одной из самых просвещенных женщин Российской

империи того времени научного органа нового образца и выделить необходимость применения опыта вышеназванной академии для дальнейшей работы в данном направлении.

Следует отметить, что основные предпосылки для создания Российской академии были следующие: стремление уменьшить влияние иностранцев на развитие российской науки, увеличить издательство произведений, созданных русскими авторами, желание Екатерины Великой сократить отставание государства от стран Европы в сфере просвещения. Однако инициатором создания организации, призванной непосредственно сохранить и улучшить русский язык, стала княгиня Екатерина Романовна Дашкова, весьма блестяще проявившая себя на посту директора Академии наук, назначенная императрицей на этот пост указом императрицы от 24 января 1783 г.: «дирекция над Санкт-Петербургской Академией наук препоручается статс-даме Дашковой»¹.

Относительно службы княгини Е. Р. Дашковой на посту главы Академии исследователь Л. Я. Лозинская отмечала следующее: резкая и непримиримая по отношению ко всем, кто добивался почета не по научным заслугам, а по чинам и связям, Дашкова, как правило, была чрезвычайно тактична в отношениях с академиками и адъюнктами, деятельность которых представлялась ей направленной к чести и славе отечественной науки. Она пытается укоренить в академической жизни принцип равноправия, коллективной ответственности всех за судьбы Академии и строгой отчетности каждого в отдельности за свое дело [1, с. 79].

Основным документом, регламентирующим штат, полномочия членов и деятельность создаваемой академии, стал Устав Императорской Российской академии, представленный Е. Р. Дашковой императрице Екатерине II. Основные функции академии были изначально прописаны в § 5 и 6 указанного документа. В них значилось: «5. Главный предмет Российской Академии состоять должен в обогащении и очищении языка Российского и в распространении словесных наук в Государстве. 6. Но как чистота и надлежащий языка порядок зависит от принятых и утвержденных правил, то да будет первым Академии упражнением сочинение полной и вычищенной Российской Грамматики»².

Штатный состав академии состоял из: председателя (назначался по повелению императора или императрицы), двух секретарей, 60 постоянных членов, включая самих председателя и секретарей, переводчика (с греческого, латинского, немецкого или французского языков), хранителя казны, четырех писцов и трех сторожей³. Стать членом академии можно было лишь после смерти одного из постоянных членов, избранного ранее, избрание проходило путем голосования большинством голосов.

Заседания академии проходили раз в неделю по субботам, кроме членов академии на них никто не допускался за исключением проведения торжественных собраний и с разрешения председателя академии. В ходе заседаний велись обсуждения вопросов относительно сбора, изучения и упорядочения слов из русского языка, зачитывалось одно из присланных на рассмотрение академии сочинений с целью определения их пользы или бесполезности для дальнейшего использования, распределялись очередные поручения между постоянными членами академии. За труд, признанный большинством участников Российской академии полезным, назначалась награда в виде большой золотой медали, которую обычно вручали на торжественном

¹ Толстой М. П. Е. Р. Дашкова — организатор российской науки // Вестник Российской академии наук. М., 1993. Т. 63. № 3. С. 245.

² Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 17. Оп. 1. Д. 37. Л. 2об.

³ Там же. Л. 4, 9, 9об.

собрании 25 ноября (именины Екатерины II, основательницы академии), на медали значилась надпись: «Российскому слову отличную пользу принесем»¹.

Денежные средства, за счет которых вела свою деятельность академия, представлялись из казны, ими распоряжался по своему усмотрению председатель академии, отчитываясь только перед правящим монархом в конце года, здание для академии также было казенным.

Следовательно, созданное при поддержке государства новое научное учреждение было призвано решать серьезные и весьма глубокие вопросы, связанные не только с развитием российской науки, но и образования, культуры и социальной жизни общества, утверждая среди просвещенных людей страны важность знания и использования родного языка, его приоритет перед иностранными языками.

Официальной датой создания Российской академии является 30 сентября 1783 г., когда был издан указ следующего содержания: «Княгиня Екатерина Романовна! Прочитав доклад ваш о заведении Российской Академии, Мы с особым удовольствием приемлем в нем вами представляемое, повелевая 1. Председательство в ней препоручаем вам на основании, в докладе вашем изображенном. 2. Составить сию Академию из желающих принять на себя добровольно сей труд, да и впредь наполнять оную таковыми же желающими, кои нужные знания и способности иметь будут. 3. О потребных суммах указ Наш дан будет, обращая в число их деньги положенные на Комиссию для переводов, которая уже ныне не нужна будет. 4. Приемля сию Академию в покровительство Наше, Мы позволяем сделать для нее подробные наставления и распоряжения, заимствуя оные из плана, вами поданного. Впрочем, желая вам в подлежащем полезном обществу деле добрых успехов, пребываем вам благосклонны» [3, с. 11].

Один из современных исследователей относительно первоначального расположения академии пишет следующее: «председателю Российской Академии оставалось воспользоваться либо своей официальной резиденцией статс-дамы двора на Английской набережной, либо своей загородной дачей на Петергофской дороге. Е. Р. Дашкова остановила свой выбор на даче. Здесь можно было на любой срок, вплоть до степени готовности к печати словарных статей, сосредоточивать материалы для словаря, работать спокойно без суеты вдаль от городского шума. Сюда же можно вызывать (или приглашать) составителей по мере необходимости. Екатерине Романовне было удобно отсюда ездить в Царское Село по вызовам императрицы — путь оказывался намного ближе, нежели из центра Санкт-Петербурга»².

21 октября состоялось первое заседание, на котором княгиня Е. Р. Дашкова зачитала указ о создании, целях и предстоящей работе в Российской академии, основным итогом которой должно было стать создание ряда грамматик и словарей, призванных вместить наибольшее количество русских слов и изречений.

Основными результатами деятельности Императорской Российской Академии за весь период ее существования стали создание «Словаря Академии Российской в шести частях», изданного в 1789–1795 гг., и труд по русской грамматике, разработанный одними из наиболее активных участников данного учреждения П. И. и Д. М. Соколовыми, который был опубликован в 1802 г. Впоследствии оба издания переиздавались и получили широкую известность, особенно «Словарь», с течением времени постоянно дополнявшийся новыми русскими словами и определениями.

Процесс работы над одним из крупных достижений в изучении особенностей и развития русского языка в XVIII в. достаточно подробно описан профессором

¹ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 37. Л. 7об.

² Сугоняев Ю. М. Е. Р. Дашкова и Петергофская дорога: Российская академия начинается // Е. Р. Дашкова и XVIII век. От Российской империи к современной цивилизации. М., 2010. С. 37–38.

кафедры русского языка университета имени А. И. Герцена К. П. Сидоренко: «все участники работы собирали лексический материал по буквам, списки слов печатались в азбучном порядке, раздавались академикам для замечаний и дополнений. Для усовершенствования этой работы коллектив составителей был разделен на три дополнительных отряда: Объяснительный, Грамматикальный, Издательный, который проверял и редактировал материал первых отделов. Позднее создаются еще два отдела — Технический (отбор и толкование терминов) и Словопроизводный (определение коренных слов и словопроизводных гнезд)»¹.

Следует отметить, что общее количество членов Российской академии за весь период существования насчитывало по данным, приведенным в работе М. И. Сухомлинова, 187 человек, в числе которых значились и многие известные деятели XVIII и XIX вв., например Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, граф А. И. Мусин-Пушкин и многие другие [2, с. 442–479], занимавших пост главы указанного учреждения было четверо: первый — княгиня Е. Р. Дашкова (1783–1796 гг.), отправлена в отставку со всех своих должностей, в том числе и главы Академии наук, по указу императора Павла I, после его смерти члены Императорской Российской академии пригласили ее вновь занять должность президента, но в ответном письме непременно секретарю И. И. Лепехину, долгие годы бывшему ее помощником во всех делах академии, она отказалась [1, с. 104]; второй — член коллегии иностранных дел, действительный статский советник П. В. Бакунин (1796–1801 гг.); третий — сын знаменитого механика, тайный советник А. А. Нартов (1801–1813 гг.); четвертый и последний — член академии с 1796 г. А. С. Шишков (1813–1841 гг.).

Необходимо сказать, что, несмотря на то, что именно на период управления академией княгиней Е. Р. Дашковой приходится расцвет деятельности данной научной организации, после ее ухода уровень и качество работы академии по-прежнему оставались достаточно высокими и далее на протяжении всей первой половины XIX столетия: ведется огромная лексикографическая работа, издается ряд фундаментальных словарей русского языка, перерабатывается и дополняется Устав Императорской Российской академии, обновляется состав организации (в нее вошли Н. М. Карамзин, И. А. Крылов), с 1804 г. вводится форма для членов академии: 10 сентября 1804 г. император Александр I утвердил для членов Российской академии форму — «кафтан темно-синего цвета с красным суконным стоячим воротником и такого же цвета обшлагами, подкладка синяя, камзол и исподнее платье белые суконные, пуговицы гладкие, белые; на воротнике, обшлагах и карманах по клапанам серебряное шитье»².

Тем не менее, часть исследователей полагают, что Российская академия, проделавшая огромную работу в отношении изучения русского языка, издания словарей и грамматик, недостаточно внимания уделяла другим вопросам, решение которых также входило в ее обязанности, вследствие чего не могла достойно справиться с ними. Так, в статье одного из современных исследователей отмечено следующее: неумение Российской академии создать риторiku и поэтику свидетельствует о кризисе старой теории литературы, наиболее ярко, кажется, проявившемся в России. В конце XVIII в. и в первые годы XIX в. этот кризис не усилился, а наконец проявился, и отрицательный опыт Российской академии один из характерных его симптомов»³.

¹ Сидоренко К. П. 225 лет Российской Академии // Вестник Герценовского университета. 2008. № 12. С. 42–43.

² Сидоренко К. П. 225 лет Российской Академии // Вестник Герценовского университета. 2008. № 12. С. 45.

³ Алексеева Н. Ю. Риторика и поэтика Российской академии: история неудачи // Российская академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков. СПб., 2009. С. 105–106.

На основе изученных источников и литературы Н. Ю. Алексеева, сотрудник Института русской литературы РАН, приводит критический анализ деятельности членов академии по вопросу о создании научных трудов по риторике и поэтике, которые также должны были являться важной составляющей работы Российской академии, что закреплено официально как в докладе княгини Е. Р. Дашковой, приложенному к указу императрицы Екатерины II, так и в Уставе учреждения. Попытки, предпринятые членами академии по ее же поручению, к удовлетворительным результатам не привели и решение данных вопросов отложили на неопределенное время.

Однако исследователь не принимает во внимание те обстоятельства, что Российской академии пришлось работать в данном направлении в условиях полного отсутствия опыта в составлении подобного рода работ ранее, за исключением одного-двух произведений, которые считали возможным отнести к вышеуказанным наукам. Вследствие этого члены академии, выполнявшие поручения такого рода, могли опираться только на зарубежный опыт и использовать его при создании своих проектов, что отрицательно характеризуется Н. Ю. Алексеевой, но не противоречит Уставу академии, где использование иностранных произведений для достижения поставленных целей считалось одним из основных средств, по этой причине и была введена должность переводчика при академии.

Таким образом, Российская академия, как и остальные учреждения просветительского характера, сталкивалась с затруднениями и препятствиями в работе, первоначальные цели приходилось изменять и отдавать приоритет тем, которые имели большую практическую ценность в деле решения поставленных перед академией задач. К сожалению, остальные вопросы относились уже к разряду второстепенных, вследствие этого они оставались без внимания достаточно долгое время и проекты по решению их носили общий характер, что безусловно относится к отрицательным результатам деятельности, но не уменьшает заслуг членов академии в сфере изучения и распространения языкового и литературного наследия на территории Российской империи.

В 1841 г. императорская Российская академия прекратила деятельность в качестве самостоятельного учреждения, она была преобразована во второе отделение академии наук и получило название отделения русского языка и словесности, его положение утверждено указом императора Николая I 21 ноября 1841 г., в первоначальный состав отделения вошли четырнадцать бывших членов академии (в их числе В. А. Жуковский, И. А. Крылов, князь П. А. Ширинский-Шихматов), остальные получили право стать почетными членами Отделения русского языка и словесности, посещать его заседания, участвовать в работе, но только по собственному желанию [2, с. 479–480].

В конечном итоге следует отметить, что создание Российской академии стало одной из первых попыток, предпринятых просвещенными людьми России в вышеуказанный период времени при поддержке государства с целью показать необходимость сохранения родного языка и создания большего количества произведений, созданных собственными авторами, что в дальнейшем станет серьезной поддержкой в области образования и культуры, в том числе и для последующих поколений жителей российского государства. Следовательно, несмотря на определенные недостатки в деятельности вышеуказанной организации, ее опыт работы является весьма ценным и должен учитываться современными структурами власти и экспертами высшей школы, занятыми в решении проблем использования культуры русского языка с учетом особенностей развития современного населения страны.

Литература

1. Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М. : Наука, 1978.
2. Сухомлинов М. И. История российской академии. СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук. Вып. 7. 1885.
3. Томсинов В. А. Законодательство императрицы Екатерины II. 1783–1796 годы. М. : Зерцало, 2011.

Об авторе:

Храпков Геннадий Николаевич, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат исторических наук; hrpkov-gn@sziu.ranepa.ru

References

1. Lozinskaya L. Ya. At the head of two academies. Moscow : Nauka, 1978. (In rus)
2. Sukhomlinov M. I. History of the Russian Academy. SPb. : Typ. Imp. Acad. Sciences. Issue 7. 1885. (In rus)
3. Tomsinov V. A. Legislation of Empress Catherine II. 1783–1796. Moscow : Zertsalo, 2011. (In rus)

About the author:

Gennadii N. Khrapkov, Senior lecturer of the Chair of state and municipal management of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in History; hrpkov-gn@sziu.ranepa.ru

Экономические кризисы и их влияние на структуру экономики

Корчемный М. К.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; maximuss55amg@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены динамические аспекты развития современной национальной экономики с позиций их влияния на ее структуру. В частности, проведена классификация экономических кризисов, систематизированы их причины и формы воздействия на структуру экономики и динамику экономической активности.

Ключевые слова: кризис, структура экономики, национальная экономика, экономический рост

Economic Crises and Their Influence on Economy Structure

Korchemny M. K.

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation; maximuss55amg@mail.ru

ABSTRACT

In the article, dynamic aspects of development of modern national economy from positions of their influence on its structure are considered. In particular, classification of economic crises is carried out; their reasons and forms of impact on economy structure and dynamic of economic activity are systematized.

Keywords: crisis, structure of economy, national economy, economic growth

В настоящее время процесс глобализации очень активно проникает во все сферы жизни, объединяя рынки товаров, капиталов, труда разных стран. С помощью интеграционных процессов национальные экономики начинают включаться в процесс интернационализации производства, характеризующийся усилением взаимосвязей и взаимозависимостей между хозяйственными системами отдельных государств. С одной стороны, глобализационные процессы оказывают положительное влияние на конъюнктуру мировой экономики. Они позволяют углубить специализацию и международное разделение труда, осуществить экономию на масштабах и создать условия взаимовыгодной торговли. С другой стороны, тесная взаимосвязь национальных экономик и их совместное функционирование может привести к глобальному кризису.

Если происходит экономический шок в национальной экономике, то это сможет повлиять и на мировую обстановку в целом. Это важно учитывать, так как главной целью современного общества является улучшение уровня и качества жизни, которое может быть достигнуто только в условиях устойчивого экономического роста. Опыт прошлых лет наглядно демонстрирует нам, что долговременный экономический рост не может быть равномерным, поэтому закономерно появляются периоды экономической нестабильности.

Подъемы и спады уровней экономической активности, следующие один за другим, принято называть деловым или экономическим циклом. Экономическая сфера общества не является исключением: она характеризуется подъемами и спадами, кризи-

сами и «бумами» своего развития. Люди всегда стремятся к достижению максимального уровня своего благополучия, правительство — к наивысшим темпам развития экономики своего государства. Однако экономика не может постоянно пребывать на пике своего развития, за ним неизбежно последуют спад и кризис, негативно влияющие на структуру экономики и замедляющие темпы развития страны. Даже самые развитые страны мира, такие как США, Великобритания, Франция, Германия и др. не способны полностью избежать экономических кризисов.

Причины цикличности развития хозяйственной сферы очень различны и выделить единственную, которая определяет циклический ход движения национальной экономики, достаточно сложно. В связи с этим сущность экономического цикла остается одним из самых спорных и малоизученных вопросов современной экономической науки.

После краха биржевых спекуляций на Нью-Йоркской фондовой бирже в 1929 г., стало понятно, что стихийная экономическая обстановка не может обеспечить равновесие совокупного спроса и предложения. Таким образом, экономика оказалась неспособной избавить общество от кризисов и безработицы. Стало очевидно, что национальная экономика не в состоянии самостоятельно развиваться без вмешательства государства, и все это побудило к созданию такого регулятора, который мог бы справиться со стихийными разрушительными силами рынка.

Кризисы отрицательно влияют практически на все и поэтому с ними пытаются бороться, однако они неизменно сопровождают всю историю человеческого общества. Страны мира располагают целым набором инструментов, способных сдерживать деловую активность или ускорять импульсы экономического развития страны. Активнее всего государство использует налоговую систему, которая позволяет, повышая или снижая ставки налогов на прибыль, государству влиять на деловую активность в стране. Применяя систему льгот, можно осуществлять целенаправленное воздействие на конкретные группы предприятий.

В современной экономической науке выделяют следующие виды кризисов, различающиеся охватом различных сфер или отраслей народного хозяйства: циклический, промежуточный, структурный, частичный, отраслевой и др. Рассмотрим их более детально.

1. Под циклическими кризисами понимаются периодически повторяющиеся спады общественного производства, порождающие замедление темпов деловой и трудовой активности во всех сферах хозяйственной системы страны и являющиеся началом нового делового цикла [2, с. 214].
2. Промежуточные кризисы в основном связаны со спонтанно возникающими спадами производства, которые на небольшой промежуток времени прерывают оживление и подъем национальной экономики. В отличие от циклических кризисов они не дают начало новому циклу, носят локальный характер и непродолжительны.
3. Падение деловой активности в какой-либо крупной сфере деятельности называется частичным кризисом. К примеру, сюда можно отнести денежное обращение и кредит, банковскую систему, фондовый и валютный рынки. Ярким примером частичного кризиса является переход от Бреттон-Вудской системы к Ямайскому соглашению, по которому золото прекратило выполнять роль мировых денег.
4. Спады производства и сворачивание экономической деятельности в одной из отраслей промышленности характеризуют ситуацию отраслевого кризиса. История полна такими видами сбоев экономической деятельности. К ним можно отнести кризисы угольной, судостроительной, сталелитейной промышленности.
5. Как известно, на экономику страны влияют также природно-климатические факторы, которые вполне способны нарушить действующий ритм хозяйственной дея-

тельности. Это и обуславливает сезонные кризисы, к которым, в частности, можно отнести кризис в коммунальном хозяйстве из-за отсутствия топлива ввиду затяжной зимы.

6. Быстрые изменения структуры экономики могут создать очень острые проблемы, присущие как национальным, так и международным хозяйственным связям, и выражаются они в структурных кризисах. Структурные кризисы возникают тогда, когда происходит нарастание межотраслевых диспропорций в производственной сфере и проявляется неэффективность использования ресурсов сложившейся структуры общественного производства ввиду изменения конъюнктурных условий. Они обуславливают длительные потрясения и требуют длительного периода адаптации к поменявшимся условиям общественного воспроизводства.

Отличительной особенностью структурных кризисов является то, что они проявляются в изменении не общей экономической обстановки, а в каких-то конкретных сферах или определенных отраслях. Следует отметить, что структурный кризис в одной отрасли влияет на многие хозяйственные отрасли и даже на многие сферы мирового хозяйства. Стоит отметить, что различие циклических кризисов и структурных состоит в том, что формой проявления отраслевых структурных кризисов может послужить недопроизводство или перепроизводство соответствующей продукции, технологическая отсталость отрасли.

В современных условиях характер протекания структурных кризисов изменился. Это заключается в следующем.

1. Падение производства осуществляется при неизменности монопольно высоких цен в условиях влияния профсоюзов и использования ими различных инструментов. Данные действия негативно отражаются на процессе избавления экономики от нынешнего производственного аппарата и затрудняют выход из кризиса. Так стало необходимо вмешательство государственных органов и внедрение антициклического регулирования. Главной задачей государства при сглаживании циклических колебаний является сокращение амплитуды этих колебаний.
2. Повышение темпов научно-технического прогресса усиливает обновление основного капитала, которое сосредоточено во всех сферах экономики. В итоге происходит замещение процесса производства товаров производством капитала, что выражается в хронической недогрузке производства. Это размывает циклический характер производства.
3. Глобализационные процессы в экономической сфере превращают локальные кризисы в мировые. Таковыми являются финансовый кризис 1997–1998 гг. и финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.

После того как структурные кризисы охватили практически все страны мира, мировое экономическое сообщество выделило два основных пути их предотвращения:

- стихийное регулирование, порождаемое чисто рыночными отношениями. Структура национальной экономики подвергается трансформации из-за изменения нормы прибыли. Менее перспективные предприятия довольствуются меньшими объемами прибыли или вовсе разоряются. Происходит перераспределение ресурсов (капитала, рабочей силы, природных ресурсов), устремляющихся в более выгодные проекты;
- государственное регулирование ускорения прогрессивных структурных изменений на основе структурной политики. Под структурной политикой понимается совокупность мер государственного регулирования, предназначенная для обеспечения условий долгосрочного экономического роста и изменения хозяйственной структуры народного хозяйства с целью защиты и поощрения отраслей, конкурентоспособных на внутреннем и внешнем рынках или служащих национальным интересам.

Существуют два пути регулирования структурных кризисов. В основу первого подхода положено пассивное участие государства в рыночной экономике. Данный путь обычно называют американским. Однако у него есть ряд недостатков: большая длительность осуществления, значительные социальные издержки. Все это привело к замедлению темпов роста и снижению эффективности производства.

Альтернативой первому подходу служит путь, основывающийся на государственном планировании, централизованном государственном регулировании и ускоренном переливании ресурсов между отраслями. Данный путь активно применяется Китаем и Южной Кореей. Он позволяет добиться значительных темпов роста производства с меньшими социальными издержками в кратчайшие сроки.

Структурные кризисы сопровождаются перенакоплением основного капитала, резким продолжительным сокращением производства и соответствующей технологической и структурной безработицей, усилением миграции рабочей силы, обесцениванием ее предыдущей квалификации; нарушением соответствия между основными элементами производительных сил (средствами и предметами труда, средствами производства и работниками и др.), а также между составными частями технологического способа производства.

Эти продолжительные нарушения, в свою очередь, обуславливают структурные сдвиги в рамках отдельных форм собственности и между ними, изменение соотношения между рыночными рычагами саморегулирования экономики и государственным регулированием внутри каждого из типов регулирования. Если структурные кризисы охватывают несколько или многие страны одновременно, то необходимо использовать или усилить надгосударственное регулирование в отдельных сферах.

Подведя итог вышесказанному, можно понять, что структурные кризисы — не редкость в современной экономике. Данные явления опасны тем, что как только начинают происходить изменения в определенной сфере экономики, то это неукоснительным образом касается структуры в целом. Поэтому государству необходимо проводить эффективную экономическую политику.

Говоря о кризисе, стоит упомянуть его определенные положительные черты. Во-первых, кризис позволяет произвести, так называемый, «естественный отбор» на промышленном рынке. На арене остаются только наиболее жизнеспособные предприятия, активно использующие инструменты эффективной политики управления ресурсами.

Во-вторых, борьба предприятий за выживание в условиях жесткой конкуренции может привести к снижению цен на определенные товары или услуги, что тоже оказывает положительное влияние на экономическую обстановку в стране. Кризис приводит рынки к естественному ценообразованию. Более того, кризисная ситуация в стране позволяет провести общее оздоровление экономики и вывести на первый план отечественных производителей.

В-третьих, кризисы являются своеобразным толчком для технологического обновления капитала, именно в кризис появляются технологические инновации. Так, например, энергетический кризис 1973 г., который был вызван действиями стран-членов ОПЕК в ответ на поддержку высокоразвитыми странами действий Израиля против арабских государств, в результате чего цены на углеводороды были подняты в 4 раза. Энергетический кризис 1973 г. вызвал циклический кризис 1974–1975 гг., второй по разрушительной силе, который подтолкнул развитые страны к разработке и внедрению ресурсосберегающих технологий.

Именно этот кризис стал мощным толчком для развития информационно-коммуникационных технологий, а впоследствии — информационной революции. Кардинальная трансформация структуры экономики развитых стран началась именно после кризиса 1974–1975 гг. Это проявилось в том, что нарастала доля высоко-

технологических отраслей, появился новый сектор — сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ-сектор) [1].

Мировой энергетический кризис 1973 г., также как циклический кризис 1974–1975 гг., не затронул Советский Союз, где в эти годы разрабатывались нефтегазовые месторождения Западной Сибири и который поставлял дешевые нефть и газ социалистическим странам. Высокие цены на нефть на мировом рынке подтолкнули правительство СССР наращивать объем инвестиций в добывающие отрасли в ущерб обрабатывающим, что явилось причиной сначала замедления, а в 1990 г. и отрицательных темпов роста советской экономики.

В то время как структура экономики западных стран подверглась постиндустриальной трансформации, в которой роль структурообразующего фактора перешла от первичного сектора к информационному, в экономической стратегии СССР, напротив, первичный сектор стал локомотивом развития экономики. В стране была принята программа ускоренного развития нефтяной и газовой промышленности. Второй приоритет после оборонной промышленности в экономике получили сырьевые отрасли, удельный вес которых в экспорте неизменно возрастал. Это привело к срыву информационной революции и нарастанию «голландской болезни». Либеральная реформа 1992 г., проводимая по модели «Вашингтонского консенсуса», лишь усилила структурный кризис в России, который завершился деиндустриализацией и десоциализацией экономики [3].

Таким образом, кризисы играют очень важную роль в структурной трансформации экономик различных стран.

Литература

1. *Конкурентоспособность и прорывное позиционирование в посткризисный период* : коллективная монография / под ред. Н. А. Пашкус. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011.
2. *Самуэльсон П. А.* Экономика. М. : Прогресс, 1993.
3. *Селищева Т. А.* Структурные трансформации и проблемы формирования информационной экономики России : дис. ... д-ра экон. наук. СПб. : СПбГИЭУ, 2006.

Об авторе:

Корчемный Максим Константинович, аспирант кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); maximuss55amg@mail.ru

References

1. Competitiveness and breakthrough positioning during the post-crisis period. The collective monograph / under the editorship of N. A. Pashkus. SPb. : Herzen State Pedagogic University, 2011. (In rus)
2. Samuelson P.A. Economy. M. : Progress, 1993. (In rus)
3. Selishcheva T.A. Structural transformations and problems of formation of information economy of Russia. Doctoral Dissertation. SPb. : SPb SEEU, 2006. (In rus)

About the author:

Maxim K. Korchemny, Graduate Student of the Chair of General Economic Theory and History of an Economic Thought of the St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation); maximuss55amg@mail.ru

Перспективы российского рынка слияний и поглощений в условиях экономической неопределенности

Рукавишников Д. С.

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация; dmitriy.probst@gmail.com

РЕФЕРАТ

Сделки слияния и поглощения являются отражением внутреннего состояния экономики. В кризисный период наблюдается спад всех экономических показателей в стране, в том числе и снижение количества и объема сделок слияния и поглощения. Причины, по которым происходит сокращение количества этих сделок, могут быть совершенно разными, как внутренними, так и внешними. В настоящий момент российская экономика переживает сложные времена: на нее давят как внутрироссийские проблемы, так и международные, вызванные напряженной политической обстановкой, сложными отношениями со странами Евросоюза и США.

Российский рынок слияний и поглощений как зеркало всей экономики сокращается все сильнее и сильнее. Рынок становится закрытым для иностранного капитала, доля внутренних сделок между российскими компаниями с каждым годом увеличивается и происходит концентрация активов в руках крупных частных инвесторов и государства. Как и в предыдущие годы, подавляющее большинство сделок происходит в нефтегазовой отрасли, металлургии и горнодобывающей промышленности. Под давлением Центрального банка Российской Федерации все больше увеличивается консолидация банковского сектора, что также способствует увеличению доли сделок слияния и поглощения. Перспективы и возможности российского рынка слияний и поглощений для восстановления и последующего роста очень хорошие, но для их реализации необходимо, чтобы выполнялись различные внешние и внутренние условия, в том числе отмена американских и европейских санкций в отношении российских компаний и представителей бизнес-сообщества.

В статье проведен общий анализ состояния российского рынка слияний и поглощений, а также определены проблемы и трудности, с которыми он столкнулся. Сгруппированы и описаны условия преодоления кризиса на рынке слияний и поглощений. Эти условия включают в себя комплекс мер, направленных не только на решение общеэкономических проблем, в том числе связанных с внешнеполитическими факторами, но и на повышение уровня доверия инвесторов к государству, что является одним из важнейших факторов восстановления российского рынка M&A (англ. Mergers & Acquisitions — слияние и поглощение).

Предметом исследования выступает российский рынок слияния и поглощения. Объект исследования — сделки слияния (поглощения) с участием российских компаний.

В ходе исследования применялись общенаучные методы теории управления, экспертного, статистического и сравнительного анализа.

Ключевые слова: сделки слияния и поглощения, динамика, синергетический эффект, экономический кризис, перспективы, санкции, финансовое оздоровление, экономические факторы

Prospects of the Russian Market of Mergers and Acquisitions in Conditions of Economic Uncertainty

Rukavishnikov D. S.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; dmitriy.probst@gmail.com

ABSTRACT

Mergers and acquisitions are a reflection of the internal state of the economy. During the crisis, there is a decline in all economic indicators in the country, including a decrease in the number and volume of mergers and acquisitions. The reasons for reducing the number of these transactions can be completely different, both internal and external. At the moment, the Russian economy is going through difficult times: it is pressured both by domestic problems and international ones, caused by a tense political situation, complicated relations with the countries of the European Union and the United States.

The Russian market of mergers and acquisitions as a mirror of the whole economy is shrinking more and more. The market becomes closed to foreign capital, the share of internal transactions between Russian companies increases every year and concentration of assets in the hands of large private investors and the state. As in previous years, the vast majority of transactions occur in the oil and gas industry, metallurgy and mining. Under the pressure of the Central Bank of the Russian Federation, consolidation of the banking sector is increasing, which also contributes to an increase in the share of mergers and acquisitions. The prospects and opportunities of the Russian M & A market for recovery and subsequent growth are very good, but for their implementation it is necessary that various external and internal conditions be met, including the abolition of American and European sanctions against Russian companies and representatives of the business community.

The article provides a general analysis of the state of the Russian market of mergers and acquisitions, and also identifies the problems and difficulties that he faced. The conditions for overcoming the crisis in the market of mergers and acquisitions are grouped and described. These conditions include a set of measures aimed not only at addressing general economic problems, including those related to foreign policy factors, but also at raising the level of investor confidence in the state, which is one of the most important factors in restoring the Russian M&A market (English Mergers & Acquisitions — mergers and acquisitions).

The subject of the study is the Russian market of mergers and acquisitions.

The subject of the study is mergers (acquisitions) involving Russian companies.

In the course of the research, general scientific methods of management theory, expert, statistical and comparative analysis were applied.

Keywords: merger and acquisition deals, dynamics, synergetic effect, economic crisis, prospects, sanctions, financial recovery, economic forces

Введение

В современном мире в условиях глобализации мировой экономики остро стоит проблема повышения эффективности управления компаниями. Одним из главных инструментов значимого возрастания эффективности управления являются стратегии слияния и поглощения, которые способствуют ускоренному росту корпорации, повышению конкурентоспособности, выходу на новый рынок сбыта, а также доступу к новейшим технологиям и ценным кадрам.

Актуальность темы настоящего исследования определяется снижением количества и особенно объема сделок с участием российских компаний и сокращением доли российского рынка слияния и поглощения на фоне роста мирового рынка M&A.

Анализ российского рынка слияний и поглощений

Период 2014–2017 гг. в российской экономике характеризуется высокой экономической неопределенностью. На рис. 1 представлены основные негативные факторы, влияющие на российский рынок.

Несмотря на негативное воздействие внешних и внутренних факторов, общая сумма сделок на рынке слияний и поглощений в России за 2017 г. составила 31,4 млрд долл.¹ Таким образом, сумма сделок в объемном показателе снизилась

¹ Информационно-аналитический портал «Thomsonreuters» [Электронный ресурс]. URL: <http://thomsonreuters.ru/2018/01/kompaniya-thomson-reuters-vypustila-issledovanie-deal->

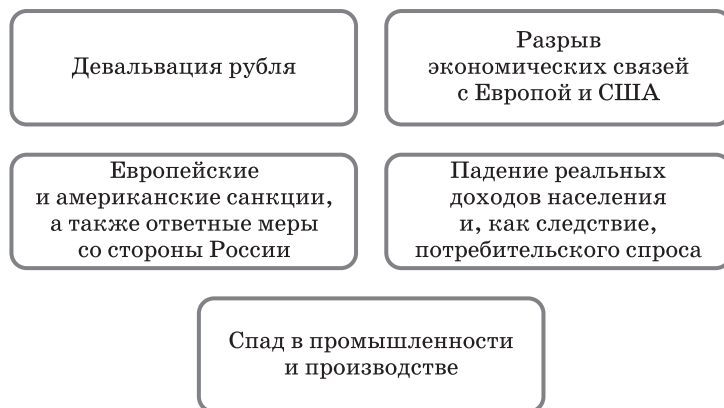

Рис. 1. Негативные факторы российской экономики
Fig. 1. Negative factors of the Russian economy

Источник: авторская разработка.

на 22% по сравнению с аналогичным показателем 2016 г. При этом стоит отметить, что объем сделок по состоянию на девять месяцев 2017 г. показывал 43% рост по сравнению с объемом сделок за девять месяцев в 2016 г.¹ На рис. 2 представлен график объема сделок слияния и поглощения в России за девятимесячный период (график построен на основании данных, представленных в отчете Thomson Reuters — Deal making in Russia 3Q 2017).

Однако в последнем квартале 2017 г. произошло резкое снижение активности в секторе слияния и поглощения с участием отечественных компаний, что и привело к отрицательной динамике темпа роста по итогам всего 2017 г. по общему объему сделок слияний и поглощений, включая заявленные, но незавершенные сделки с участием российских компаний, как внутри России, так и за рубежом.

Помимо очевидных трудностей в отечественной экономике, производстве и сфере услуг российскому рынку M&A присущи и другие проблемы. Вектор проблем российского рынка слияний и поглощений повторяет общеэкономические проблемы, одной из которых является ярко выраженная сырьевая направленность. Россия — крупнейшая ресурсодобывающая страна. Не удивительно, что большинство сделок в сфере M&A происходит именно в нефтегазовом секторе, металлургии и горнодобывающей промышленности, что подтверждается исследованиями консалтинговой компании KPMG².

Особняком стоят сделки в финансовом секторе. Рекордное количество сделок по слиянию и поглощению между банками 2017 г. Причина такого роста кроется в политике Центрального банка РФ, направленной на консолидацию банковского сектора: угроза отзыва лицензии, процедуры санации (в том числе через Фонд консолидации банковского сектора) и, как следствие, увеличение конкурен-

making-in-russia-4q-2017-posvyashchennoe-pokazatelyam-rossijskogo-rynka-m-a-v-2017-godu/ (дата обращения: 20.12.2017).

¹ Рынок слияний и поглощений российских компаний достиг максимума за 4 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/03/10/2017/59d35e309a79470704dc1633> (дата обращения: 20.12.2017).

² Аналитическое исследование аудиторской компании KPMG. Рынок слияний и поглощений в России [Электронный ресурс]. URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/ru/pdf/2017/04/ru-ru-russian-2016-ma-overview.pdf> (дата обращения: 20.12.2017).

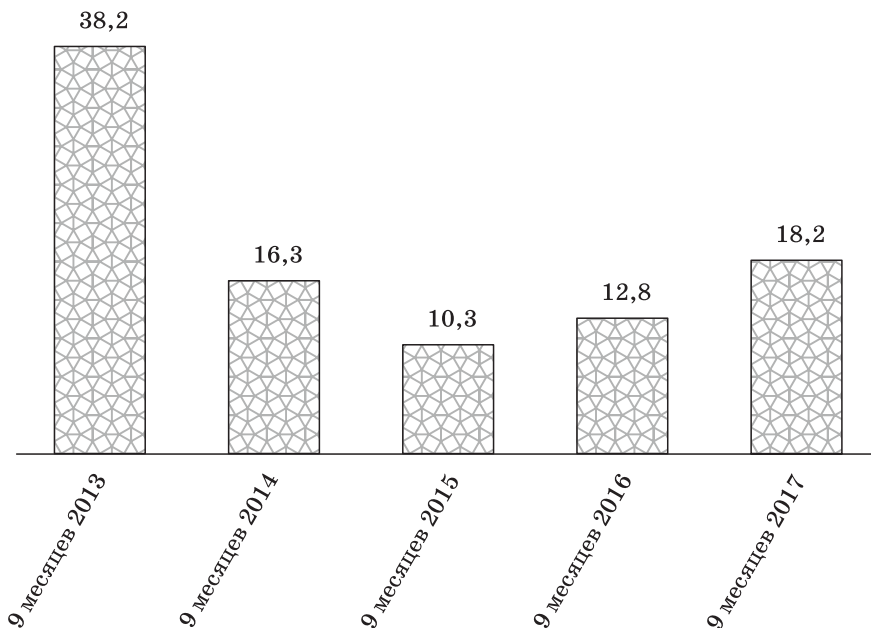

Рис. 2. Объем сделок М&А в России, млрд долл. США
Fig. 2. The volume of M&A transactions in Russia

Источник: Thomson Reuters.

ции — все это привело к тому, что по итогам 2017 г. доля банковского сектора в общем объеме сделок составила 26%.

Еще одним фактором, сдерживающим развитие российского рынка М&А, является чрезмерная концентрация капитала. В развитых странах, таких как США, Великобритания, Франция и Германия, компании существуют в форме акционерных обществ, акции которых вращаются на фондовом рынке, а не сконцентрированы в руках одного собственника или группы лиц (группы численностью до 10 человек). Для России же характерна обратная ситуация — «сверхконцентрация» собственности. Акционеры или группа акционеров стараются обеспечить себе максимальный контроль над предприятием с целью защиты своих инвестиций. Такое явление вызвано слабой правовой базой, которая плохо защищает права инвесторов.

Помимо обозначенной выше проблемы, российское законодательство сталкивается и с другими трудностями. Ввиду несовершенства законодательства, возникает много спорных ситуаций, вызванных большим количеством нерегулируемых вопросов и отсутствием четких механизмов реализации предписанных норм. Это в свою очередь определяет низкую прозрачность деятельности корпораций и закрытость информации по сделкам. Но российский рынок все-таки стремится к прозрачности, хотя в абсолютном выражении этот показатель еще далек от показателя развитых стран.

Несмотря на то, что российский рынок М&А постепенно становится более цивилизованным, проблема враждебных корпоративных захватов до сих пор стоит достаточно остро для нашей экономики. Рейдерские захваты еще до недавнего времени являлись неотъемлемой частью сделок по слиянию и поглощению в России, причем в данном случае под рейдерским захватом подразумевается любая сделка, по которой возникают юридические споры, требующие судебного рас-

следования. Также сюда можно отнести силовые методы, методы политического давления и другие действия, направленные на получение контроля над активами в обход установленных принципов корпоративного права. Как правило, в результате корпоративных захватов объект захвата разделяется на целевые активы и продается.

Еще одной проблемой российского рынка является то, что подавляющее количество сделок являются внутренними. Иностранный капитал с каждым годом все реже участвует в сделках в России. За 2017 г. сумма сделок по покупке российских компаний иностранными снизилась на 15% по сравнению с 2016 г. и составила 15 млрд долл. Данный факт вызван проблемами законодательства, специфичностью российского рынка и внешнеполитической обстановкой.

Стоит отметить, что под давлением слабого курса рубля по отношению к американской и европейской валютам, российские компании также ограничены в выборе желаемых иностранных активов, так как существенно увеличилась разница между ожиданиями продавца и возможностями покупателя. Ввиду этого сохраняется тенденция увеличения доли внутренних сделок, при минимальном количестве сделок с участием иностранных компаний. На рис. 3 приведена гистограмма, отражающая доли внутренних и внешних сделок в объемном и количественном выражении. Гистограмма построена на данных ежегодного аналитического отчета компании KPMG.

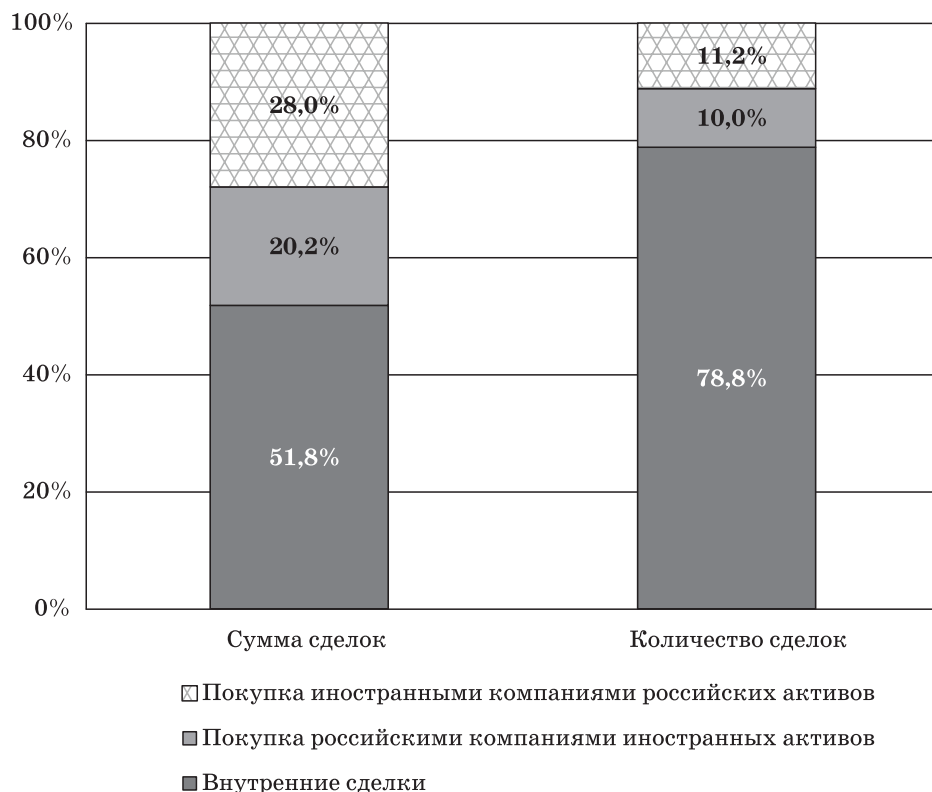

Рис. 3. Российский рынок M&A в России по направлению движения капитала, %

Fig. 3. M&A market in Russia in the direction of movement of capital, %

Источник: KPMG.

С другой стороны, российскому капиталу становится все труднее проникать на глобальные рынки и приобретать иностранные активы. Американские и европейские санкции, финансовые ограничения и нежелание иностранных компаний работать с российскими инвесторами ввиду опасений наказаний со стороны правительств своих стран и Европейской комиссии привели к тому, что 2017 г. стал худшим годом по показателю проникновения российского капитала на мировые рынки, начиная с 2001 г. Сумма сделок по покупке российской компанией доли в иностранной снизилась с 16,9 млрд долл. в 2016 г. до 442 млн долл. в 2017, т. е. почти в 40 раз.

Что касается возможностей российского рынка M&A, то он полон потенциала, однако перспективы его развития пока не ясны. Условия и изменения, которые должны произойти для восстановления рынка, многогранны и включают в себя множество комплексных изменений и мер, как внутренних, так и внешних.

Одним из условий роста количества и объема сделок является уверенность инвесторов не только в «завтрашнем дне», но и в том, что их права защищены законом, а государство заинтересовано во взаимовыгодном партнерстве. Но для этого необходимы реформы не только в части законодательства, но и в сознании представителей бизнеса. Для роста количества сделок необходима стабилизация внешнеполитических отношений, рост экономики и реформы законодательства, направленные на защиту интересов собственников и инвесторов.

Проблема сокращения рынка слияний и поглощений в России является комплексной и требует тщательной проработки экономических, политических (в том числе внешнеполитических) и социальных факторов.

Заключение

Перспективы российского рынка слияний и поглощения туманны, что отражает высокую неопределенность в национальной экономике. В настоящий момент показатели российской экономики и рынка M&A минимальны, предпосылок их стабилизации пока нет. Рынок снижается уже пятый год, говорить о том, что российский рынок M&A достиг дна, пока еще невозможно. Только после преодоления всех трудностей российский рынок слияния и поглощения сможет восстановиться до предкризисных показателей и даже их превзойти. Однако в настоящий момент невозможно спрогнозировать, когда это произойдет.

Об авторе:

Рукавишников Дмитрий Сергеевич, аспирант департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Российская Федерация); dmitriy.probst@gmail.com

About the author:

Dmitriy S. Rukavishnikov, Graduate student, Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); dmitriy.probst@gmail.com

Выявление глобальных стратегических трендов, определяющих развитие прямых иностранных инвестиций

Тедеева А. В.

Московская школа экономики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; linka.35@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель. Рынок прямых иностранных инвестиций является динамичным. На это влияет большое количество факторов, как внешних, так и внутренних. С одной стороны, корпорации меняют стратегические инвестиционные приоритеты в связи с изменением объемов накопленных инвестиционных ресурсов, используемых технологий, а также емкости рынка, на который они ориентируются. Одновременно в глобальной экономике происходят трансформации, приводящие к изменению внешней конъюнктуры, что ведет к смене условий ведения бизнеса в разных странах и отраслях. Выявление, систематизация и описание основных стратегических тенденций развития прямых иностранных инвестиций и определяющих их факторов, таким образом, является исследовательской целью данной работы.

Методы. В процессе проведения исследования были использованы методы статистического анализа данных, научного обобщения, стратегического анализа, систематизации научных подходов.

Результаты. Были проанализированы основные показатели динамики прямых иностранных инвестиций по странам, регионам и международным интеграционным союзам. В результате были выявлены и сформулированы основные глобальные стратегические тенденции развития прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Было установлено, что ряд стратегических глобальных тенденций развития прямых иностранных инвестиций являются устойчивыми, что определяет необходимость их учета при разработке соответствующих стратегий. Результаты настоящего исследования могут быть использованы при разработке как корпоративных стратегий реализации ПИИ в тех или иных странах и регионах, так и в процессе разработки национальных региональных и отраслевых стратегий инвестиционного развития.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции; стратегические приоритеты развития; отраслевая структура экономики; офшорное финансирование; согласованность интересов инвесторов; стратегический инвестиционный потенциал региона

Identification of the Global Strategic Trends Defining of Foreign Direct Investments Development

Tedeewa A. V.

Moscow School of Economics of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; linka.35@mail.ru

ABSTRACT

Objectives. The foreign direct investment market is extremely dynamic. This is affected by a large number of factors, both external and internal. On the one hand, corporations change strategic investment priorities due to changes in the volume of accumulated investment resources, technologies used, and the market capacity to which they are oriented. At the same time, transformations take place in the global economy, leading to a change in the external environment, which leads to a change in the conditions for doing business in different countries and industries. The identification, systematization and description of the main strategic trends in the development of the foreign direct investment market and the factors that determine them, therefore, is the research objective of this work.

Methods. During the research we used methods of statistical data analysis, scientific generalization, strategic analysis, systematization of scientific approaches.

Results. The main indicators of the foreign direct investment market dynamics by countries, regions and international integration unions were analyzed in the framework of this study. As a result, the main global strategic trends in the development of the foreign direct investment market were identified and formulated. It was found that a number of strategic global trends in the development of the foreign direct investment market are sustainable, which determines the need to take them into account when developing appropriate strategies.

The results of this study can be used to develop both corporate strategies for the implementation of FDI in certain countries and regions, and in the process of developing national regional and sectoral strategies for investment development.

Keywords: foreign direct investments; strategic development priorities; branch structure of the regional economy; offshore financing; coherence of the interests of investors; strategic investment potential of the region

Введение

Динамика прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в масштабе современной мировой экономики предопределяется общими экономическими условиями и стратегическими тенденциями, формируемыми на глобальном рыночном пространстве. Возникающие со все большей частотой экономические кризисы, во многих странах носящие затяжной характер, существенно сокращают инвестиционную активность в целом и ПИИ, в частности.

Так, финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., охвативший практически всю глобальную экономическую систему, привел к резкому сокращению совокупного объема реализованных инвестиций в глобальном масштабе. Лишь спустя семь лет, в 2015 г., в мировой экономике были достигнуты показатели объемов привлеченных и накопленных ПИИ на докризисном уровне. То есть, по причине существенного отката экономической системы, подверженной кризисным явлениям, экономика вынуждена затрачивать имеющиеся стратегические ресурсы и использовать потенциал лишь на то, чтобы наверстать упущенные показатели экономического развития, а не достигать новых, существенно более высоких значений.

В подобных условиях становится актуальным выявление наиболее значимых и устойчивых глобальных стратегических тенденций в динамике ПИИ, а также экономических факторов, определяющих их проявление. Базовой гипотезой настоящего исследования является наличие устойчивых тенденций, которые могут быть использованы при разработке стратегий инвестирования в странах и регионах мира участниками международных инвестиционных процессов.

Материалы и методы

Данное исследование ориентировано на выявление наиболее значимых и устойчивых стратегических тенденций развития ПИИ. В этой связи требовался детальный анализ статистики относительно динамики этого показателя по странам и регионам мира — как в показателях притока, так и оттока ПИИ. Подобная статистика в наиболее полном объеме представляется в обзорных статистических документах Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD). Помимо этого были использованы статистические данные, предоставляемые национальными статистическими службами. Для анализа, систематизации и обобщения полученных данных в работе использованы методы статистического анализа, научного обобщения и стратегического анализа, которые в совокупности позволили выявить наиболее устойчивые стратегические тенденции развития ПИИ в мире.

Результаты

В результате проведенного исследования были выявлены следующие основные глобальные стратегические тенденции развития ПИИ:

- рост влияния глобальных и региональных экономических кризисов;
- замедление темпов роста глобальной экономики;
- рост инвестирования международными корпорациями в экономики стран с формирующимся рынком;
- рост объемов иностранных инвестиций в развитых странах;
- сохранение лидерства по объему привлеченных ПИИ за США, Великобританией и Китаем;
- трансформация деятельности международных корпораций в направлении снижения налогов на глобальные доходы;
- активизация позиции международных инвесторов в поисках приложения капитала;
- рост объема привлеченных в страны ПИИ происходит одновременно с ростом инвестиций из этих стран в иностранные компании;
- формирование лидерства по объемам ПИИ в рамках международных интеграционных объединений и крупных инвестиционных проектов;
- сокращение объема ПИИ в первичном секторе и рост в обрабатывающих отраслях промышленности;
- рост инвестирования в офшорных зонах.

Полученные результаты могут быть использованы как при формировании стратегических инвестиционных решений отдельными транснациональными компаниями, так и национальными и региональными властями в процессе разработки стратегий развития.

Обсуждение

В 2015 г. объем накопленных ПИИ составил 1,76 трлн долл., что является наивысшим показателем с момента окончания кризиса, прирост лишь за один год составил 38% [7]¹. Одним из существенных факторов, определивших резкий прирост объемов ПИИ в мировой экономике, стало проведение в 2015 г. ряда крупных сделок по слиянию и поглощению международных компаний — на 721 млрд долл., тогда как еще в 2014 г. их объем составил только 432 млрд.

Но уже в 2016 г. объем ПИИ резко сократился относительно показателя 2015 г. (снижение на 13%), составив лишь 1,52 млрд долл. Подобная негативная тенденция была связана в целом с сокращением темпов роста мировой экономики [3]².

В соответствии с данными, представленными в Отчете ЮНКТАД по мониторингу глобальных инвестиционных трендов [7], именно в этот период проявился стратегический тренд реализации международными компаниями инвестиций в экономиках стран с формирующимся рынком (причем на фоне общего сокращения, либо снижения темпов роста, целого ряда основных экономических показателей). Так, только за 2016 г. общий рост объемов ПИИ в странах с формирующимся рынком составил 38%, а их накопленные значения достигли 58 млрд долл.

При этом в отчете указано, что основные объемы ПИИ в странах данного типа были связаны с реализацией крупных инвестиционных проектов на территории России и Казахстана по проведению сделок в крупных нефтяных компаниях. ПИИ

¹ Использованы данные UNCTAD.

² См. также: Конференция ООН по торговле и развитию // www.unctad.org/fdistatistics; Федеральная служба государственной статистики // www.gks.ru; Всемирная торговая организация (ВТО) // <http://www.un.org/ru/wto>.

в России увеличились только за 2016 г. на 62%, достигнув максимального значения 19 млрд долл., тогда как в Республике Казахстан объем привлеченных ПИИ увеличился в два раза (составив 8,1 млрд долл.). Согласно экспертным оценкам специалистов ООН подобная положительная динамика связана с приватизацией 19,5% акций компании «Роснефть» в России, проведенной в 2016 г., и увеличением объемов инвестиций в развитие проектов по добыче углеводородного сырья в Казахстане.

Еще одним глобальным трендом, наиболее интенсивно проявляющимся в последнее десятилетие, является существенное увеличение объемов иностранных инвестиций в странах мира с наиболее развитыми экономическими системами. Объем глобальных ПИИ, размещенных в развитых странах мира, составляет 962 млрд долл. (55% от общемирового показателя). Объем ПИИ, привлеченных в экономики стран Европейского союза, был одним из самых высоких в мире, а ПИИ, привлеченные в экономику США, всего за один год увеличились в четыре раза. Это крайне важное наблюдение, поскольку оно свидетельствует о неполной состоятельности принятой в ряде научных подходов гипотезы о том, что ПИИ реализуются, в основном, в связи с возможностью эксплуатации более дешевых экономических факторов производства и служат источником привлечения современных продвинутых технологий из развитых стран в развивающиеся и страны с формирующимся рынком [5, 11].

Заметим, что именно страны с формирующимся рынком (в основном азиатские) весь предшествующий период были крупнейшими получателями ПИИ в мире. На этом фоне определенный рост притока ПИИ в 2015 г. наблюдался и в развивающихся странах (порядка 9%), общий объем которых достиг рекордных для данной группы стран 765 млрд долл., более 500 млрд из которых были привлечены в экономику стран Азиатского региона. За наблюдаемый период сколько-либо существенного изменения притока ПИИ в страны Латинской Америки, Африки и Карибского бассейна не наблюдалось.

Несмотря на ряд негативных тенденций в развитии мировой экономической системы и отдельных стран, в том числе и ведущих экономических держав Европы, в течение 2016 г. лидерство по объемам привлеченных ПИИ сохранили США (385 млрд долл.), Великобритания (179 млрд долл.) и Китай (139 млрд долл.). И это на фоне ухудшения показателей инвестиционного климата, в частности сокращения совокупного объема инвестиций в странах Европы на 22%, в странах Карибского бассейна на 19%, на африканском континенте на 5%. США по-прежнему остаются глобальным лидером по показателю инвестиционной привлекательности в целом и ПИИ, в частности.

Одной из существенных мотиваций для реализации транснациональными корпорациями международных слияний и поглощений, оказавших влияние на существенный прирост ПИИ в США и Европе, является реализация стратегий корпоративных трансформаций, целью которых является оптимизация налоговых платежей — в процессе осуществления крупных сделок предусматривался переход налогового domicilia транснациональных корпораций в налоговые юрисдикции с существенно более низкими ставками корпоративного налога, из которого исключаются налоги на глобальные доходы.

Как показано на графике (рис. 1), наиболее устойчивой тенденцией, наблюдаемой последние десятилетия в ПИИ, является их рост в развивающихся странах.

Страны с развивающимися экономиками демонстрировали рост объема привлеченных ПИИ, даже в ситуации глобального ухудшения инвестиционного климата в 2014 г. Именно этот небольшой период был первым в истории, когда ПИИ в экономики развивающихся стран превысили объем их совокупного привлечения развитыми странами. Данная тенденция в целом согласуется с тезисом, выдвинутым лауреатом Нобелевской премии по экономике Полом Кругманом о том, что

Рис. 1. Динамика ПИИ в мире, 2003–2016 гг. (млн долл.)
Fig. 1. Dynamics of FDI in the world, 2003–2016 (million dollars)

Источник: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=96740>.

ПИИ из развитых стран в развивающиеся растут исключительно в условиях экономического спада [12]. В результате, уже сегодня практически половина крупнейших стран-получателей ПИИ являются странами с развивающимися экономиками и формирующимся рынком.

В течение 2015 г. объем привлеченных ПИИ существенно вырос в таких экономически развитых странах, как Германия (в 32 раза), Швейцария (в 9,8 раза), США (в 3,5 раза), Ирландия (в 3,2 раза) и Франция (в 2,8 раза). Однако, несмотря на то, что наибольший рост наблюдался в Германии, более чем трехкратное увеличение этого показателя в США привело к тому, что именно эта страна заняла лидирующую позицию по объему привлеченных ПИИ, переместившись с 3-го места, тогда как Ирландия переместилась с 11-го места на 4-е, Швейцария — с 38-го на 6-е, а Германия — с 98-го на 14-е место. Эти страны смогли продемонстрировать действительно прорыв по данному показателю.

При этом следует отметить, что экономики всех этих стран являются одними из самых развитых в мире. Первые три лидирующие позиции, по-прежнему, занимают США, Гонконг (Китай) и Китай, однако как среди развитых стран, так и в странах с формирующимся рынком происходят существенные изменения, что подтверждает тезис о том, что владельцы международного капитала стремятся оптимизировать инвестиции, используя потенциал инвестирования в тех экономиках, которые обеспечивают им необходимое соотношение риска и доходности [6].

В процессе систематизации и анализа потока ПИИ между странами была выявлена и еще одна важная тенденция — страны, привлекающие наибольшие объемы ПИИ в мире, одновременно выступают и наиболее активными в процессах прямого инвестирования за рубежом. Таким образом, можно выдвинуть предположение о том, что подобные инвестиции носят встречный характер и направлены на поиск более рентабельного приложения инвестиционного капитала, а также ориентированы, среди прочего, на создание производства в странах и регионах,

обладающих большим внутренним спросом на производимую международными компаниями продукцию и характеризующихся потенциалом высокой производительности труда [1].

Так, Япония, регулярно занимающая одну из лидирующих позиций по показателям вывоза ПИИ (на 2016 г. — 2-е место), не вошла даже в двадцатку крупнейших импортеров ПИИ, так же, как и Россия, в 2014 г. занимавшая 6-е место в мире по показателю объемов ПИИ, реализованных за рубежом. Безусловно, подобные оценки не всегда справедливы, если учитывать, что не все инвестиции, осуществляемые за рубежом и учитываемые статистическими службами, как ПИИ, обладают всеми характеристиками ПИИ [13, с. 274]. При этом объемы импортируемых и экспортируемых инвестиций мировых стран-лидеров (США и Китая), являясь колоссальными по значению, фактически сравнимы, что свидетельствует о высокой активности инвесторов из этих стран как на внутреннем, так и на внешних рынках.

Факторами, определившими смену тенденции ввоза ПИИ в развивающиеся страны, стали снижение глобальных цен на основное торгуемое сырье, снижение обменного курса национальных валют, а также проявляющиеся в последнее время явления, связанные с ростом геополитических рисков, ограничивающих международную экономическую интеграцию [13, с. 475]. Явным исключением среди этой группы стран оказался Китай, увеличивший экспорт ПИИ, сохранив 3-е место среди стран-лидеров.

Стратегической тенденцией, сформированной еще во второй половине XX века, является то, что крупнейшие ПИИ реализуются в рамках международных экономических интеграционных объединений и крупных транснациональных инвестиционных проектов [3, 9]. Страны-члены Большой двадцатки (G20), Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство (Transatlantic Trade and Investment Partnership), Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество (Asia-Pacific Economic Cooperation, APEC), Транс-тихоокеанское партнерство (Trans-Pacific Partnership, TPP), Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP) и БРИКС (BRICS) формируют более половины мирового объема ПИИ (табл. 1).

Данные, представленные в табл. 1, наглядно демонстрируют, что глобальной тенденцией, исключением из которой составляют лишь страны-участники интеграционного объединения БРИКС, является то, что наиболее крупные ПИИ осуществляются именно между странами, участвующими в интеграционных союзах (совокупный объем входящих ПИИ этих стран, происходящих из других стран объединения, достигает 30–60%). Очевидно, что участие в подобных региональных международных интеграционных объединениях оказывает существенное воздействие на формирование положений стратегии транснациональных корпораций, особенно когда осуществляется стратегическое решение о стране и регионе локации осуществления долгосрочных инвестиционных проектов [10]. С учетом данной тенденции, необходимо, чтобы при формировании корпоративных стратегий развития учитывались вопросы прогнозов и перспектив формирования новых экономических международных объединений и стратегии их развития.

Следующей стратегической тенденцией, проявляющейся в сфере ПИИ, стало устойчивое сокращение их накопленных значений в первичном секторе и рост в обрабатывающих секторах экономик [14]. Активизация международных инвесторов на сделках по слияниям и поглощениям наиболее существенно повлияла на проявление подобного тренда, в подтверждение чему можно привести тот факт, что уже в 2015 г. сделки с предприятиями обрабатывающих секторов экономики достигли наибольших объемов за весь период наблюдений, составив 388 млрд долл. (выше максимального значения показателя, достигнутого в 2007 г.), что составляет более половины от общего объема трансграничных слияний и поглощений, а общая сумма инвестиций, реализованных в процессе слияний и поглощений за 2016 г., достигла максимального значения за все периоды наблюдений — 831 млрд

Ввоз ПИИ в экономику крупнейших международных экономических и торговых объединений в 2014 и 2015 гг., млрд долл.

Table 1. Import of FDI in economy of the largest international economic and trade associations in 2014 and 2015, billion dollars

Международное объединение	2014 г.	Доля в мировых ПИИ*	2015 г.	Доля в мировых ПИИ	Накопленный ввоз ПИИ
G 20	652	51%	926	53%	14 393
TTIP	399	31%	819	46%	13 361
APEC	669	52%	953	54%	12 799
TPP	353	28%	593	34%	9037
RCEP	341	27%	330	19%	4156
BRICS	271	21%	256	15%	2373

*Подобные доли получены в связи с тем, что одни и те же страны являются членами разных международных объединений (прим. автора).

Источник: ©ЮНКТАД, база данных ПИИ/ПНП (www.unctad.org/fdistatistics).

долл. [7]. Динамика международных слияний и поглощений представлена в виде графика на рис. 2.

Одним из факторов, изменившим отраслевую структуру международных инвестиций и повлиявшим на перераспределение их потока от добывающих в обрабатывающие сектора экономики, стало снижение мировых цен на основные виды сырья и, как следствие, сокращение рентабельности инвестиций. Наиболее сильно эта тенденция проявилась в динамике притока ПИИ в странах с формирующимся рынком. Основную долю в общем объеме ПИИ составляют компании в сфере услуг.

По-прежнему сохраняется глобальный тренд инвестирования в офшорных зонах, несмотря на снижение этого показателя в 2015 г. Объем ежеквартальных потоков инвестиций через фонды специального назначения мировых офшорных финансовых центров значительно увеличился в сравнении с 2014 г. [14]. Одновременно динамика их изменения характеризовалась относительной неустойчивостью в течение года: существенное увеличение объемов инвестиций в первые три квартала и их резкое сокращение в четвертом квартале, составив в общей сложности за 2015 г. 221 млрд долл. Существенную долю этих инвестиций составили потоки в страны с формирующимся рынком и страны с переходной экономикой, часть из которых представляют собой репатриацию ранее вывезенного капитала и транзит ПИИ.

Хотя инвестиции из зон офшорного финансирования за последние годы относительно сократились, рентабельность для инвесторов по-прежнему остается высокой что, скорее всего, обеспечит устойчивость данного тренда в течение долгого времени. Однако подобная форма привлечения ПИИ приводит к учету доходов, получаемых от реализации инвестиций в странах, предоставляющих лишь возможности освобождения от налоговых выплат и не имеющих отношения к странам и регионам, непосредственно участвующих в производстве продукции и оказании услуг.

Данный факт явно свидетельствует о том, что в этой области накопились серьезные недостатки, связанные с несогласованностью стратегий международных инвесторов, стран, принимающих ПИИ, и стран, предоставляющих льготные условия налогообложения. Наличие существенного разрыва в стратегических инвестиционных и налоговых приоритетах участников инвестиционного процесса может привести к снижению мотивации регионов, принимающих иностранные инвестиции, к выработке инструментов стимулирования привлечения в экономику ПИИ.

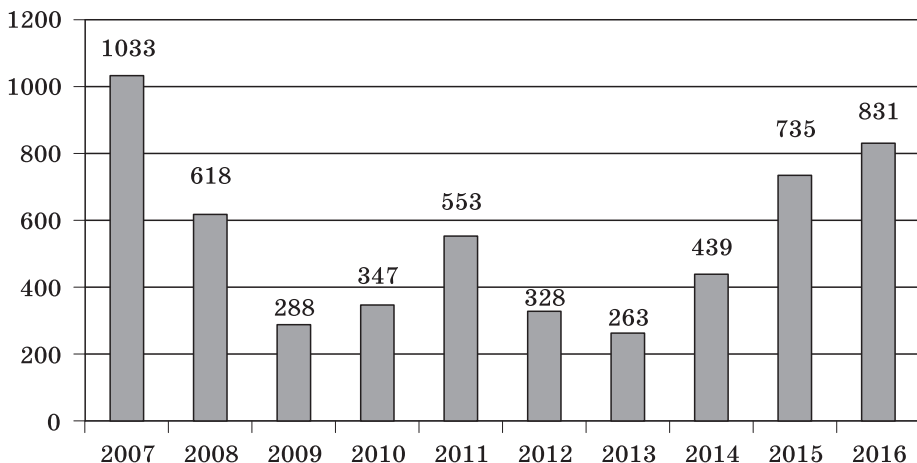

Рис. 2. Трансграничные слияния и поглощения, 2007–2016 гг. (млрд долл.)

Fig. 2. Cross-border merges and absorption, 2007–2016 (billion dollars)

Источник: ©UNCTAD, based on cross-border M&A database for M&As, and information from the Financial Times Ltd, FDI Markets (www.fdimarkets.com) for greenfield projects.

Инвестиционная и налоговая политика, реализуемые в различных странах и регионах мира, должны формироваться исходя из основных положений реализуемой стратегии международной инвестиционной деятельности, обеспечивая согласованность с тактикой реализации подобных стратегий¹. Повышение степени взаимодействия между корпорациями, представителями отраслей, стран и регионов в процессе разработки стратегии реализации инвестиций на международных рынках приведет к выработке более согласованных документов и действий, направленных на оптимизацию в стратегической перспективе результатов для всех участников. В качестве основополагающих руководящих принципов разработки международной налоговой и инвестиционной политики, среди прочего, возможно использование, среди прочего, принципов, разработанных организацией UNCTAD.

На международных рынках наблюдается рост производства транснациональных компаний, при этом только за 2015 г. объем их продаж вырос на 7,4%, а добавленная стоимость на 6,5%. Общее количество занятых на производствах транснациональных компаний составило 79,5 млн чел. (табл. 2). Однако одновременно проявляется и негативная тенденция снижения рентабельности ПИИ представительств международных компаний в странах, принимающих ПИИ (с 6,7% в 2014 г. до 6,0% в 2015 г.).

Данные, представленные в табл. 2, наглядно демонстрируют, что деятельность филиалов иностранных компаний является достаточно эффективной — наблюдается устойчивый рост показателей продаж иностранных филиалов и представительств, величины принадлежащих им активов и экспорт.

Следует отметить, что существует сильная положительная зависимость между динамикой ПИИ и характеристиками экономики, принимающей эти инвестиции, а также приоритетами стратегического развития, реализуемыми в этих странах и регионах. Так, страны, в которых развитие предприятий сырьевого сектора является основным в системе национальных, либо региональных, стратегических экономических приоритетов, находятся в большей зависимости от изменения ми-

¹ В соответствии с методикой академика В. Л. Квинта, политика должна разрабатываться на основе согласования стратегии и тактики.

Отдельные показатели ПИИ и международного производства

Table 2. Separate indicators of FDI and international production

Показатель	Стоимость в текущих ценах (млрд долл.)				
	1990	2007	2013	2014	2015
Ввоз ПИИ	207	1418	1427	1277	1762
Вывоз ПИИ	242	1445	1311	1318	1474
Накопленный ввоз ПИИ	2077	14 500	24 533	25 113	24 983
Накопленный вывоз ПИИ	2091	15 104	24665	24810	25045
Доход от ввезенных ПИИ	75	1025	1526	1595	1404
Норма прибыли на ввезенные ПИИ, %	4,4	7,3	6,5	6,7	6
Доход на вывезенные ПИИ	122	1101	1447	1509	1351
Норма прибыли на вывезенные ПИИ, %	5,9	7,5	6,1	6,3	5,6
Международные СиП	98	729	263	432	721
Продажа иностранных филиалов компаний	5101	20 355	31 865	34 149	36 668
Добавленная стоимость (продукции) филиалов иностранных компаний	1074	4720	7030	7419	7903
Общие активы филиалов иностранных компаний	4595	40924	95671	101254	105778
Экспорт филиалов иностранных компаний	1444	4976	7469	7688	7803
Занятость на филиалах иностранных компаний (тыс. чел.)	21 454	49 565	72 239	76 821	79 505

Источник: ©ЮНКТАД.

ровых цен на производимые в них сырьевые ресурсы. В то же время, страны и регионы, реализующие приоритеты развития обрабатывающих производств с применением сложных технологических процессов, являются менее уязвимыми при неблагоприятном изменении внешней конъюнктуры, в результате чего поток ПИИ в них оказывается более устойчивым [9].

Следовательно, общая динамика потока ПИИ в разных странах и регионах мира зависит как от показателей развития национальной экономики, так и от реализуемых в них стратегических отраслевых приоритетов развития. Приведем обзор различных регионов мира с точки зрения влияния принятых приоритетов на активность привлечения ПИИ, основываясь на статистике по объемам ПИИ в различных регионах (табл. 3).

Развитые страны. Основным стратегическим приоритетом экономического развития стран этой группы является достижение и удержание лидерских позиций в большинстве отраслей. Реализация подобных приоритетов обеспечивается разработкой и внедрением прогрессивных промышленных технологий, широкой диверсификацией выпускаемой продукции, ростом производительности труда, совершенствованием производственных и управленческих процессов и др. Именно эти страны являются крупнейшими поставщиками стратегических инвестиционных ресурсов на мировые рынки капитала, а также и их основными получателями [10]. В 2015 г. транснациональные компании из развитых стран инвестировали за рубе-

Поток ПИИ, по регионам, в 2013–2015 гг. (млрд долл.)
 Table 3. FDI stream, on regions, in 2013–2015 (billion dollars)

Регион	Ввоз ПИИ			Вывоз ПИИ		
	2013	2014	2015	2013	2014	2015
Весь мир	1427	1277	1762	1311	1318	1474
Развитые страны	680	522	962	826	801	1065
Европа	323	306	504	320	311	576
Северная Америка	283	165	429	363	372	367
Развивающиеся страны	662	698	765	409	446	378
Африка	52	58	54	16	15	11
Азия	431	468	541	359	398	332
Восточная и Юго-Восточная Азия	350	383	448	312	365	293
Южная Азия	36	41	50	2	12	8
Западная Азия	46	43	42	45	20	31
Латинская Америка и Карибский бассейн	176	170	168	32	31	33
Океания	3	2	2	2	1	2
Страны с переходной экономикой	85	56	35	76	72	31

Источник: ©ЮНКТАД, база данных ПИИ/МНП (www.unctad.org/fdistatistics).

жом рекордные 1,1 трлн долл., продемонстрировав рост в 33% всего за один год.

Развивающиеся экономики. Эта группа стран является неоднородной, поскольку включает регионы, в которых объемы и темпы роста промышленного производства одни из самых высоких в мире (страны азиатского региона), но также и страны, основной экономический потенциал которых состоит в использовании богатой ресурсной базы (страны Африки, Латинской Америки и СНГ).

Так, Африка, являясь крупным континентом, разделенным на большое количество стран, остается по-прежнему экономической периферией. В рамках данного исследования важным является показатель потока ПИИ. Очевидно, что причиной низкой активности инвесторов является в большинстве своем сырьевая направленность национальных экономик и высокая зависимость производств от динамики мировых цен на производимое сырье. Крупнейшими получателями ПИИ в этом регионе являются Египет, ЮАР, а также ряд стран, добывающих углеводородное сырье и драгоценные камни. Причиной низкой активности инвесторов в этом регионе также является политическая и экономическая нестабильность, что при принятии стратегических решений об осуществлении финансирования крупных промышленных проектов за рубежом является крайне важным. Так, практически рекордный рост инвестиций в Кению в 2015 г. (1,4 млрд долл.) обусловлен улучшением делового климата и бурным развитием внутреннего потребительского рынка, что делает привлекательным осуществление горизонтальных ПИИ. Смена стратегических приоритетов от ориентации на добычу сырьевых ресурсов (с целью их экспорта на мировые рынки) на повышение деловой активности, расширение внутреннего потребительского рынка и экономическую стабильность приводит к активизации иностранных инвесторов и росту инвестиционной привлекательности экономики в целом.

Развивающиеся экономики азиатских стран (в основном Восточной и Юго-Восточной Азии) являются крупнейшими в мире получателями ПИИ, совокупный объем которых составил 541 млрд долл. Существенный вклад в рост этого показателя оказывают инвестиции в корпоративный акционерный капитал в процессе организационных трансформаций. Экономические системы основных реципиентов в этом регионе (крупнейшими из которых являются Китай и Гонконг) характеризуются глубокой диверсификацией, большой емкостью внутреннего рынка, бурным развитием корпоративной формы собственности, что формирует высокий уровень инвестиционной привлекательности для иностранных инвесторов. Пример этого региона является ярким подтверждением тезиса о том, что наличие приоритетов развития, имеющих отражение в стратегии долгосрочного развития национальных экономик, основывающихся на существующих и активно формируемых конкурентных преимуществах, обеспечивает успех стран и регионов на глобальном экономическом пространстве. Рост наблюдается и в странах, которые переходят в активную стадию экономического роста, формируя приоритеты роста емкости внутреннего рынка и активизации экспорта, уровень дохода в которых относительно низкий (например, во Вьетнаме и Мьянме). Рост притока ПИИ демонстрирует Индия, реализующая стратегию активизации промышленного производства с использованием высоких технологий и массового аутсорсинга, а также Турция, динамика ПИИ в которой сильно зависит от уровня политической стабильности и мировых цен на природные ресурсы.

Страны, заинтересованные в привлечении ПИИ, реализуют меры, стимулирующие активность иностранных инвесторов. Большинство мер, формирующих условия внешней торговли, реализуются с целью их либерализации. По данным ЮНКТАД, из 96 мер, реализованных в мире в 2016 г., 71 обеспечивали упрощение условий внешней торговли и только 13 вводили дополнительные ограничения и нормы регулирования иностранных инвестиций. Большинство стран в целом ряде приоритетных отраслей (таких как авиация, финансовая сфера, горнодобывающая отрасль и недвижимость) снижают барьеры, либо полностью отменяют ограничения по ввозу иностранного капитала.

Стратегические приоритеты в странах, характеризующихся активизацией ПИИ, реализуются за счет следующих мероприятий:

- приватизация, в том числе объектов промышленной и транспортной инфраструктуры;
- упрощение процедур лицензирования предпринимательской деятельности;
- развитие специальных экономических и свободных зон;
- предоставление различных инвестиционных льгот;
- принятие либо совершенствование норм инвестиционного законодательства (как это произошло в ряде стран в Африке).

Однако следует отметить, что в отдельных отраслях, определяющих экономическую и продуктивную безопасность национальной экономики, реализуются приоритеты, направленные на ограничение участия иностранного капитала и ужесточение процедур получения иностранными инвесторами разрешений на приобретение активов в стране [3, 4]. К подобным объектам относятся, например, предприятия оборонно-промышленного комплекса, а также сельскохозяйственные земли.

Заключение

Для того чтобы страны смогли получить наибольший положительный эффект от роста глобальной экономики, в качестве одного из основных стратегических приоритетов им необходимо определить рост внутренних и иностранных инвестиций. С целью обеспечения активизации ПИИ в регионе необходимо реализовывать

меры стимулирования инвестиций, а не упрощение процедур инвестирования. Существует множество примеров, когда в регионах формируются благоприятные условия для инвестирования, но существенного прироста капитальных вложений в них так и не произошло, поскольку не были внедрены механизмы стимулирования инвестиций. Так, например, произошло с большинством свободных экономических зон, сформированных в различных регионах России, а также территорий опережающего развития (ТОР), которые предполагали активизацию инвестиционной деятельности, в частности, на Дальнем Востоке России, но так и не обеспечили реализацию данного стратегического приоритета.

Выявленные в работе глобальные стратегические тенденции развития ПИИ являются важным инструментом для разработчиков стратегий в этой области различного уровня — национального, регионального, отраслевого либо корпоративного. Проведенный анализ показал, что часть тенденций являются устойчивыми и носят стратегически важный характер, тогда как другие подвергаются периодическим изменениям в связи с трансформациями во внешней среде.

Литература

1. Зайцев А. А. Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 67–93.
2. Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М. : Бизнес-Атлас. 2012.
3. Кузнецов А. В. Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект. М. : КомКнига, 2007.
4. Могилат А. Прямые иностранные инвестиции в реальный сектор российской экономики: взгляд с микроуровня и прогноз до 2017 года // Вопросы экономики. 2015. № 6. С. 5–21.
5. Тедеева А. В. Стратегические характеристики прямых иностранных инвестиций // Экономика и управление. 2017. № 9 (143). С. 60–69.
6. Korinek A. Regulating Capital Flows to Emerging Markets: An Externality View. *NBER Working Paper N. w24152*. 2017, 28 Dec:50.
7. Global Investment Trends Monitor: Global FDI Flows Slip in 2016, Modest Recovery Expected in 2017. United Nations UNCTAD. N 25. 1 February 2017 // http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webdiaeia2017d1_en.pdf
8. Blomstrom M. R. Lipsey and M. Zegan. What explains developing country growth? *NBER Working Paper*. National Bureau for Economic Research, Cambridge, Massachusetts. 1994; 4132.
9. Borensztein E., Gregorio J., Lee J. W. How Does Foreign Direct Investment Affect Economic Growth? *Journal of International Economics*. 1998; 45:p. 115–135.
10. Békés G., Murakozy B. The Ladder of Internationalization Modes: Evidence from European Firms. *CEPR Discussion Paper N. DP12639*. 2018:38.
11. Hosseini H. An economic theory of FDI: A behavioral economics and historical approach. *The Journal of Socio-Economics*. 2005; 34:530–531.
12. Krugman P. Fire-Sale FDI // Chapter. URL: <http://www.nber.org/chapters/c6164>.
13. Kvint V. L. Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications. London-New-York: Routledge, 2015. p. 548.
14. Smarzynska B. Spillovers from Foreign Direct Investment through Backward Linkages: Does Technology Gap Matter? Mimeo, World Bank. 2002.

Об авторе:

Тедеева Ангелина Виталиевна, аспирант Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); linka.35@mail.ru

References

1. Zaytsev A. A. Intercountry differences in labor productivity: role of the capital, level of technologies and natural rent // *Economy Questions [Voprosy ekonomiki]*. 2016. N 9. P. 67–93. (In rus)

2. Kvint V.L. The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. M. : Business Atlas, 2012. (In rus)
3. Kuznetsov A.V. Internationalization of the Russian economy: investment aspect. M. : Komkniga, 2007. (In rus)
4. Mogilat A. Foreign Direct investments to the real sector of the Russian economy: a look from microlevel and the forecast till 2017 // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2015. N 6. P. 5–21. (In rus)
5. Tedeeva A.V. Strategic characteristics of foreign direct investments // Economy and management [Ekonomika i upravlenie]. 2017. N 9 (143). P. 60–69. (In rus)
6. Korinek A. Regulating Capital Flows to Emerging Markets: An Externality View. NBER Working Paper N. w24152. 2017, 28 Dec:50.
7. Global Investment Trends Monitor: Global FDI Flows Slip in 2016, Modest Recovery Expected in 2017. United Nations UNCTAD. N 25. 1 February 2017 // http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webdiaeia2017d1_en.pdf
8. Blomstrom M. R. Lipsey and M. Zegan. What explains developing country growth? NBER Working Paper. National Bureau for Economic Research, Cambridge, Massachusetts. 1994; 4132.
9. Borensztein E., Gregorio J., Lee J.W. How Does Foreign Direct Investment Affect Economic Growth?. Journal of International Economics. 1998; 45:p. 115–135.
10. Békés G., Murakozy B. The Ladder of Internationalization Modes: Evidence from European Firms. CEPR Discussion Paper N. DP12639. 2018:38.
11. Hosseini H. An economic theory of FDI: A behavioral economics and historical approach. The Journal of Socio-Economics. 2005; 34:530–531.
12. Krugman P. Fire-Sale FDI // Chapter. URL: <http://www.nber.org/chapters/c6164>.
13. Kvint V.L. Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications. London-New-York: Routledge, 2015. p. 548.
14. Smarzynska B. Spillovers from Foreign Direct Investment through Backward Linkages: Does Technology Gap Matter? Mimeo, World Bank. 2002.

About the author:

Angelina V. Tedeeva, Graduate student of Moscow School of Economics of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); linka.35@mail.ru

Рецензия на учебное пособие «Основы государственной культурной политики Российской Федерации»

Основы государственной культурной политики Российской Федерации : учеб. пособие / А. С. Тургаев, Л. Е. Востряков, В. В. Брежнева и др.; под ред. А. С. Тургаева ; ред.-сост. Л. Е. Востряков ; М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ин-т культуры. — Санкт-Петербург : СПбГИК, 2017. — 336 с.

ISBN 978-5-94708-251-7

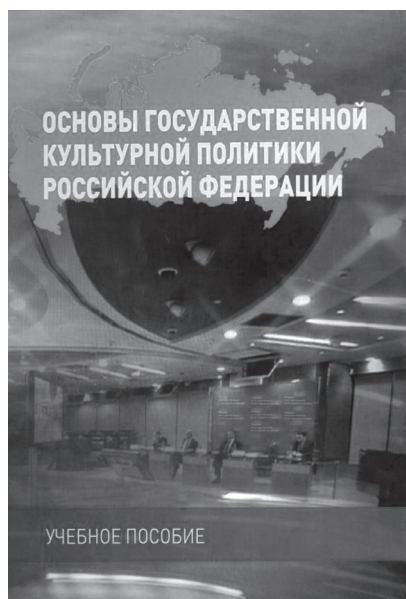
Кашина М. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kashina_soc@inbox.ru

РЕФЕРАТ

В рецензии представлен обзор первого учебного пособия по основам государственной культурной политики, подготовленного для студентов вузов Министерства культуры специалистами Санкт-Петербургского института культуры. Автор показывает значение вопросов, рассмотренных в данном пособии, для формирования и сохранения культурного суверенитета России, обеспечения ее национальной безопасности в условиях информатизации общества, роста идеологического и цивилизационного противостояния в современном мире. Рецензент рассматривает как сильные стороны, так и ряд недостатков данного издания, и приходит к выводу о том, что авторы учебного пособия достигли поставленных целей, и данное пособие внесет свой вклад в формирование профессиональных компетенций будущих деятелей культуры и искусства России.

Ключевые слова: государственная культурная политика, культура, культурный суверенитет, национальная безопасность

Review of the Textbook Fundamentals of the State Cultural Policy of the Russian Federation

Kashina M. A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; kashina_soc@inbox.ru

ABSTRACT

The review presents an overview of the first textbook on the basics of governmental cultural policy. It was prepared for students of the universities of the Ministry of Culture by specialists of the St. Petersburg Institute of Culture. In the review the author shows the importance of the discussed issues for the formation and preservation of Russia's cultural sovereignty, ensuring its national security in the condi-

tions of informatization of society, the growth of ideological and civilizational confrontation in the modern world. The reviewer considers both the strengths and the weaknesses of the manual. Nevertheless, she concludes that its authors have achieved the set goals, and this manual will contribute to the formation of professional competencies of the future figures of culture and art of Russia.

Keywords: governmental cultural policy, culture, cultural sovereignty, national security

В эпоху глобализации, информационных войн, растущего цивилизационного и межкультурного противостояния вопросы государственной культурной политики приобретают особое значение. Если в СССР, чтобы не допустить «вредоносного» воздействия западной цивилизации на неокрепшие умы советской молодежи государство могло просто опустить «железный занавес», глушить вражеские радиоголоса и высылать диссидентов из страны, то в современном информационном обществе, когда интернет и социальные сети стали неотъемлемой частью образа жизни, причем не только молодежи, государству приходится искать иные способы противостояния своим идеологическим оппонентам. Статья 29 Конституции Российской Федерации гарантирует гражданам России свободу мысли и слова, а также право «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». При этом «никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них»¹. Сегодня нужно выигрывать борьбу не только и не столько на уровне военной техники, сколько на уровне ценностей. Именно поэтому вопрос о российских духовно-нравственных ценностях обсуждается на уровне Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2030 г. А ценности, как известно, продуцируются и реализуются посредством культурной деятельности граждан, которая, в свою очередь, регулируется и управляется через проведение государством культурной политики.

Рецензируемое учебное пособие «Основы государственной культурной политики Российской Федерации» адресовано студентам высших учебных заведений системы Министерства культуры Российской Федерации, но с учетом соображений, высказанных выше, знакомство с ним будет полезно всем студентам высшей школы, поскольку именно они являются объектом той идеологической борьбы, победа в которой является залогом будущего России как великой мировой державы.

В учебном пособии два раздела: «Государство и культура в современной России» и «Основные направления государственной культурной политики современной России». Первый раздел носит теоретико-методологический характер, в нем рассматриваются ценностно-нормативный цивилизационный подход в государственной культурной политике, исторические аспекты российской модели государственной культурной политики (средневековый, имперский и советский периоды), а также современные типологии моделей государственной культурной политики (в том числе дается критический обзор подходов и концепций западных исследователей). Важными сюжетами первого раздела выступают нормативно-правовые, экономические и управленческие основания государственной культурной политики, а также рассмотрение ее в качестве фактора национальной безопасности. Трудно не согласиться с авторами учебного пособия, которые, рассматривая вопросы обеспечения культурного суверенитета нашей страны, утверждают, что «если государство не придает значения собственной культурной политике, то его гражданам легко навязать чуждую культуру, чуждый культурный код, что приведет к уничтожению суверенитета культуры народа страны» и далее: «государство и его граждане имеют право

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 22.05.2018).

противодействовать распространению информационной продукции, угрожающей национальной идентичности общества, этическим, эстетическим и бытовым нормам»¹.

Соответственно, вопрос в том, какие именно культурные коды составляют культурную идентичность российских граждан, и как их донести до них. Этим вопросам посвящен второй раздел рецензируемого учебного пособия. В нем рассматриваются основные направления государственной культурной политики современной России. В частности, обсуждаются вопросы культурного наследия и этнокультурного разнообразия народов России, культурно-языковой политики, информационного обеспечения развития сферы культуры, культурного воспитания и просвещения граждан.

Понятно, что трудно обсудить в небольшом по объему учебном пособии все многообразие видов культурной деятельности государства, поэтому авторы сосредоточились на нескольких ключевых областях: сохранении этнокультурного разнообразия в едином информационном пространстве, государственной поддержке художественной культуры и профессионального искусства, музейной деятельности, а также роли культурной политики в области воспитания и просвещения детей и молодежи. Отдельный важный сюжет второго раздела — международная культурная политика.

Роль культурной дипломатии и необходимость продвижения российской культуры в мире невозможно переоценить. Можно только согласиться с авторами, которые утверждают, что «Образ государства, его репутация в мире, международный авторитет во многом формируются именно на основе культурного достояния этого государства, интенсивности его культурных связей с другими государствами, степени его участия в международном культурном обмене, уровня культурного развития и умения использовать свой культурный потенциал на мировой арене. Именно культура обладает теми уникальными возможностями, связанными с формированием позитивного образа народов, государств, который в конечном итоге помогает и в решении политических проблем». Продвижение позитивного образа российской культуры и русского языка в мире — это задача не только специализированных государственных структур и различных общественных организаций, деятельность которых подробно описана в этой главе учебного пособия. Это задача каждого из тех, кто считает себя патриотом России, кто гордится своим российским гражданством, и круг этих людей гораздо шире, чем студенты вузов, подведомственных Министерству культуры Российской Федерации.

Конечно, рецензируемое учебное пособие не свободно от недостатков. В первом разделе отсутствует отдельный параграф, посвященный месту культурной политики в системе видов социальной политики государства. Остается неясным, какие подходы существуют в государственной культурной политике помимо цивилизационного. Вторая глава, в которой рассматривается исторический аспект российской модели государственной культурной политики, очень тезисная. На двадцати страницах авторы пытаются раскрыть почти тысячелетний опыт культурной политики российского государства. Хотя, возможно, здесь многое предстоит сделать самим студентам в ходе самостоятельной работы по курсу. В главе тринадцатой «Личность и общество как объекты государственной культурной политики» стоило бы не только описать культурные мероприятия, проводимые для детей и молодежи, но и возникающие при этом проблемы, привести данные социологических исследований, позволяющие оценить эффективность этих мероприятий. Отдельного рассмотрения заслуживает феномен молодежных субкультур и позиция государства по отношению

¹ Основы государственной культурной политики Российской Федерации: учеб. пособие / А. С. Тургаев, Л. Е. Востряков, В. В. Брежнева и др.; под ред. А. С. Тургаева; ред.-сост. Л. Е. Востряков. СПб. : СПбГИК, 2017. С. 90–91.

к ним. Не ко всем главам пособия есть задания для самостоятельной работы студентов. Вопросы для самопроверки носят, порой, формальный характер. Однако все это не снижает общей ценности рецензируемого учебного пособия, скорее, это задачи, которые авторы смогут решить при подготовке следующих изданий своей работы.

«Основы государственной культурной политики Российской Федерации» является первым учебным пособием, чьей задачей выступает приобщение будущих деятелей культуры и искусства к проблематике культурной политики государства. Своей профессиональной деятельностью выпускники вузов Минкульта России будут эту политику реализовывать, поэтому им крайне важно понимать, что не в последнюю очередь именно от них, от успешности их работы будет зависеть сохранение национальной безопасности нашей страны и ее культурного суверенитета.

Об авторе:

Кашина Марина Александровна, доцент кафедры связей с общественностью и социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент; kashina_soc@inbox.ru

About the author:

Marina A. Kashina, Associate Professor of the Chair of Public Relations and Social Technologies of North-West Institute of Management of a RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Associate Professor; kashina_soc@inbox.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory” (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/login>). Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>)

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ♦ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»;
 - ♦ после проведения научной экспертизы редакция вправе запросить две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае, если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.

3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождена:
 - ◆ сведениями об авторах (на **русском и английском языках**), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках**.
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;

- ♦ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
- 5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
 - ♦ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ♦ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;
 - ♦ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
 - ♦ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой ...

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

♦ *Монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ *Статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ *Публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ *Статьи в научных журналах:*

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2018. № 6(114)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.06.2018.

Подписано к печати 15.06.2018.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 14,19 . Тираж 200 экз.

Заказ № 6/18.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97